

18+

Бай Айран

ВСАДНИКИ ВЕТРА

Бай Айран Всадники Ветра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63754426

ISBN 9785005309969

Аннотация

В первой части фэнтезийной трилогии повествуется о принцессе Эверин Страстной, ее двух волках – Ниллице и Алди, магических связях Динео и Всадниках Ветра.

Содержание

Пролог	5
I Эверин	7
II Королева	87
III Тень	169
– Я...	177
– И?	191
– Я...	197
Конец ознакомительного фрагмента.	205

Всадники Ветра

Бай Айран

© Бай Айран, 2021

ISBN 978-5-0053-0996-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Стоял абсолютно спокойный день, который купался в мягких солнечных лучах. Птицы привычно перекликались в зеленых, пышущих цветом и жизнью ветках дерева, озорной ручей бросался на гладкие камни, а мелкие зверьки деловито копошились в собственных норках. В лесу было одновременно тихо и спокойно, но при этом в нем царила вечная жизнь. В воздухе стоял крепкий запах цветов и отдаленное напоминание о скошенной траве. Будто все вокруг было пронизано миром, счастьем и лучами сияющего солнца.

На холме, покрытом зелеными волнами травы, обрисовалась четкая фигура человека. По бокам от него уверенно бежали две огромные собаки. С каждым мгновением они все приближались и приближались к равнине, на которой кое-где виднелись камни.

В тени многолетнего дуба, раскинувшего свои ветви выше к небу, примостилась, на первый взгляд, огромная куча мха. Вокруг нее жались веточки ландышей и сочные стебли щавеля. Но куча равномерно поднималась и опускалась. И в этот момент до нее донеслись звуки бегущих человека и собак.

Огромная зеленая голова с усилием оторвалась от земли. Комья мха полетели в разные стороны, когда дракон осторожно повернулся в сторону холма. Его темно-зеленая чешуя давно потеряла свой блеск и покрылась слоями грязи

и мха, так что только морда выдавала его истинный окрас. Тяжелые кожаные веки с трудом поднялись, и круглые черные зрачки на голубом фоне сузились в маленькие полоски. Бока тяжело раздулись при очередном вздохе, и он умиротворенно опустил голову на вытянутые лапы. «А, Всадники...» – лениво появилась в мысль в его уставшем и одряхлевшем от времени сознании.

Девушка застыла на краю оврага, который срывался в бесконечную равнину, засыпанную камнями и поросшими дубами. Бока стоящих рядом волков часто вздымались, а розовые языки свешивались из пастей. Ее взгляд скользил по распростертой земле уверенно и смело. Она едва ли заметила старого дракона, спавшего в тени, все ее внимание мгновенно перенеслось на другое существо.

Серебряный взгляд пронзил ее до самых душевных глубин.

Он будет принадлежать только ей.

І Эверин

«В Королевстве Дейстроу давно существовала традиция – правящая династия выбирала невесту для наследного принца из семьи герцога Фунтай. Ежели кандидатка не устраивала царствующего монарха, он мог обратить свой взор в семью Флуцбергов – благородная кровь бежала и по их жилам. Никто бы не смог сказать, где эта традиция берет свои истоки и почему правящая династия не протестует ей. Ведь браки наследных принцев заключались не из политических соображений, а в память своих предков.

Но принц Ялдон Жертвенный также выбрал себе невесту из семьи Фунтай – по согласию своего отца. Он погиб в пограничной схватке с Красной страной. Смерть наследника престола стала ударом для короля Энтраста и невесты его сына Дикси Фунтай»

История Королевства Дейстроу, писец Клэвэр

Я раздраженно зашипела, когда служанка неловко потянула мои волосы, зацепившись щеткой за небольшой колтун. Стиснув зубы, я бросила на ее отражение в зеркале полный ненависти взгляд. Хотя эта злоба почти мгновенно потухла, и девушка продолжила послушно расчесывать волосы и беспрерывно щебетать о разной чепухе. Какого цвета будет рос-

кошное платье, какие камни будут пришиты на подоле, а какие на лифе. Что приказала госпожа герцогиня Фунтай уложить в дорогу, и зачем нам понадобится в пути столько платьев и нарядов, и как на это отреагирует двор короля.

– Миледи! – осуждающе воскликнула служанка, когда я резко встала и выпрямилась. Меня даже не волновало, что на щетке остался порядочный клочок волос. – Я должна подготовить вас! – она бросила на мое лицо умоляющий и взгляд, и я, негодуя, села на место.

Сердце мое разрывалось на куски. Одна часть моего внутреннего мира так восторженно хотела понестись на молодом жеребце в невиданные края, ощутить всем своим разумом чистоту и простоту мира, понять, что такое свобода. И, наконец, избавиться от чертовых платьев в кружевах. Другая же почтительно понимала, что у меня есть долг, который выполнить перед своими родителями я просто обязана, и другого выбора быть не могло даже в теории. Меня для этого и воспитывали, вся сознательная жизнь была основана на этих стремлениях. Это мой долг, что уж и говорить о мечтах, о свободе. Бессмысленно...

– Миледи Фунтай, ваша матушка пришла поговорить, – сообщила горничная, которая появилась в дверном проеме за минуту до своей госпожи.

В комнату вихрем ворвалась моя мать. О, что эта за женщина! В свои сорок восемь лет она купалась в мужском внимании, но при этом не забывала и про своего горячо люби-

мого мужа. Своей красотой герцогиня Фунтай могла поставить в замешательство. В чертах ее лица не было ничего особо примечательного – гладкие скулы, прямой нос, округлый подбородок. Паутина мелких морщинок у губ, потому что она часто улыбалась, и одна глубокая линия посреди лба, свидетельствующая о долгой работе мысли. Слегка раскосые глаза, оттенка долголетнего бренди, черные, с посеребренными нитями, курчавые волосы. Фигура тоже была самая обыкновенная. Герцогиня не была высокого роста, едва доставала подбородком до груди мужа. Для своих лет она имела округлые, пышные формы, но не была полной. Вся ее магическая красота заключалась в умении себя держать и в пронизательном взгляде. Мужчины и женщины млели под этим взглядом. Если она что-то приказывала, то все ей беспрекословно подчинялись. Если герцогиня улыбалась, то у всех на лицах безвольно тоже расплывалась улыбка. Красота ее таилась внутри, в силе духа и воле, а тело было лишь приятной окантовкой этого великолепного сокровища.

– *Секевра Эверин Фунтай!* – с хмурым взглядом официально бросила она. Я чувствовала ее недовольство, но никак не показала страха, который отчаянно закричал во мне. Как и все, я очень боялась крутого нрава матери, но единственная могла это не только скрывать, но и противоречить воле герцогини.

– Да? – я специально не добавила ни титула, ни ее имени, и дерзко вздернув подбородок, устремила свой взгляд на нее.

– Может, ты прекратишь сбегать от своих родителей?! – возмущенно спросила она. Слуги исчезли из комнаты, как только герцогиня обратилась ко мне. Никто не хотел попасть под удар ее праведного гнева.

– И вовсе не сбегала. Просто гуляла, – дерзко оправдалась я. Если мой голос и дрожал, то мать этого не заметила.

– Как ты не понимаешь, Эверин, ты дол...

– Я все понимаю, – резкий тон заставил мою мать замолчать. – И я здесь и готова сделать то, ради чего вы воспитывали свою дочь. Но ты и так прекрасно понимаешь, мама, есть две мои судьбы, и, если принц Скопдей сочтет меня непригодной, я выберу иной путь.

Герцогиня тяжело вздохнула. Ей сложно было представить, что случится, если королевская семья не примет дочь, которую с раннего детства готовили для того, чтобы она стала женой наследного принца. Так было заведено в нашей семье, герцогов Фунтай. Каждое поколение воспитывало девочку, которая впоследствии становилась правящей королевой. Но так случалось не всегда – даже если девочку приготавливали надлежащим образом, принц мог отказаться от жены из семьи Фунтай, и тогда ему предоставляли выбор невесту из семьи Флуцбергов. С иными же людьми королевская семья не могла связать узами своего наследного принца. Таковы были законы нашего Королевства Дейстроу.

Семья Фунтай считалась правильной оттого, что в наших жилах текла древняя кровь, которая способствовала рожде-

нию сильного монарха. Силой духа, тела и разума. Чтобы не допустить смешения кровей, наши предки издали закон, при котором невыбранная невеста уходила из семьи, тем самым завершая кровную цепочку. Оттого мы даже не приходились родственниками царствующей семье.

С детства во мне прививались чувства долга и ответственности. Едва ли мне стукнуло шесть, как родители начали воспитывать во мне будущую принцессу – жену принца. Я не могла играть с другими детьми – почти постоянно я чему-то обучалась. Письму, чтению, манерам, вязанию или плетению кружев. Неважно. Но мне нельзя было отвлекаться, так как моя жизнь была разделена на две части, как кусок масла острым ножом. Во второй половине моего долгого и тяжелого дня начиналось обучение, готовящее меня к становлению на путь «отвергнутых». И путь этот был гораздо привлекательнее, чем долгая и скучная жизнь на тяготящем троне. После обеда давались уроки фехтования, верховой езды. Я много времени проводила в конюшнях, вычищая свою лошадь и ее стойло. Много времени занимала и охота, которая развивала быстроту и ловкость. Я не только фехтовала, но и стреляла из лука. В эти часы мои кружевные платья сменялись на удобные кожаные штаны, мягкие сапоги и короткую куртку. В эти часы я становилась сама собой. Судьба «отвергнутой» привлекала меня гораздо сильнее. Но печальный опыт прежних лет говорил о том, что королевские семьи редко отказываются от дара герцогов Фунтай. Так что

мои родители и думать не хотели, что я стану той, о ком мечтаю. Жизнь при дворе была слишком тягостной, терпение не выдерживало постоянных случайных слухов, и мгновенная усталость овладевала сознанием, стоило лишь подумать о вечере в компании благовоспитанных аристократов. Я с удовольствием променяла бы эти часы на минуту пребывания в удобном седле на своем любимом жеребце. Но это лишь пустые мечты маленькой девочки, которая и по сей день жаждала сбежать от связывающего ее долга. Я должна думать не только о Королевстве, но и о своей семье, что тоже немаловажно. Ведь моя старшая сестра так и не стала правящей королевой.

О, сколько боли ей это принесло! Она, полная моя противоположность, всегда мечтала о придворной жизни. Ей не хотелось даже думать о том, что когда-нибудь король откажется взять ее в жены для своего сына. Дикси всю свою жизнь до шестнадцати лет посвятила изнурительной, на мой взгляд, подготовки. Что ж, король Энтраст Справедливый принял дар от нашей семьи, но, к сожалению, старший сын Ялдон Жертвенный погиб в пограничной схватке с нашими соседями. Дикси так и не стала женой наследного принца. Все что ей оставалось – это вести жизнь придворной леди, у которой была перспектива стать королевой.

Я прекрасно понимала, что сестра очень надеется, что из меня выйдет подходящая партия для младшего принца – тогда бы она смогла гордиться не только мной, но и собой.

Ведь оставшиеся годы ее цветущей молодости она провела в попытках приручить мой буйный нрав к обычаям истинных аристократов. Удалось ли ей это? Не знаю. Но подвести Дикси, нанести ей еще больший ущерб, нежели смерть Ялдо-на, казалось для меня невозможным, как и предать долг перед своими родителями. Сердце мое постоянно находилось в подвешенном состоянии, никак не находя выхода из этого нервного состояния. Я боялась не только согласия на мой брак, но и отказа. Ведь каким бы не был принц, мое предназначение в том, чтобы не опозорить собственную семью.

Часть меня до дрожи в коленках боялась увидеть принца. Ведь Силенс Скопдей Могучий уже исполнял некоторые обязанности короля – он достиг семнадцатилетия. Насколько мне было известно, он редко занимался придворной жизнью, предпочитая обществу аристократов непринужденное общение с солдатами и животными. Этой весной ему минул двадцатый год, и принц был просто обязан жениться, не на мне, так на невесте из семьи Флуцбергов. До конца я не понимала, чего же на самом деле боюсь и хочу. Во мне до такой степени перемешались все чувства, что мысли никак не могли сформироваться, лишь разбегаясь по моей голове, будто перепуганное стадо овец.

– Ох, Эверин, знала бы ты как мне сложно отдавать вторую дочь королевскому трону! – сдавленно произнесла герцогиня. Я удивленно подняла на нее свой взгляд. Лицо моей матери заметно постарело от явных переживаний. Морщина

на лбу, казалось бы, за несколько мгновений пролегла еще глубже, а сияющая молодостью улыбка превратилась в тонкую линию сжатых губ. Теперь я наконец полностью осознала, что значило для нее неудавшееся замужество Дикси. Вот почему моя мать так отчаянно готовила меня к этой роли. Когда погиб Ялдон, мне как раз исполнилось шесть, и обучение мое началось.

– Миледи, я обещаю Вам, – неожиданно официально начала я, – что сделаю все, на что только способна. Ваши усилия не пропадут даром, я уверена в этом. – Я подошла к ней и осторожно взяла ее руки в свои ладони. Мою мать билa легкая дрожь, она бросила на меня отчаянный взгляд, полный мольбы. О Боже, нужно срочно позвать сюда слуг для свидетельства слабости всесильной герцогини. Горькая усмешка не помогла мне справиться с собственной паникой, которая как листья крапивы жгла мою грудь и горло. Слезы лишь на мгновение заволокли картину передо мной, но я тут же взяла себя в руки, и минутная слабость как будто испарилась.

Герцогиня в это же время пыталась совладать с собой. Осторожным движением она поправила волосы, отдернула платье и постаралась придать своему лицу обезоруживающее выражение и слегка надменный вид. Я усмехнулась. Моя мать, как всегда, была неподражаема. Только она способна на то, чтобы быть надменной, когда отчаянно хочется получить чью-то помощь.

– Что ж, я рада, – едва ли не холодно ответила герцогиня,

но в глубине ее глаз я заметила следы благодарности – герцогиня вряд ли могла произнести это вслух.

Я легко присела в реверансе и кивком головы показала, что готова продолжить приготовления к предстоящему отъезду. Герцогиня бросила на меня последний взгляд, словно оценивая всю силу моего обещания, и повелительным тоном начала раздавать приказания, как только переступила порог моей спальни. Минутная передышка была для меня моментом ностальгии. Я рассеяно оглядела свою комнату и слабо улыбнулась тому, что увидела, и собственным воспоминаниям.

Эта небольшая комната перешла в мои владения, как только родители посчитали меня достаточно взрослой, то есть около восьми лет назад. Конечно, не настолько взрослой, как могло показаться на первый взгляд, но их решения было достаточно, чтобы я начала жить самостоятельно. Огромная кровать занимала большую часть комнаты, расположившись к югу от двери, которая вела в мою гостиную. Светлое дерево своим оттенком напоминало мне отцовскую загорелую кожу, поэтому, когда во время летних ночных гроз мне становилось особенно страшно, я зажигала большую восковую свечу и глядела на блики, которые плясали на панели кровати, мне становилось легко и радостно. Мягкая перина очень часто манила к себе после долгого и изнурительного дня, а свежее и чистое белье, ароматизированное запахом душистых трав, свидетельствовало об отменной ра-

боте моей служанки Уэн. Слева от кровати в комнату проникало очень много света через огромное окно, практически во всю восточную стену. Ставни сейчас были закрыты, так как на улице бушевал весенний дождь, и я с сожалением вздохнула. Как много времени я провела, глядя на великолепные просторы, которые расстилались за территорией нашего поместья. Глаза мои с восхищением глядели на белоснежные шапки далеких пик гор, на вечнозеленые деревья и буйство красок настоящей жизни, которая начиналась за невысокой оградой. Но та свобода была мне недоступна. Помимо кровати в комнате стоял комод, на панель которого давным-давно приставили большое зеркало с позолотой и разнообразными завитушками на углах. Креслом и небольшим очагом заканчивалась моя небольшая, но собственная комната. Ах, мой очаг! Как часто я находила у него утешения, беспристрастно окунаясь в магию пляшущего пламени! Друзей у меня почти не было, разве что старшая сестра, но даже она заботилась лишь о том, чтобы воспитать во мне достойную принцессу, не замечая за моим долгом ранимую и чуткую душу. Я фыркнула. Неужели отъезд из родного поместья заставлял саму себя жалеть или мне действительно этого хотелось? Задумываться над этим вовсе не хотелось, ведь я всегда боялась показать свой страх и неуверенность. Одиночество воспитало во мне силу воли, которая крошилась под натиском проблем и тревог, но никто кроме меня не должен узнать об этих не столь значительных рассужде-

ниях. Когда Уэн поспешно зашла в комнату, мой взгляд был прикован к гобелену, имя автора которого давно потеряно во времени. Именно на этом полотне я чаще всего находила оттенки собственной души. Будто девушка и волк когда-то являлись частью моей души, хотя в действительности это было просто напросто невозможно.

– Мисс Фунтай? – робко спросила служанка, и я с трудом повернулась в ее сторону. Взгляд Уэн говорил, что она хотела бы продолжить работу над моей прической. С тяжелым вздохом я опустилась на табурет, и ловкие руки начали прочесывать пряди.

– Уэн, я так не хочу ехать, – горестно призналась я. Это было не похоже на мое привычное поведение, но душа отчаянно хотела поделиться тревогами хоть с кем-то.

– Я понимаю вас, миледи.

– Как? Тебе тоже приходилось проходить через нечто подобное? – Удивление слегка оживило меня.

– Нет, конечно, моя герцогиня, не совсем так, – сквозь улыбку ответила Уэн. – Но когда меня отправили в поместье вашей семьи, чтобы я стала служанкой для юной леди, обуревали подобные чувства.

– Это совсем другое...

– Не скажите, – дерзко перебила она. – Простите, миледи! – тут же потупилась служанка. – Просто моя мечта состояла совсем в другом стремлении. Я хотела стать свечницей, а не служанкой, но это мои родители нуждались во мне,

они не могли оплатить должного обучения в мастерской, и я не сумела предать их ожидания, – пояснила Уэн. – Думаю, вы испытываете нечто схожее.

– С чего ты вдруг решила, что я не хочу стать принцессой? – Меня неожиданно разозлило то, что моя слабость была обнажена перед каким-то человеком. Обычно доверие мое не распространялось на людей, тем более мне не близких. Нет, дело не в том, что она служанка, дело в моей пугливой и скрытной натуре.

– О, мисс Фунтай! – служанка рассмеялась, но тут же покраснела, но не стала извиняться. – Думаете, никто не замечает, какую страсть вы испытываете во второй половине дня? Как сверкают ваши прелестные глаза? Как вы преображаетесь и становитесь в стократ красивее, чем когда на вас платье?

Я фыркнула. Красивее! Я вообще не считала себя миловидной особой. Я привлекательной себя назвать не могла, не то что бы красивой, поэтому слова Уэн слегка меня позабавили. Неужели в ней говорят истинные чувства или только правила приличия?

– Может и так, Уэн, но я не намерена отступить от своей цели, а, значит, я обязана стать женой принца. – Слова дались с превеликим трудом. Обычно мне эта цель не казалась такой уж сложной, но как только слова обрели форму, ком застрял в моем горле, и слезы едва не брызнули из глаз. Но годы, проведенные в строгости и одиночестве, позволили

справиться со слабостью, и я дерзко вздернула подбородок. Щеки покраснелись, что я очень ненавидела в себе.

– Вы так мило краснеете, моя леди... – девушка запнулась, заметив мой яростный взгляд, и уже в тишине продолжила расчесывать мои волосы, чуть ли не доводя их до состояния шелка.

Я не ощутила никакого удовольствия, когда Уэн принесла из соседней комнаты темно-синее платье. Моя благодарность не знала предела, когда я не увидела на платье кружев. О, боги! Моя мать сжалилась надо мной и не настаивала на пышном украшении платья, ограничившись лифом на шнуровке и пышными юбками. Пока Уэн управлялась со шнурками, я мрачно глядела на себя в зеркало. Платье было сшито на славу. Его формы подчеркивали мою фигуру, выделяя достоинство и скрывая недостатки. Декольте практически закрыто, но спина наполовину обнажена. Синий цвет выгодно оттенял белоснежные плечи, а пышные юбки на крахмале лежали великолепными складками. Служанка что-то мурлыкала себе под нос, и я невольно улыбнулась, ощущая, как ее ловкие пальцы скользят под лифом, продергивая шнурки и стягивая корсет, который был его основой. С каждым ее легким движением я должна была тяжелее дышать, но стройное тело позволяло сколь угодно стягивать талию, подчеркивая ее плавные линии.

В сознании появилось неожиданное спокойствие. Скорее всего, я просто смирилась с тем, что меня ожидало. Но лег-

кость души нельзя было объяснить пониманием. Я поехала. Обычно такое ощущение свидетельствовало о предчувствии. То было начало таинственной магии, которая вместе с древней кровью текла по моим жилам. Никто об этом не знал – я просто не нашлась, кому довериться. Если бы родители слегка иначе относились ко мне, они давно бы узнали о моих едва заметных, но присутствующих, способностях. Поэтому с каждым днем крепла моя уверенность в том, что, скорее всего, я буду отвергнута принцем. Потому что девушки с магией Динео никогда не становились королевами.

– Мисс Фунтай, ваша матушка ждет вас внизу, пора отправляться! – сообщил лакей, предварительно постучавшийся в дверь. Уэн кивнула ему, и он поспешно удалился.

Последний раз я заставила себя привести чувства в порядок, и, гордо вскинув подбородок, пошла по знакомым коридорам. Деревянные полы приятно отзывались под моими шагами, знакомые картины напоминали о годах, проведенных в этих теплых и уютных стенах. Я понимала, что могу никогда сюда не вернуться – если стану «отвергнутой», и еще, что хуже, этот дом может стать для меня чужим. Не знаю, почему лишь грустные мысли овладевали мной, когда я смотрела на резные подсвечники и оплавляющийся воск. Почему привычный запах трав внушал лишь страх перед неизвестным будущим, а лица слуг заставляли испытывать тоску?

Несмотря на то, что я была дочерью герцога, я не привыкла к большому вниманию слуг. Да, у меня была Уэн, многое

в доме выполняла и другая прислуга, но некоторые их обязанности порою осуществлялись моими собственными руками. Поэтому, выйдя из высоких дверей дома, несмотря на мелкий дождик, я уверенно направилась в сторону конюшен, которые заманчиво темнели в грозовых сумерках. Запах сена и животных мгновенно уничтожил все мои сомнения и страхи. Лошади мерно дышали в своих стойлах, иногда принимаясь за угощение или топая копытами по вычищенной земле. Наше поместье было не столь большим, оттого и конюшни не являлись огромными, но все же для меня они воплощали в себе образ родного дома. Как часто, когда родители не могли меня отыскать, маленькой девочкой я зарывалась в кучу сена в стойле моей лошади. Старая кобылка умерла два года назад, чем повергла в шок не только меня, но и нашего конюшего, который предсказывал ей долгую и спокойную старость. Вместо кобылки мне предоставили ее однолетнего жеребенка. Пришлось постараться и набраться терпения, прежде чем он ко мне привык, и я смогла бы ездить на нем верхом. Но за прошедшие два года Шудо стал мне верным другом, в котором я могла полностью увериться.

Жеребец призывно заржал, как только я зашла в его стойло, несмотря на протесты служанок, беспокоящихся за мое прелестное платье. Я одобрительно похлопала Шудо по мерно вздымающемуся боку и позволила конюшенному мальчику оседлать коня. Шудо не был особо доволен, что это сделала не я, поэтому мне пришлось подогнать упряжь так, как

он привык. Взяв его под уздцы, я повела его к выходу. Каждый мой шаг был сродни прощальному шествию. Глаза с горечью бегали по масляным фонарям, по фыркающим лошадям, и сердце наполнялось тяжелой истомой. Темно-вишневые доски, желтоватое сено, терпко пахнувший овес и сладковатый дух слегка подгнивших яблок – с каким отчаяньем мне хотелось окунуться в этот привычный, простой и примитивный мир. Шудо недовольно потянул меня вперед, непривыкший так медленно двигаться. Его молодость давала о себе знать – он предпочитал резвый галоп мерному шагу, и я прекрасно понимала его чувства, ведь сама готова была сорваться вихрем в путь, дабы избавиться от этой странной боли в груди.

На улице прекратился дождь, но влага тяжким грузом стояла в воздухе, а темные тучи даже лишали надежды хоть на крошечный лучик солнца. Отъезд начался в довольно мрачной обстановке. Или мне только показалось?

Группы оживленно переговаривались между собой, подводя лошадей к господам или впрягая их в кареты. Слуги сновали туда-сюда, укладывая оставшиеся вещи и припасы еды. Два крепких конюшенных мальчика резво катили большую бочку, наполненную свежей и чистой водой. Три таких же уже стояли на телеге и были надежно прикреплены к ее бортам. Герцог слабо улыбался, наблюдая за своей женой, застенчиво флиртовавшей с каким-то мелким аристократом, который должен был нас сопровождать до столицы

Дейстроу. Его пегой мерин бодал хозяина головой, а главный конюший безуспешно пытался удержать Багрота от этих действий. Мой отец задумчиво провел по рыжим, завитым кверху усам, едва тронутым сединой, и неодобрительно покачал головой. Он был высок – даже я рядом с ним чувствовала себя маленькой, хотя была не намного ниже герцога. Широкие плечи и могучий торс говорили о том, что даже в своем возрасте и положении он не забывает, что такое обычный физический труд. Стоял герцог уверенно, широко расставив ноги, и сложив руки на груди. Пронзительный зеленый взгляд коснулся и меня, и папа тепло улыбнулся. Я видела в его лице напряженность, страх за меня и болезненную ревность по отношению к матери. Упрекнуть его я бы не посмела – как? Я, как никто другой, понимала, насколько сильна любовь отца. Он пошел против воли родителей и женился тайно, не получив благословления. Моя матушка была из простой семьи, из крестьянской хижины – не пристало герцогу крупных земель и главе линии Фунтай жениться на простолюдинке. Но Содлон не ошибся – из Лендри вышла отличная герцогиня, перед которой все благоговели.

– Миледи, – тихий голос вывел меня из задумчивости. Уэн жалобно смотрела на своего буйного жеребца, который единственный не был задействован в процессии, оттого был поручен служанке, которая должна сопровождать свою леди. Естественно, как и я, верхом. Сердце мое сжалось. Она не привыкла к такому.

– Уэн, ты можешь поехать в моей карете! – ответила я, и девушка бросила на меня взгляд, преисполненный благодарности.

– Как и вы, юная леди! – строго сказала Лендри Фунтай.

– Мама, нет...

– Ты можешь со мной не спорить – именно по этой причине на тебе надето столь простое, но все же шикарное платье. Оно вместо дорожного костюма.

– Так мне...

– Да, тебе предназначен другой наряд для встречи с принцем. – Сердце мое упало. Что там такого наваяла моя мать? – Немедленно в карету!

– Но как же Шудо? – с надеждой спросила я.

– Грумы привяжут его поводья...

– Нет! Нельзя так с ним! – живо запротестовала я.

– Эверин! Не перечь матери! – Глаза герцогини метали молнии. Я вздохнула и покорно пошла в сторону кареты. Как только мы с Уэн были скрыты от ее все замечающего взора, я зашептала:

– Уэн, где...

– Я сейчас все достану, – покорно сказала служанка, даже не дослушав меня до конца. Видимо, ей было слегка обидно оттого, что я сейчас избавлюсь от платья, которое она так бережно разглаживала по моей фигуре и с таким трудом зашнуровывала корсет.

Она некоторое время покопалась в дорожных сумках

и вскоре обнаружила то, что я предпочитала шелку и кружевам. Обычные добротные штаны из мягкой кожи, сапоги из того же материала, но другого цвета, на легких подвязках, обычная льняная белая рубаша и короткая темно-коричневая куртка с капюшоном и легким соболевым мехом. На улице было слегка прохладно, так что мех пришелся в самый раз.

– Уэн! – Служанка посмотрела на меня глазами расстроенной лани. – Ты прекрасно поработала над моим нарядом! Не ты виновата в том, что твоя леди предпочитает обычную одежду охотницы! – после моих слов лицо Уэн просияло.

Неудобно изогнувшись, с помощью девушки я избавилась от платья, чулок и туфель, и вскоре была облачена в более практичный наряд. Процессия еще не двинулась, поэтому я выскользнула из кареты и подошла к Шудо. Жеребец радостно загарцевал, когда я отвязала его поводья от кареты. Он смиренно застыл, когда моя нога коснулась стремени, и позволил легко забраться в седло. Ощущение свободы и легкости заполнило меня до краев. Я провела пальцами по гладкой смоляной гриве и нежно пригладила шерстку более темного цвета. На лбу у моего жеребца была белая звезда, а красивые карие глаза поражали меня умом и живостью.

Шудо разделил со мной ощущения, и стал спокойно ожидать начала пути. Хотя в нем горело нетерпение, он научен ждать – моим трудом и терпением долгих уроков. Глаза герцогини пораженно расширились, когда она увидела меня на коне, слева от кареты, в которой я должна была провести

весь путь, но она лишь поджала губы и отвернулась в другую сторону.

Наконец, наша небольшая процессия тронулась. По толпе людей и животных пробежалась волна возбуждения и радости. Я разделила эти чувства с удовольствием.

Несмотря на то, что дождь прекратился, тучи так и не захотели расползаться по небу в разные стороны, но даже в легком сумраке наша процессия двигалась оживленно. Повсюду слышались голоса, полные любопытства и некоторого страха, фыркали лошади, и доносилась далекая песня менестреля, что ехал рядом с моим отцом во главе кортежа. Я удовлетворенно вздохнула и улыбнулась собственным мыслям.

Ветер легонько щекотал мои щеки и трепал волосы, забираясь под полы куртки, охлаждая разгорячившуюся от волнения кожу. Шудо подо мной едва не танцевал, явно ожидая, что я отпущу поводья и дам ему волю, но жеребцу пришлось смиренно идти ровным шагом. Он рвался вперед, мешая мне сосредоточиться на волнующих мыслях. Тронув пятками бочка, я позволила Шудо вырваться вперед и догнать отца. Музыка менестреля теперь звучала отчетливее, и я с интересом посмотрела в ту сторону, чтобы выяснить каким образом он играет во время пути.

Возле пегого мерина отца ехала телега, впряженная в мула. Животное тяжело переставляло ноги, будто тащило за собой каменную глыбу. Задний борт был снят, и на краю телеги сидели уставшие грумы, которые через некоторое вре-

мя менялись с теми, кто работал. Свежая солома устилала пол из сосновых досок, а внутри было сделано специальное сидение, устланное объемистыми подушками. Вот на нем то и восседал менестрель. Мужчина преклонных лет с удивительной резвостью в крючковатых пальцах играл на арфе. Приятные звуки обволакивали со всех сторон, распространяли на все шествие особенную, успокаивающую магию. Седые волосы струились по угловатым плечам, нос по орлиному был задран вверх, а глаза уже выцвели с возрастом. Но арфист производил неизгладимое впечатление полного жизнью человека. И не только музыка, созданная им, усиливала это ощущение, но и проникновенный голос. Менестрель запел. Сложные, интересные звуки так легко полились из его тощей груди. Глаза приняли выражение глубокой задумчивости. Язык не был мне знаком, но та тягостная мысль, что звучала на протяжении всей песни, явилась понятой. Старик пел о войне, но слова его не стремились к грусти, горечи и печали, они зывали к героическим помыслам. Густой баритон увлекал в водоворот ощущений, перед моими глазами невольно возникла картина боя. Боя, который велся из последних сил, но был полон отваги и могущества. На время, мое тело забыло, как дышать, и лишь благоговейно погрузилось в звуки прелестной и горькой песни. Казалось, вся жизнь вверх и вниз по дороге застыла, вслушиваясь в таинственные слова. Я перевела восхищенный взгляд на арфиста, он доигрывал последние аккорды, в которых звучала вся

гордость. Лицо мужчины сияло, в обесцветших глазах стояли слезы. Пальцы задели последнюю струну, и на нас обрушилась неожиданная тишина. Жизнь вокруг кортежа и в нем самом медленно начала приходить в себя после произведенного эффекта.

Герцог Фунтай чему-то задумчиво улыбался, а его пальцы расслаблено удерживали поводья мерина. В поисках такого же восхищения, что возникло у меня, я завертела головой. Но, казалось, каждый человек испытал собственное чувство во время песни. Будто арфист играл специально для каждого. В глазах Уэн блестели горькие слезы, несвязанные с гордостью за героев, младший мальчик-грум чему-то озорно улыбался, моя мать без интереса смотрела на дорогу. Пришло понимание, что менестрель действительно играл для всех, но для каждого, но я не осознавала, почему услышала песню последних героев в бою. Странное предчувствие чего-то дрогнуло в груди и холодной змеей обвилось вокруг дрожащей души. Взяв себя в руки, я поравнялась с отцом.

Герцог едва ли заметил мое присутствие, отрешенно глядя в сторону. Всем его существом завладела задумчивость. Мерин под ним это ощущал и заметно нервничал, непривыкший к такой благосклонной воле. Он явно не понимал – перейти в галоп или сохранить темп, заданный хозяином. Откашлявшись, я, наконец, обратила внимание отца на себя.

– Эверин, ты решила составить мне компанию? – грустно поинтересовался отец. Я чувствовала, что он расстроен.

Ведь герцог с удовольствием увидел на моем месте собственную жену, но та лишь звонко смеялась над шутками все того же мелкого аристократа, который ехал в ее карете.

– Мне показалось, что ты сам себе отличная компания, – горько усмехнулась я. Конечно, жалость к отцу могла быть и беспочвенной, но почему-то уверенно засела в сердце.

– Песня менестреля об одиноком путнике заставила задуматься, ты права, – ответил он, когда я уже решила, что отец позабылся в размышлениях.

– О путнике? – недоверчиво уточнила я.

– Да, разве ты не слышала? Думаю, он пел достаточно громко, – тут только герцог полностью избавился от магических чар задумчивости и чистым взглядом поглядел на меня.

– Эта песня была о последних героях! – Убедительного возражения не получилось, но папа все равно нахмурился.

– Не может того быть!

– Может! – обиженно заспорила я. Это звучало как-то по-детски, но моя уверенность о героях была полноценной.

– Том! – властно позвал герцог Фунтай. Мальчик-грум мгновенно спрыгнул с телеги и догнал своего господина.

– Да, милорд? – вежливо поинтересовался он, на ходу перепрыгивая мелкие лужицы на дороге. Грязь мгновенно забрызгала его темно-зеленые штанины.

– О чем была песня, Том? – вопрос отца мог показаться глупым, но ответ помог бы решить наш шуточный спор.

– О молодой пастушке, – смущенно заявил мальчик и за-

пунцевел.

Лицо герцога вытянулось от удивления, и взмахом руки он отпустил слугу. Вцепившись в поводья, мужчина осторожно подвел пегого мерина к телеге арфиста. Менестрель поднял свой тусклый взгляд, и слабая улыбка появилась на его испещренном морщинами лице.

– Арфист, что за песню ты сыграл? – Легкое раздражение послышалось в голосе герцога. То ли он злился на музыканта, то ли на самого себя, понять было достаточно сложно.

– О, герцог Фунтай, я не знаю, о чем была эта песня! – заявил старик, довольно почесывая свою короткую седую щетину. Мой отец слегка опешил, и конь под ним начал нервно фыркать.

– Что ты имеешь в виду, менестрель? – тихо поинтересовалась, когда поняла, что отец все не находится с вопросом.

– Я играл эту песню для себя. А то, что услышал тот или иной человек, не моя проблема! – заявил мужчина и стал бережно перебирать струны своей арфы.

– Как твое имя? – неожиданно спросила я.

– Онливан, моя леди, – почтительно кивнув, сообщил менестрель. В глазах старика плясали задорные искорки, и я никак не могла взять в толк, чему он так радуется.

– Ну что ж, Онливан, не знаю, куда подевался мой старый менестрель, но вы превзошли его во всех своих талантах! Я благодарен вам за вашу музыку, – вежливо сказал герцог и, пришпорив коня, отъехал немного влево от телеги, погру-

женный в собственные мысли.

Я мельком посмотрела ему в след, но тут же вернулась к необычному музыканту. Хитрый старик все продолжал брнчать что-то нечленораздельное на арфе, и лукавая улыбка спряталась в уголках его глаз. От него веяло чем-то особенным, и какой-то своей частью я это абсолютно точно ощущала. Динео приглушенным эхом предупреждал меня, но способности мои были так ничтожно малы, что я вряд ли бы смогла понять, что же такого интересного в этом старике.

– Онливан, не сыграете ли вы что-нибудь стоящее? – раздраженно попросила я. Его треньканье действовало мне на нервы, ведь я прекрасно понимала, что он специально не старается.

– О, юная леди, что-то суставы закрипели, пожалуй, отложу арфу до вечера. – На губах музыканта заиграла детская улыбка, и я невольно отшатнулась. На таком старческом лице сложно было видеть одновременно жизнь, детство и предчувствие близкой и неумолимой смерти. Арфист с невозмутимым спокойствием уложил инструмент в чехол и расслабленно откинулся на борт телеги, мечтательно прикрыв глаза. Странное раздражение вспыхнуло во мне, и я, последовав примеру отца, пришпорив жеребца, отъехала от телеги.

Когда солнце лениво докатилось до зенита, мы наконец выехали за пределы герцогства Фунтай и оказались на чужих землях. Любопытство мое радостной паутиной раскинулось по дороге. Еще никогда я не выезжала так далеко от дома,

поэтому чувства внезапно обострились, а надоедливое дыхание лошадей и стук копыт вдруг стали самыми приятными звуками на свете.

В отдалении прозвучал крик сапсана, и я невольно вскинула голову к небу. Оно все еще серело над нашими головами, и лишь слабые неяркие лучи солнца грели нас в полдень. Огромные вечнозеленые деревья раскинулись по обочинам дороги, которая, извиваясь будто охотящаяся змея, шла далеко вглубь темного бора. Могучие стволы, покрытые высушенной коричневой корой, натужно скрипели, словно приветствовали странников на своем пути. Камни под копытами наших лошадей и колесами карет и телег сменились утоптанной землей, видимо, часто используемой дороги. В корнях деревьев росли негустые, едва покрытые почками кустарники. Взгляд охотника позволил мне разглядеть мелкую дичь, снующую по своим норкам. Вскоре деревья начали редеть, и сквозь их кроны открылся вид на великолепные горы. Я присела в седле, охваченная воодушевлением и страстью. Вся моя душа рвалась напрямик через эти горы. В воображении миллионом брызг вспыхивали самые разные великолепные картины. Захотелось вдруг стать птицей, тем самым свободным сапсаном в небе и узреть все красоты этой бескрайней природы его птичьим острым взглядом.

Грудь начала тяжело вздыматься, Шудо подо мной самостоятельно выбрал темп, и мы немного оторвались вперед от остального картежа. Казалось, этого никто не заметил, как

и той чудесной красоты, что окружала нас со всех сторон. В ушах натужно застучала кровь. И я отчетливо поняла, что щеки безнадежно покраснелись, но даже это не смогло расстроить меня. Пальцы стали непослушными и легко выпустили поводья рвущегося вперед Шудо. Жеребец радостно заржал и перешел в галоп.

Я едва не задохнулась от переполнившей меня свободы. Ветер яростно трепал мое лицо, обжигая весенним холодом, а легкие наполнялись чистым лесным воздухом. Запах хвои вскружил голову, а ощущение горячего тела коня, несущегося вперед опроретью, разожгло мою собственную внутреннюю страсть. То самое дикое и первобытное чувство, которое я старательно скрывала в обществе своей семьи. На миг я решила, что мечта моя полностью сбылась. Свобода. Вот она. Вот то самое, к чему я так лихорадочно стремилась. Взгляд мой не замечал стволов деревьев, проносящихся мимо, щеки не чувствовали обжигающих дорожек от слез, а душа не находила золотой клетки, что с детства ее окружала.

В голове резко прояснилось, я с силой натянула поводья. Жеребец издал звук недоумения и с неохотой замедлил свой безумный галоп. Вскоре Шудо окончательно остановился, и мы стали ждать кортеж, от коего сильно оторвались. Во второй раз за день на меня обрушилась удушающая волна тишины, и я в отчаянии крепко зажмурилась. Постепенно слух стал возвращаться, либо вокруг все стало понемногу звучать. Я испугалась. Испуг передался и Шудо, и он

потянулся вперед, но я уверенно его остановила, сжав бока. Выровняв сорвавшееся дыхание и стерев тыльной стороной ладони слезы, я заставила себя собраться с мыслями.

Мысли разбегались, явно не желая быть неким цельным существом. Я разозлилась, и мгновенно пришла собранность. Конь подо мной застыл. Я недоуменно огляделась. Может, он учуял какого-нибудь хищника? С моих губ едва не сорвался крик, когда в вереске я заметила огромные желтые глаза.

Он не смотрел на меня с ненавистью, которую я умела различать в глазах цепных псов. Уголки его губ не были приподняты в угрожающем оскале, да и вся его поза выражала полнейшую безмятежность. Черные кончики ушей чутко подрагивали на ветру, даже с некоторого расстояния я отметила, как он шевелит носом, улавливая наш запах. Неожиданный серебристо-серый блеск заставил меня отвести взгляд от волка, и я еще сильнее испугалась. В четырех шагах от первого животного, лежало второе. У меня возникло ощущение, что волки вполне комфортно чувствуют себя под моим взглядом. Я же с усилием пыталась подавить панический страх, поднимающийся от самого горла, мешавший мне дышать.

Жеребец с ужасом сделал два неуверенных шага назад. Волк не шевелился и даже не рычал, он внимательно смотрел мне в лицо, чем очень пугал. Ведь животные не любят пристальный взгляд человека, а дикие-то уж тем более. Но хищ-

ник с упорством пытался заглянуть мне прямо в глаза. Что ему не очень-то и удавалось. Я просто не могла выдержать этого желтого, не угрожающего, но опасного блеска. В черных зрачках я узрела небывалую мудрость, понимание и попытку успокоить мою мечущуюся душу.

Тише.

Я вздрогнула и недоверчиво посмотрела на волка, пытаюсь отогнать странное наваждение. Хищник больше не пугал, страх внушало то, что он будто знал меня. Второй же волк безучастно лежал на вереске и тяжело дышал, вывалив розовый язык из пасти чуть ли не до земли. До меня долетели звуки кортежа, и я на мгновение повернула голову в сторону дороги. Вернув свой взгляд к волкам, я с сожалением увидела, как их хвосты скрылись в кустах. С Сожалением? Хм. Я вовсе не хотела испытывать подобное ощущение.

– Эверин! – с облегчением воскликнул отец, как только наша маленькая процессия вывернула из-за поворота. Лицо его разгладилось, и он слегка повеселел. – Я подумал, что твоя лошадь понесла! – признался герцог, приблизившись ко мне. Вскоре весь кортеж нагнал нас, и мы продолжили путь.

– Шудо очень воспитанный конь, – гордо сказала я, поглаживая шелковистую гриву.

– Его воспитывал Хенд? – спросил Фунтай и пробежался взглядом по Шудо.

– Нет, его воспитал не главный конюший, а я. – Случайная улыбка появилась на моем лице, когда я узрела удивление

отца.

– Юная леди, вы шутите!

– Нет, мой лорд, я абсолютно серьезно. – И непонятно по какой причине мы залились в звонком смехе.

Менестрель косо посмотрел на нас со своей телеги и вновь довольно погладил подбородок в щетине. Что-то в нем настораживало, и я никак не могла отделаться от этого предчувствия.

– Эверин, – начал герцог, и, услышав серьезность в его голосе, я повернулась к отцу и взгляделась в любимые зеленые глаза. Цвет юной весны. Они так и не потускнели с возрастом. – Я хотел бы знать, чего хочешь ты? – пояснять вопрос ему не пришлось бы. Все было отражено в тоне и во взгляде.

Я задумалась. И легкая грусть коснулась меня. Зачем он задает такие вопросы? Почему так отчаянно хочет причинить боль? Я тряхнула головой, отгоняя обвиняющие и низкие мысли, но вопрос действительно был неосновательным. Ведь у меня все равно не было выбора. Моя жизнь. Мой долг. Моя честь. Моя судьба. Почему эти понятия с такой горечью смешивались в одном-единственном поступке, который предназначен именно мне? Не хочу, я не хочу знать о своем будущем, но прекрасно вижу его сейчас. Жена принца. Будущая королева. О Боги. Как я хочу, чтобы, взглянув на меня, семья принца отказалась от неподходящей жены. Вот чего я хочу. Но отцу я ответила совсем другое:

– Я хочу, чтобы ты гордился мной, отец, и если для этого

надобно стать женою принца, я ей стану.— Голос мой сорвался в конце, но герцог все равно потрясенно смотрел на меня. Он явно не понимал, что все, что я делаю, совершается для того, чтобы он смог испытывать гордость по отношению ко мне.

— Эверин, — лишь повторил он и коснулся моих холодных пальцев. Никакой награды не нужно было для меня. Лишь благодарный взгляд отца, вечно пребывающего в душевных терзаниях. Я понимала, что и мама это прекрасно видит, но почему-то не желает облегчить страдания супруга. Я отвернулась. Как не хотелось думать, что мое замужество может оказаться таким же. Вот только принц не будет обращать на меня внимания, а не наоборот.

— Герцог, а вы видели принца Силенса Скопдея Могучего из династии Предназначенных? — О, как было сложно полностью произнести имя королевского наследника.

— Принца? — герцог задумчиво улыбнулся.— Ты ведь знаешь, рыбка моя, он редко бывал при дворе в то время, когда я пребывал в Дейсте. Так что я, к сожалению, даже краешком глаза не видел нашего будущего короля. Но некоторые утверждают, будто он похож на своего отца.

— А король Энтраст?

— Он стар, но мудр. Единственным его промахом было то, что он слишком поздно надумал завести семью и оставить наследников. Если король умрет, то молодой принц тут же примет все его обязанности, хотя мальчик уже и сейчас де-

дает большую их часть.

– Мальчик? – внутренне я ужаснулась.

– О, Эверин! – расхохотался герцог. – Прости, не думал, что ты так воспримешь его. Конечно, принц Силенс давно уже мужчина. И дело не только в том, что он сражался на границе вместе с братом, да и в последующих войнах, он принимает достаточно взрослые решения для своего возраста. Настоящий солдат, наделенный дипломатическим талантом, – отец усмехнулся в свои рыжие усы.

– Не думаю, что принц может стать хорошим мужем, – кисло заметила я. Вообще-то, мне вовсе не хотелось замуж. Все внутри меня кричало, что мне шестнадцать! Лишь к зимним праздникам минет семнадцатый год. Но во всех отношениях я уже была в подходящем возрасте для свадьбы. В двадцать я бы уже считалась старой девой.

– Отчего же? – поразился отец. – Ты его пока совершенно не знаешь, даже не видела его лица, а уже делаешь такие выводы, девочка моя. Пойми, такова твоя судьба, и стать женой принца не самое худшее, что могло случиться в жизни.

– Я ею еще не стала и, вполне вероятно, не стану никогда. Мы не знаем, какой выбор сделает правящая династия Предназначенных.

Отец бросил на меня беспокойный взгляд, а я, гордо выпрямив спину, больше с ним не заговаривала. Он нашел прорехи в моей обороне. Я безумно боялась стать женой принца и всей душой желала, чтобы меня отвергли. Но, видимо, мой

отец считал совершенно иначе. Как будто король Энтраст уже произнес торжественную речь, скрепив свои слова помолвкой.

День тянулся необычно медленно, будто засахарившийся мед, стекающий по краю чашки. Мне безумно хотелось слезть с Шудо и размять ноги обычной ходьбой. Я не привыкла настолько долго находиться в седле, а герцог отказался делать обеденный привал, поэтому каждый член кортежа лишь мечтал о вечере.

Чувства мои вздрагивали при каждом шорохе, доносящемся из леса. Глаза напряженно высматривали в вереске и траве желтый взгляд, а сознание так и расстиралось в поиске волков. Способности мои оставляли желать лучшего, так что Динео ничем не могло мне помочь. Я была пуста, как пересохший ручей. «Магии во мне ноль», – удрученно признало мое сознание.

Шудо все чаще и чаще наклонялся в поисках травы, и очень долго пил, когда мы переходили мелкую речушку. Я не испытывала жажды, потому что погода не была такой уж изнурительной. Всего лишь дневные сумерки. Иногда начинал накрапывать дождь, но он чаще всего прекращался так же резко, как и начинался, так что даже погода не оставливалась наше шествие. Герцог Фунтай хотел как можно скорее достичь Дейста, столицу Дейстроу.

Когда казалось, что лошади вот-вот выбьются из сил, а жалобы дам и аристократов достигнут критической точки, мой

отец велел искать место для ночлега. Грумы мгновенно обогнали кортеж, и скорее вернулись сообщить, что неподалеку есть прекрасная поляна, по окраине которой бежит мелкий ручеек. Наш кортеж обрел второе дыхание и очень быстро достиг места ночлега. Я расседлала Шудо, работая бок о бок с конюшенными мальчиками, стреножила жеребца и оставила у воды, чтобы он мог при желании напиться. Грумы последовали моему мудрому примеру, и вскоре стаскивали бочку с чистой водой с одной из телег.

В небольшом лагере тут же закипела походная жизнь. Поварята развели огонь для большого котла, еще на одном костре грелась вода для чая и умывания для некоторых благочестивых ледей. Я же обошлась ледяной прохладой ручейка и была вполне этим удовлетворена. Вскоре до меня донесся запах готовящегося мяса, которое мятежно плавало в кипящей воде. После того, как мясо почти приготовилось, повар со знанием дела добавил соли и пшена. Улыбнувшись, я решила до ужина проведать Уэн.

Я нашла служанку, складывающую мою одежду в сумке. Она предложила мне чистую рубаху, но я решила, что лучше надену ее с утра.

– Миледи, ужин готов, – сообщил мальчик-грум Том, и мы вместе с Уэн отправились к костру.

Пока я отсутствовала, вокруг него образовались удобные места для ужина. На небольшой возвышенности, состоящей из скамеечки и подушек, сидел менестрель и с важным ви-

дом настраивал свою арфу, подкручивая, подделывая струны и выверяя нужный звук. Наконец, он довольно улыбнулся, отложил инструмент и принял чашку, наполненную кашей с мясом, и кусок хлеба с добрым ломтем сыра. Довольный арфист причмокивал свой ужин и улыбался мне поверх чашки.

Я устроилась возле отца, получив свою горячую порцию густой похлебки на мясе. Несмотря на всю свою простоту, блюдо получилось на удивление вкусным. Приятный запах мяса, сдобренная маслом каша и почти свежий гречишный хлеб в сочетании давали массу интересных вкусов. Горячий чай с травами стал прекрасным завершением ужина. От еды приятно потяжелело в животе, и мягкое тепло разлилось по всему телу. Онливан взял свою арфу, дождался тишины и начал протяжную песню:

*Они не серчают на капризы природы,
И рвут свои цепи в достижении свободы,
И жаждет их сердце колючего ветра,
Но властью его не поделятся с кем-то.*

Я подняла пораженный взгляд на арфиста, но Онливан меня вовсе не замечал, а продолжал свою странную, манящую песню. Дрожь пронзила меня с ног до головы, будто его слова звали меня к себе.

*Земля для них потеряла свой цвет,
В лучистых глазах находят тот свет,
Что ярким огнем полыхает в душе,*

В их мире нет места для мелких мышей.

С каждой новой строчкой в душе что-то уверенно поднималось, сначала душило, а потом вдохновляло все мое внутреннее «я». Ничего не понимая, я с мольбой глядела на старика, но он упорно не прекращал своей странной песни.

И горы для них будто куча песка,

И ветер давно не режет глаза,

А сила могучая полыхает в руках,

И вовсе неведом обжигающий страх.

Эти строки заставили меня занервничать, а воображение сплестись в невероятный узел. Кто это? Боги? Люди? Птицы? Кто способен на такое? Что это за неведомое чудо, о котором так вдохновенно поет менестрель?

Власть без границ доступна лишь им,

И мы так летать хотим как они...

Старик замолчал. Лишь плавные и переливчатые звуки арфы заканчивали эту необычную песню. Если тогда на дороге я лишь предполагала, что арфист обладает какой-то магией, то теперь я была абсолютно в этом уверена. Непонятное, стойкое ощущение чего-то важного застыло в моем сознании, будто песня менестреля имела ко мне непосредственное отношение, но я отказывалась в это верить. Откуда он знает ее? И что же все-таки значат эти красивые слова? Но лишь взглянув на Онливана, я поняла, что ответов на эти вопросы мне не получить никакой ценой. Тяжело вздохнув, я опустила взгляд в землю. Почему-то я очень боялась, что

кто-нибудь заметит мое смятение. Все вокруг переговаривались, обсуждая таинственных существ, пара мальчишек спросила у менестреля, о ком он пел, но старик лишь загадочно улыбнулся и подмигнул бесцветным глазом.

Разговоры вокруг костра продолжались, но стали более тихими и между отдельными группками. Дрова весело трещали в огне, освещая бликами людей. Леди закутывались в одеяла, промерзая от опустившейся ночи. В других частях поляны тоже заплясали костры, слышалось ржание лошадей и смех грумов. Я ощутила прохладу, и небо отчистилось от туч, открывая сияющие звезды. Черное полотно сонно переливалось, притягивая мой взгляд. О Боги, покажите, что мне нужно делать, безмолвно взмолилась я. Но никто мне не ответил, лишь тишина вокруг стала более заметной. Оглядевшись, я поняла, что почти все разошлись спать к своим кострам. Я легла на приготовленное для меня спальное место, натянула до подбородка шерстяное одеяло и устало закрыла глаза.

Только теперь усталость дала о себе знать. Неприятно заныла спина от долго сидения на лошади, мышцы ног задеревенели, а в голове начала пульсировать противная боль. Поморщившись, я лишь подубонее устроилась под одеялом и попыталась уснуть.

Попытки мои оказались тщетными. Смачный храп герцога не давал погрузиться в успокаивающее безмолвие трещащего костра, а мелкие камешки под одеялами не позволя-

ли достаточно комфортно лежать. Не удавалось уснуть даже в самых разных позах. В конце концов, я раздраженно открыла глаза и встала. Скоро рассвет, кисло подумала я. Небо светлело, и лошади стали медленно просыпаться. Скрутив свою походную постель, я отошла подальше от спящих людей и посмотрела на равнину. Травы еще не было, но мелкие зеленые ростки обещали, что она непременно возвысится над бесплодной землей. Мысли покинули меня, и я продолжала стоять неподвижно до момента, когда начали подниматься слуги.

Грумы бросали на меня удивленные взгляды, и я поспешила вернуться к тухнущим углям костра, возле которого провела ночь в бесплодных попытках хоть немного поспать перед встречей с принцем. Волнение не дало мне такого шанса.

Тело запротестовало, когда я пошевелилась. Неподвижность дала о себе знать, и с трудом заставила себя сдвинуться с места. Наш лагерь оживал, и из сердца моего постепенно ушли все заботы. На время, напомнила я себе, на время. По пути к костру, я освежилась ледяной водой из ручья, и сменила рубашку на свежую. Та была цвета слоновой кости, и очень мне понравилась, мягко прилегая к телу. Коегде были синяки от камешков, но терпеть это можно.

Герцог тоже поднялся и раздавал четкие указания. Слуги с безумными лицами бросались их выполнять. Был поставлен котел с водой на чай. Завтрак ограничился сушеным мя-

сом и оставшимся хлебом. С трудом проглотив сухую еду, я с наслаждением выпила горячий чай, который пах листьями земляники. Я улыбнулась. Повар Ругер не забыл, как я люблю этот чай.

– Как спалось, дорогая? – спросил отец, когда мы двинулись в путь. До этого он не проронил ни слова кому-то помимо слуг.

– Никак, – призналась я.

– Отчего же, юная леди? – бровь отца приподнялась в удивленном жесте.

– Не знаю... Может быть, волнуюсь перед встречей с принцем? – ядовито ответила я. Герцог бросил на меня сердитый взгляд, а сам улыбнулся в густые усы.

– Все может быть, – ответил он своей излюбленной фразой, но тут же помрачнел, когда проезжал мимо кареты матери. Та мило щебетала со своими спутниками, хотя даже доброго утра не пожелала мужу.

– А тебе? – спросила я, стараясь отвлечь от ревностных мыслей о герцогине.

– Прекрасно! Знаешь ли, на природе я чувствую себя значительно лучше! – улыбка вновь расплылась по его лицу.

– И я, – тихое бурчание в ответ. Почему же сегодня на лоне природы я даже уснуть не смогла? Непонятная злость охватила меня, но я постаралась успокоиться.

Сегодня важный день. Вечером мы предстанем перед королем, нам даже не дадут дня для отдыха. Энтраст заявил,

что и так слишком долго ждал невесту, и что герцогу Фунтай нужно поторопиться представить свою дочь, иначе принц скрепит свои узы с семьей Флуцбергов.

Отбросив мрачные мысли, погрузилась в созерцание природы. По мере приближения к Дейсту, вечно зеленые деревья редели, а на их месте появлялись широколиственные рощи. В воздухе отчетливо узнавался терпкий запах соли, значит, море уже близко. Я изумленно разглядывала незнакомые мне деревья и кустарники, очень жаль, что они еще не успели покрыться листьями, но все же выросшая в сосняке и ельнике, я была удивлена такой природе. Через несколько часов я услышала звуки волн, и сердце мое дико заскакало в груди. Дейст становился все ближе с каждым шагом Шудо.

Мы взбирались наверх крутого склона. Лошади натужно хрипели, но тащили телеги. Арфист шел возле своей повозки, и радостно оглядывался по сторонам, будто попав в свою родную землю. Утоптанная и влажная земля под копытами коней неприятно скользила, но наш кортеж становился все ближе и ближе к вершине. Наконец, мы перевалили условную природную веху, и моему взору открылся фьорд.

Пронзительно голубое небо огромным покрывалом раскинулось над сверкающим морем. Солнце здесь светило гораздо ярче, открывая взгляду неописуемые чудеса. Одинокая чайка тонко вскрикнула в небе, и ее белые крылья скрылись за огромной отвесной скалой. Волны яростно бились о камень, словно мечтая раздробить его в песок. Белоснеж-

ные барашки на воде яростно пенились, будто она вскипала изнутри. Темно-синее море было одновременно спокойно и яростно, в нем плескалась сила и мощь несокрушимой стихии. Прибрежная скала выростала наподобие стены, защищающей замок и город. Дейст стоял немного ниже, ближе к гавани и докам, где пришвартовывались корабли. Даже сейчас на глади моря виднелись их разноцветные паруса и гордые кили. Редкая трава покрывала склон, который вел от замка к вершине скалы, на которой стояла сторожевая башня. Высокая и внушительная она походила на старого верного пса. Огонь сейчас в ней горел, приветствуя делегацию герцога Фунтай.

Мы пустили лошадей вниз по холму в низину, в которой спрятался замок. Западнее от него земля плавно переходила в залив, возле которого примостился город. В замок Дейст вела крутая каменная дорога, но даже до нее нам было еще далеко.

Отец нервно заерзал в седле своего пегого мерина и рукой дал знак остановиться, будто пытаюсь осознать, насколько он близок к своей цели. Немного постояв, окидывая взглядом город, герцог Фунтай продолжил свой путь.

Я заворожено смотрела по сторонам. Виды и просторы меня очаровали, но были так чужды моему сердцу. Крутые склоны, скалы и море – все это так интересно, так необычно, но при этом пугающе. Я с трудом привыкала к запаху соленого моря, к крикам чаек и звуку живой воды. Сердце отсту-

кивало ровную дробь, но я все равно ощущала себя неловко. Во рту пересохло, а глаза начинали слезиться от соли. Когда мы въехали в город, мною овладело раздражение. Сильное раздражение, продиктованное бессонной ночью и пульсирующей болью в голове, которая будто распространялась вниз по позвоночнику.

Кое-где деревянные и каменные дома невероятно сильно прижимались друг другу. В таких районах резко пахло рыбой и требухой, какими-то животными и дешевыми тавернами, даже в дневной час из их дверей доносились пьяные крики. После бедных кварталов город преобразался. Улицы стали шире, деревянная брусчатка сменилась каменной мостовой. Дома уже не так тесно стояли друг к другу. Каменные здания преобладали над построенными из дерева, да и запах тут стоял лучше – не так сильно несло рыбой, да плюс приятный дух хлеба.

Шудо, уловив запах овса из какой-то гостиничной конюшни, потянул поводья в сторону. Я безуспешно пыталась вернуть его в кортеж, но голодный жеребец упрямылся и не слушался. К моему удивлению, наша процессия даже не заметила, что я порядком отстала. Конечно, немногие бывали в Дейсте, да и те, кто бывал, видимо, находились под тем же впечатлением. Шудо фыркал и тянул меня к конюшне, но, не дойдя до добротного деревянного здания, наклонился и начал щипать траву. Кортёж неумолимо удалялся, а потом и вовсе скрылся за поворотом. Конечно, дорогу к замку я

найду, но как буду выглядеть, когда приеду с опозданием ко двору короля?

Злобно выругавшись, я резко дернула поводья Шудо. Конь недовольно поднял голову и смерил меня презрительным взглядом, точнее, попытался это сделать, но ничего у него не вышло, так как я была в седле. Сердце с ужасом запрыгало в груди, в висках застучала кровь. Я явно не знала, в какую сторону направиться. В борьбе с жеребцом я не постаралась запомнить улицу, по коей прошла процессия. Раздраженно толкнув его пятками, заставила, Шудо медленно идти вверх по улице.

– Миледи, вы заблудились? – услышала я приятный, густой мужской голос. Едва взглянув на его обладателя, я фыркнула.

– Справлюсь без тебя, мышеголовый! – резко бросила я и пришпорила Шудо, почувствовав на себе недоуменный взгляд солдата.

Жеребец куда-то уверенно нес меня, и, так как выбора у меня не оставалось, я предоставила ему полную свободу. Через некоторое время меня обогнала лошадь серой масти, на каковой ехал мой знакомый солдат. Я даже не потрудилась посмотреть на него. Грязная одежда почему-то не подталкивала к дружеской беседе. Солдат удивленно пожал плечами, и пустил галопом свою лошадь. Шудо рванулся за ней.

– Чертов конь! – выругалась я, едва не свалившись из седла. Когда Шудо обогнал грязного солдата, я поймала на себе

его веселый взгляд, и озлоблено зашипела.

Но Шудо принес меня в хвост кортежа, подгоняя его, я поравнялась с отцом.

– К матери ездила? – глухо спросил герцог.

– Нет, – честно ответила я, но он больше не стал задавать вопросов.

Руки предательски задрожали – перед нами возникли распахнутые ворота замка Дейст. С некоторой опаской я позволила Шудо следовать за отцовским конем. Я перестала дышать, когда мы въехали на территорию замка.

Высокие стены поднимались над головами. Я успела заметить глубокий ров по их периметру с другой стороны. Огромная, величественная каменная крепость царствовала над этим городом. Высокие башни оканчивались квадратными площадками, окруженными невысокими зубчатыми стенами. Было две самых высоких круглых башни, оканчивающихся острыми пиками крыш. Множество бойниц и окон обеспечивали внутренне освещение замка. Камень, из которого он был сделан, цвета дождливых туч с серебряными прожилками причудливо светился в лучах высоко стоящего солнца. Главный вход был расположен напротив ворот. Высокие дубовые створки цвета вишни были плотно закрыты, лишь небольшая дверь, вырезанная в одной из створок, была чуть приоткрыта. Высокие ступени из темного материала, украшенные свежескрашенным деревом, вели к ним. На основательных перилах стояли небольшие чаши с топли-

вом. Видимо, по вечерам эта смесь зажигалась и освещала крыльцо к входу в замок. Двор перед замком был выложен плоским булыжником, лишь дорога к конюшне являлась обнаженной вытоптанной землей. Севернее конюшен располагалась прачечная, за ней едва виднелись веревки, утяжеленные весом сохнувшего белья. За конюшнями располагались амбары, полные зерна, а также загоны для овец, коров и коз. Доносилось лишь легкое мычание, но ощущение огромной паутины жизни не покидало меня ни на минуту. В отдалении от замка стояла еще одна башня, наверное, она использовалась, как сторожевая, но все может быть. Мой взгляд вернулся к замку. Фасад украшали прелестные барельефы, изображающие драконов. Великолепные животные стояли на задних лапах, распустив огромные кожистые крылья. Барельефы людей были сделаны в некотором отдалении от драконов, что показывало их слабость перед этим магическим народом. Окна и бойницы были обložены камнями интересной формы, а над зубчатыми бортами башен развевались флаги Предназначенных. Их герб являл собой красное полотно, на котором изображался свернутый в несколько колец змей с огромной, увенчанной рогами, головой. Герб производил неизгладимое впечатление силы и мощи, чего, наверняка, и добивались его создатели. Только теперь я заметила, как много слуг снует по двору. Сначала все они застыли при нашем появлении, но вскоре пришли в себя, осознав, сколько работы им прибавится. Я непонимающе глядела на их

вишнево-красную одежду слуг. Лица всех слегка отличались резкостью черт, нежели уроженцы земель моего герцогства. Каждый из них отличался более высоким ростом, нежели наши слуги, но я не почувствовала никакого неудобства.

Мне было не совсем приятно то, как они на меня глазе-ли. Их взгляды были одновременно оценивающими и при этом с оттенком мягкой презрительности – быть может, она и не станет нашей королевой, думали они. Всего за несколько минут во дворе заметно прибавилось народа, из замка вы-ходили придворные, которые жили здесь постоянно. По то-му, как оживленно работали конюшие, я поняла, что скоро придут и другие гости. Неужели король ясно дал понять, что выберет меня женой сына? Эта мысль неприятно меня поразила. Мне вовсе не хотелось лишаться шанса на свобод-ную жизнь, ведь я о ней так самозабвенно грезила и вовсе не хотела похоронить эти мечты прахом.

Внимание мое привлек менестрель, появившийся на крыльце. Одетый богато, он держал себя с неизменным достоинством, значит, при дворе мужчина приходился коро-лю его личным музыкантом.

– Прибыл герцог Фунтай! – торжественно объявил он, и только тут все начали горячо нас приветствовать. Какой-то мальчик взял Шудо за поводья, чем несколько его разозлил. Конь фыркнул и потянул его в другую сторону. Я спрыгну-ла с коня, и успокаивающе погладила по гладкому вороному боку.

– А где ваша леди? – недоуменно спросил меня мальчик, державший Шудо.

– Герцогиня Фунтай? Она в карете, – пожал плечами, ответила я. Может, у них не принято быть вежливыми?

– Нет-нет, я о юной герцогине, которая предстанет перед королем! – возбужденно зашептал мальчишка. Его друзья подошли к нам и согласно кивали головами, в надежде на то, что я сообщу им, где же прячется эта девушка.

Я хотела было ответить, но не успела и рта открыть, как до меня донесся звучный голос отца:

– Эверин, пойдем в замок! Тебе нужно подготовиться перед встречей с королем, – продолжил он, подойдя ко мне ближе. Казалось, никого не смущало его некоторая фамильярность. Все-таки вежливость в этих краях не принята, решила я.

Принимая руку отца, я пораженно отметила, как покраснели мальчишки и как вытянулись их лица от явного удивления. Вряд ли они ожидали увидеть леди, предназначенную для принца, верхом на резвом коне.

Я с опаской поднималась по ступеням рядом с отцом. Все приветливо улыбались и кивали, вместо ненужных и порядком надоевших слов. Практически на каждом лице я заметила отпечаток удивления. Что ж, я произвела некоторый эффект на двор короля, надеясь, что он не принесет мне плохой репутации. Стражники распахнули перед нами огромные дубовые створки, и с замиранием сердца я шагнула в за-

мок. Внутри он оказался совсем не таким, каким я его себе представляла.

Стены здесь были все того же цвета, что и наружные, разве что чуть более яркого цвета. На них висели факелы, которые мерцали, давая дополнительный свет. Большая его часть проникала из больших открытых окон. Стекло в некоторых местах не было прозрачно – его украшали причудливые рисунки, очень сильно мне понравившиеся. Полы под нашими ногами устилал свежий тростник, оттого в коридорах и комнатах замка стоял характерный приятный травянистый запах. Украшениями здесь являлись не только картины, но и гобелены, созданные искусными профессионалами. На небольших столиках я заметила миски с фруктами и слегка расплавленные свечи. Нас явно ожидали, поэтому все было готово.

Комната, в которую меня привели, находилась на втором этаже, недалеко от лестницы. Она была достаточно просторной, много света проникало в нее. Большая кровать стояла у западной двери, занавешенная темно-кремовым балдахином. Даже от двери я заметила, какая на ней пышная перина и с наслаждением подумала о сне, но тряхнув головой, приказала себе собраться. Вишневый комод, украшенный резьбой, стоял возле окна, как и зеркало, висевшее между двумя такими же большими окнами. Пол тут был устлан коврами, но все равно и здесь ощущался дух свежей травы. На красивом, но простом круглом столе, окруженном тремя в тон

ему стульями, стояла ваза с фруктами. Правее от него стояла ширма, а возле нее я заметила большой очаг, в котором плясали языки пламени, лизавшие котелок с водой. Подойдя ближе, за ширмой я увидела большую ванную, наполненную водой. Опустив кончики пальцев, я ощутила тепло. От воды исходил легкий и приятный запах трав. Уэн поспешно начала раскладывать вещи, а я, заперев дверь, разделась и с удовольствием погрузилась в теплую воду. Служанка долила горячей воды, и мои мышцы, измученные долгой дорогой, окончательно расслабились. Я задремала.

– Миледи, – прошептала Уэн, и я с трудом разлепила глаза. Поспать не удалось. Судя по тому, что вода до сих пор оставалась горячей, прошло всего несколько минут. – Приходил паж от вашего отца. Он велел вам быть готовой через час. – Я сдержанно кивнула, напряженно размышляя, что одеть на встречу с королем.

– Матушка приказала принести платье? – поинтересовалась я.

– Да, миледи, и думаю, оно вам понравится. – Щеки служанки порозовели от удовольствия. Я с разочарованием потянулась за губкой и мыльным корнем и начала тщательно отмывать от дорожной пыли и грязи. Несмотря на прошедший дождь, она все равно осела на коже.

Я была безумно благодарна своим волосам за то, что они имели свойство быстро высыхать. Так что сидя в нижнем белье, я терпеливо ждала, пока Уэн расчешет их.

– Моя леди, может, все-таки уложить их в какую-нибудь высокую прическу? – вкрадчиво спросила девушка.

– Нет, Уэн, просто распушенные волосы. Я так хочу, думаю, это то, что нужно. – Решение было принято мной еще в пути. И еще я очень надеялась, что у матери не хватит времени, и она не заглянет в мою спальню.

– А платье?

– То, что прислала матушка, – спокойно ответила я. Впервые в своей жизни я согласилась с выбором матери в отношении одежды. Это несколько меня поразило, но я осталась довольна своим платьем.

Когда Уэн шнуровала корсет, я более внимательно в зеркале рассмотрела все детали своего туалета. Платье темно-рубинового цвета прекрасно оттеняло цвет моей кожи и волос. Не слишком пышные юбки подчеркивали бедра, а высокий корсет делал грудь высокой и полной. При этом я абсолютно не выглядела пошлой. Великолепного качества шелк мерцал при любом попадании на его поверхность света. Лиф состоял из трех сшитых вместе частей. Горизонтальные клинья по бокам, которые сходились на спине в аккуратный замок, и третья часть плотной такни посередине, делавшая меня еще стройнее, чем я была на самом деле.

Я разглядывала себя в зеркало, а в моей голове роились самые разные мысли. Одной из главных была о том, как выглядит принц. Красив ли он? Высок? Какого цвета его глаза, волосы? Стану ли я его женой? А став, полюблю ли? Множе-

ство вопросов и все без ответов, они разрывали мой внутренний мир на мелкие кусочки, которые я в тщетных попытках старалась склеить в единое целое. Мне неожиданно вспомнилась песня Онливана, так чутко тронувшая струны моей души. Что бы это могло значить? Но я постаралась перестать думать о чем-либо, что заставляло меня пугаться, потому что страх отчетливо вырисовывался в моих глазах.

– Миледи, думаю, вы готовы, – улыбаясь, сообщила Уэн. Я посмотрела на веснушчатое лицо и втайне позавидовала ее простой жизни, но тут же упрекнула себя. Отчего мне подумалось, что ей легко? Она хотела делать свечи, а прислушивается мне, хоть и с достаточной охотой.

– Ох, Уэн, – сдавленно прошептала я.

– Слишком туго? – испугалась служанка.

– Нет, нет... ты прекрасно зашнуровала платье.– Натянута улыбка вряд ли утешила девушку, но я ничего не могла с собой поделать.

– Вы волнуетесь, моя леди? – понимающе спросила Уэн.

– Конечно. – Признание далось мне сложно. Я редко сознавалась в своих чувствах другим людям. – Если король Энтраст примет мою кандидатуру, помолвка состоится в ближайшее время, – с ужасом выдавила я из себя последние слова.

– Не надо так пугаться, моя леди, – ободряющее начала Уэн, – все может оказаться не таким ужасным, как вы себе это представляете.

– Нет. Уэн, я стараюсь себе вообще ничего не представлять. А вдруг он некрасив? – Как будто этот вопрос волновал меня больше всего на свете. Пфф, нет.

– Ну что вы, миледи, как сын короля Дейстроу может оказаться некрасивым. – Звонкий смех Уэн заставил меня немного расслабиться, но напряжение явно читалось на моем лице и в движениях. Я никак не могла изгнать его из себя.

Служанка поправляла волосы, рассыпавшееся по плечам, и что-то мурлыкала себе под нос. Где бы мне взять такую же уверенность в том, что она делает? Она бы сейчас мне вовсе не помешала, но пришлось признать, что теперь мне нужно справляться только собственными силами. И ради своего отца склонить короля к определенному выбору. Проявить все свое обаяние, показать красоту, которой я вряд ли обладаю. Обнажить некоторые истоки моей незначительной и юной мудрости.

Стук дверь заставил нервно вздрогнуть, и я недовольно поежилась. Уэн поспешила открыть дверь, но за ней оказался все тот же паж от отца, требовавший меня к герцогу. Служанка заверила его, что я вскоре выйду, а он может подождать меня за дверью, чтобы показать дорогу. Волнение с еще большей силой охватило меня, когда из-за двери я отчетливо услышала звуки спешки, сборов и уловила оттенки торжественности. Замок был полон ожиданий и сплетен. В него прибывали все новые и новые гости короля и других придворных аристократов. Дейст наполнился необъяснимой

жизнью, которая пульсировала в каждом камне этого огромного и величавого замка.

– Миледи Эверин? – Уэн нетерпеливо посмотрела на меня.

– Да, да, – сквозь пелену задумчивости я ответила. Неуверенной и шаткой походкой дошла до двери, но как только мои похолодевшие от волнения пальцы коснулись деревянной поверхности ручки, я собрала все свои силы и внутренние резервы.

Паж с минуту стоял, глядя на меня с открытым ртом, полный поражения и восхищения. Я с удовольствием отметила, что простота и эффектность наряда производят должное впечатление. Мальчишка опомнился и торопливо повел меня к покоям герцога Фунтай. Поднимаясь по лестничному пролету, я отметила, что зажжены свечи самого лучшего качества, и по коридорам ходит запах благовоний из южных государств. Каждая вещь в замке к нашему приезду была отполирована до блеска. Ни одной пылинки не удалось отыскать моему пытливому взгляду, даже на старых гобеленах и в темных углах. Паж привел меня к покоям отца и, учтиво постучав, сообщил о моем приходе.

Дверь почти мгновенно распахнулась, и я, неуклюже приподняв юбки, перешагнула через порог. Комната герцога встретила меня приятным запахом чая на ромашке и чем-то неуловимо привычным. Отец завязывал шелковый платок на шею, серьезно посмотрев на меня, тяжело вздохнул.

Слуг в комнате не было. Его давняя привычка – одевался и ухаживал за собой герцог самостоятельно. Может, дело в его простолюдинке-жене? Сказали бы многие, но правда таилась в его сильном характере.

– Секевра Эверин, – как-то невыразительно произнес мужчина. У меня возникло чувство, будто отец постарел за тот час, что мы с ним не виделись.

– Что такое, папа? – опустив все титулы, дав выход некоторой фамильярности, спросила я.

Он подошел ко мне, и, чуть-чуть наклонившись, поцеловал в лоб. Поцелуй этот оказался сродни благословлению от родителя. Меня пробила нервная дрожь, и с лица ушли все краски.

– Что ты, Эв! Почему ты так побледнела? – воскликнул отец. Он хотел обнять меня, но шикарное платье остановило его в таких намерениях.

– Ты так... так... – я замялась. У меня не хватало духа сказать то, что перемешалось в голове. Словно он уже отправлял меня на помолвку, а не на смотрины невесты к королю.

– Эверин! Ты не так меня поняла! – В его голосе послышалась горечь. Тягучим сиропом она стекала по каждому звуку, произнесенному отцом. – Я вовсе не считаю, что король уже решил женить своего сына на себе! – Я облегченно вздохнула и слабо улыbnулась отцу, но его еще больше помрачневшее лицо заставило насторожиться. Напряжение повисло между нами, как острый клинок без рукояти. – Но среди слуг замка

ходят такие слухи.

Я забыла, как нужно дышать, и упала бы, если бы отец не подхватил меня. Мои надежды рухнули. Никогда мне не стать «отвергнутой». О Боги...

– Эверин! – в очередной раз произнес отец, но теперь уже с оттенком укоризны. Я с трудом посмотрела в его зеленые, цвета юной листвы, глаза. – Почему ты так реагируешь? Неужели ты мечтаешь о том, чтобы дом короля счел тебя непригодной невестой?

Мое молчание стало более красноречивым ответом, нежели бы произнесенная неуклюжая ложь. Отец с легким упреком оттолкнул меня.

– Я хотел тобой гордиться! А теперь жалею, что Дикси не принесла этого чувства! – Суровые слова ранили в самое сердце. Я с потрясением вновь взглянула на него. В лице отца не было и капли жалости или сочувствия. Он говорил с пылом и откровенностью.

– Вы будете мной гордиться, герцог Фунтай! Даже если это будет стоить счастья вашей нелюбимой дочери! – жесткий тон помог мне скрыть боль, что диким взрывом разнеслась по моему сознанию.

Герцог переменился в лице, наконец, и до него дошел смысл сказанных им и мною слов. Рот открылся в безуспешной попытке что-либо сказать, но властным движением, которого я не замечала за собой никогда прежде, я заставила мужчину прекратить свои попытки.

– Вы дали мне понять ту цену, которую даете за меня. И цена эта стоит лишь руки принца.

Не дожидаясь ответа, я резким порывом вышла из его покоев. Мальчик-паж у дверей с еще большим удивлением посмотрел на меня. Наверное, на моем лице все же проявилась тень боли, которую только что причинил мне отец. С трудом выровняв дыхание, я попросила слугу отвести меня к покоям герцогини, и мальчик с пылким рвением ответил на мою просьбу. В глазах плясали искорки мальчишеской гордости. Не знаю отчего, но он очень доволен тем, что я попросила его об услуге. Скорее всего, отец прав, придворные люди считают, что приехала не кандидатка на место невесты, а сама невеста воплотит и всей красе.

Паж остановился и передал мою просьбу бледной и взволнованной девочке лет восьми, что стояла у дверей комнаты, принадлежащей матери. Вместо приглашения войти, на пороге появилась сама герцогиня. Одета Лендри Фунтай была в изысканное, элегантное, но скромное платье изумрудного цвета. Мне стало ясно, что платье выбрано с целью не привлекать к себе внимания, отдавая большую часть восхищенных восклицаний на персону своей дочери. Я невесело усмехнулась. Герцогиня как всегда просчитала все возможные варианты и осталась вполне довольна собой.

– Ты прекрасно выглядишь, дорогая! – В ее глазах цвета бренди я увидела искреннюю гордость, любовь и обожание. Впрочем, герцогиня тут же взяла себя в руки, и все эмоции,

кроме привычной надменно-высокомерной маски, исчезли с ее лица.

– Спасибо, моя леди! – присев в реверансе, официально ответила я. Дрожь и неуверенность в кой-то мере покинули меня, так как стояла перед сложной миссией.

– А теперь нам пора отправляться в Сверкающий зал! Как только прибудем мы, появится королевская семья! – в голосе матери звучало непреклонное торжество. Она давно мечтала об этом дне – с тех самых пор как Ялдон погиб во время пограничной стычки.

– Да, моя леди, как пожелаете, – вновь учтиво-почтительным тоном отрепетовала я.

Мать смерила меня подозрительным взглядом, но дернув плечом, приказала идти за ней.

Вот уж не думала, что дорога к Сверкающему залу окажется такой мучительной и безумно долгой. Мимо нас сновали слуги, которые сбивались с ног от навалившихся на них поручений, но при всей своей занятости, никто из них не упускал момента поглядеть на меня. Взгляды их были самыми разными. Колкие, с оттенком презрения, восхищенные, завистливые, и даже влюбленные. Я не могла от них спрятаться и продолжала вежливо улыбаться. Как только мы спустились на первый этаж, свора аристократов окружила нас со всех сторон. Мы будто не двигались, а стояли на месте в разноцветной и богатой толпе. Но моя мать делала уверенные шаги, не забывая приветствовать знакомых и отвечать на восхи-

ценные комплименты. По большей части они приходились на мою долю, но никто так ко мне не обратился. Я не понимала, почему они так поступают. Может, считают маленькой девчонкой, которая не сумеет оценить их изысканные кружева подслащенной лестии? Но я старательно отгоняла мрачные мысли подальше от себя, ведь когда я предстану перед королевской семьей, мне будут вовсе не нужны эти лживые слова.

Сладкоголосые болтуны сопровождали нас до дверей Сверкающего зала, но и там, лишь пропустив нас внутрь, они вновь собрались вокруг толпой. В этом кольце чужих лиц я задыхалась и не находила себе места. Все люди меня пугали, мне казалось, что вот-вот и я упаду в обморок. Только твердый характер заставлял продолжать улыбаться и кивать в знак приветствия всем новоприбывшим. Когда толпа аристократов кое-как отделилась от нас с матерью, я с удовольствием вздохнула и только теперь смогла оглядеться.

Сверкающий зал оказался комнатой поразившей мое воображение. Да, как и во всем замке, освещение здесь зависело от окон, которые оказались несколько больше, чем те, что я видела раньше. Да, пол устилал свежий тростник, лишь на помосте, возвышавшемся над длинными столами, мною были замечены ковры. Да, здесь так же весело горели свечи, распространяя приятные ароматы. Тут тоже ходили слуги, поспешно накрывающие столы, покрытые роскошными белоснежными с красными полосками скатертями. Приноси-

лись самые разнообразные яства, дух которых витал повсюду. Но стены! Здесь не было видно камня, ни одного кусочка серой поверхности. Все стены явились украшенными огромными зеркалами. Отражение в них было безупречным, и оно завораживало. Свечи, всего сотня, становились тысячами. Создавалось впечатление, будто в зале полно людей. Яркие цвета платьев мерцали качеством шелка, блеском бриллиантов и счастливыми лицами. Все это сливалось в буйную смесь, вызывавшую в моей голове опьяняющее ощущение.

Как я не вглядывалась в яркую толпу, но не заметила ни одного красного платья. Может, этот цвет запрещен в одежде, так как является официальным цветом Дейстроу? Слуги ходили в бордовой одежде, это был лишь оттенок. Неприятное предчувствие овладело мной.

– Мама, ты... – тихо начала я.

– Да, я тоже не вижу дам в красных платьях.– Дрожащий голос герцогини подтвердил мои опасения.

– Неужели он запрещен?

– Не думаю, – отмахнулась Лендри. Я не поняла ее резкого смены настроения.

– Но...

– Никаких «но», девочка моя, сейчас ты должна выглядеть непринужденно и независимо. Не заставляй беспочвенным подозрениям покачнуть твою уверенность в себе. – Слова герцогини звучали убедительно, и вскоре я перестала замечать этот момент.

Через некоторое время в зале появился отец. Несмотря на тщательную подготовку, он выглядел взъерошенным и мрачным. Я старалась не смотреть на него и никак не обращала своего внимания на его персону. Отца это задело, но он не посмел произнести и слова. Конечно, герцог понимал, что обидел меня. Причем обида вовсе не пустяковая, а тяжело оскорбление моей любви к нему.

– Что это происходит? – поинтересовалась мать, встав на цыпочки, чтобы прошептать мне на ухо.

– Что это происходит? – тупо повторила я.

– Не делай из меня дуру! То, что вы с отцом не разговариваете! – прошипела она.

– Мы поссорились. – Спокойный ответ явно не мог удовлетворить материно любопытство, но ей пришлось прервать разговор. Вновь начался поток приветствий, комплиментов и выражений уважения.

Мои уши вовсе не хотели этого слышать. Все слова так и сочились неискренностью. Лишь одно чувство я могла бы назвать настоящим. Зависть. Матери молодых леди, вроде меня, явственнее всего изучали это чувство, хотя безнадежно запутывались в хитросплетениях комплиментов. Моя мать, будто этого не замечая, продолжала с улыбкой принимать поздравления. У меня вновь возникло стойкой ощущение, что все уже решили, будто я невеста принца.

– О, а вы слышали, что принц в замке! – услышала я восторженный шепот какой-то дамы.

– Действительно? Я считал, что он не появится до свадьбы! Ведь он уехал на ежегодную Весеннюю охоту! – смущенно ответил ей какой-то лорд. Я повернулась в сторону говоривших людей и увидела подтянутого седого старика и уже немолодую даму с пожелтевшей кожей.

– Я тоже так считала! – дама утвердительно кивнула. – Но, видимо, принц решил взглянуть на нареченную!

– Может быть, он сам захочет сделать выбор? – предположил лорд. Дама искусственно засмеялась.

– Что вы, дорогой мой, такое решение всегда принимает король!

– Я думаю, король Энтраст уже принял решение! Вы видели, сколько гостей прибыло? – Старика это явно смущало, как, в прочем, и меня.

– Да, милорд, вы абсолютно правы, но я сомневаюсь в ваших выводах. Король Энтраст вряд ли бы скрывал это от своего народа.

Лорд ничего не ответил, лишь поморщился и повернулся в мою сторону. Он заинтересованно начал меня оглядывать, чем очень смутил, но заметив мое состояние, отвернулся.

А Сверкающий зал все наполнялся и наполнялся, в действительности оправдывая свое название. Свечей стало еще больше – на улице почти опустилось солнце. Слуги зажигали факелы, которые горели ровным светом и не пускали искры. Многие гости уже раскраснелись от выпитого вина, а некоторые совсем еще юные леди быстро опьянели от пер-

вых в своих жизнях глотков горячительных напитков. Сколько раз мне не предлагали выпить, я отказывалась. Хотелось сохранить ясность мысли перед моим королем, что не скажешь о других – они ведь не волновались, как будут выглядеть. С каждой медленно тянущейся минутой мною овладевало беспокойство, но я старалась держаться как можно больше уверенной. Неожиданно разговоры смолкли, когда на помост вышел королевский менестрель и в тишине торжественно объявил:

– Король Энтраст Шурап Справедливый и королева Лайс Необыкновенная из династии Предназначенных! – голос громовым эхом прокатился по Сверкающему залу. Все застыли в безмолвном ожидании. Двери распахнулись и в зал вошли монархи.

Король направлялся к помосту уверенной, твердой, но старческой походкой. Когда-то широкие и могучие плечи теперь сникли под действием времени и тревог, а красивое лицо покрылось бесчисленным количеством морщин. Серые волосы почти в беспорядке разметались по плечам, спадая прядями на сморщенное лицо. На голове у короля был широкий золотой обруч, инкрустированный крупными красными рубинами. Тяжелая черная мантия свешивалась с его плеч, отсроченная белым мехом какого-то животного. На короле выгодно смотрелся камзол цвета вороного крыла и серые леггинсы, заправленные в высокие сапоги. Все его лицо говорило о сосредоточии ума и мудрости, губы слабо

изгибались в улыбке, приветствуя гостей. Глаза его сильно потускнели, даже хуже чем у менестреля Онливана. Король был очень стар.

За ним тяжелой походкой шагала королева. Казалось, она еще старше своего мужа. Седые волосы, уложенные в высокую прическу, непослушно выбились и прядями обрамляли ее морщинистое лицо. Белоснежная кожа слегка пожелтела от возраста, а взгляд был безучастным и усталым. Резкие черты лица не добавляли привлекательности, а крючковатые пальцы с длинными ногтями заставляли вспомнить о ведьмах. Но все же в ее фигуре было нечто величественное, что отличало ее от других пожилых женщин. Королева надела безупречно сшитое красно-рубиновое платье. Сердце мое дрогнуло. Так вот почему больше никто из дам не посмел надеть такой цвет! Он принадлежал королеве! Краска стыда едва не залила мои щеки, но я приложила все усилия, чтобы этого не случилось. Тем временем король и королева достигли помоста, и Энтраст опустился в свое кресло-трон. Жена села по левую руку от мужчины. Кресло, чуть меньше королевского трона, пустовало.

Менестрель открыл было рот, но король прервал его резким взмахом руки. Старый мужчина поморщился и отпил вина из кубка, который стоял на столе возле трона. В зале по-прежнему стояла тишина.

– Я благодарен своему народу за то, что вы прибыли сегодня в мою крепость! – немного скрипучим голосом начал

король. Я застыла в восхищении. Все-таки во мне воспитывали почитание и уважение своему монарху.— Поводом для столь значительного собрания стал День Свободного Взгляда! — Зал торжественно зааплодировал. Король выдержал паузу, пока крики радости стихнут. — Сегодня герцог Фунтай представит свою дочь! — заключил король. Я слышала только оглушительно колотящуюся кровь в ушах.

— Да, ваше величество! — поклонился мой отец и повернулся ко мне, предлагая руку. Сглотнув свои тревоги и страх, я вложила свои пальцы в его ладонь. Отец уверенно повел меня ближе к помосту. Люди перед нами расступались, образуя перед королем полукруг, в котором стояли мы.

Король внимательно смотрел на меня. Я почтительно присела в реверансе и затаила дыхание.

— Дочь герцога Содлона Фунтай! — на выдохе сказал королевский менестрель. — Секевра Эверин Фунтай!

Оглушительный звук накрыл меня с головой. Аплодисменты предназначались моей персоне, и вдруг мне стало не по себе, я ощутила легкое головокружение. Люди вокруг восхищенно говорили о моей красоте, о моих манерах, хотя я еще не смогла показать ни того, ни другого. Я чувствовала на себе пронизательный взгляд старческих глаз. На меня смотрел король.

Энтраст внимательно меня изучал, явно не спеша делать выводы. Я буквально кожей ощущала, как он прошелся взглядом по щекам, скулам, скользнул по платью, плечам,

рукам. Как старательно он пытался посмотреть в мои глаза, но я не смела поднять головы, чего-то очень сильно боясь. Дыхание мое выровнялось, но я все еще помнила о головокружении, так что не стремилась быть дерзкой. Я прилагала все свои усилия, чтобы не покраснеть, иначе я испорчу весь эффект. Мне до боли было интересно, что король скажет по поводу цвета моего платья. Ведь я выбрала цвет королевы, что могло расцениваться как оскорбление. В моей груди трепетала птица, жаждущая вырваться из золотой клетки, но взор короля Энтраста Справедливого цепко держал ее за крылья.

– Сколько вам лет, юная леди? – вежливо и без тени сарказма спросил монарх. Мне показалось, что он шутит, он ведь должен знать, каков мой возраст.

– Через месяц минет семнадцатый год, мой король, милорд! – ответила я, не поднимая головы. В недрах моего сознания билось беспокойство.

– Какая юная!

– Но такая красивая!

– Подойдет ли? – слышались разговоры вокруг меня, не давая сосредоточиться на том, что я должна делать и как.

– Герцог Фунтай! – начал Энтраст. Отец вытянулся по струнке. – Ваша дочь прелестное создание, но я ничего не знаю об ее образовании! – Тишина начала вступать в свои права в зале. – Не просветите ли нас, милорд?

– Конечно, ваше величество! – ровным голосом сказал

отец, и легкая улыбка коснулась его губ. – Моя дочь получила должное образование, предписанное вашим законом, мой король! Помимо этого Секевра Эверин обучена обращаться с мечом, – пораженный шепоток прокатился по толпе, – охоте, а также научена ухаживать за лошадьми! – Толпа все громче проявляла свой шок. – Моя дочь сама воспитала своего коня Шудо, вот результат ее обращения с лошадьми. Она так же не скажет, что не умеет обращаться с землей. Эверин умеет делать все то, что доступно обычному крестьянскому ребенку. Вкупе с таким обучением, она успешно закончила занятия Королевского Списка.– Отец замолчал, полный гордости за меня. На лице короля появилось нескрываемое удивление, а также любопытство.

– Значит, юная герцогиня умеет вышивать и играть на каком-то музыкальном инструменте? – в голосе короля послышался неожиданный смех.

– Да, мой король. Эверин вышивает, поет и играет на арфе! – Я сокрушенно вздохнула. Зачем же отец сказал это? Как я ненавидела этот струнный инструмент, но таково было мое обучение. – Несколько картин в нашем доме написаны маслом и рукой моей дочери. Но еще больший вклад вы можете увидеть в моих садах, мой король, где Секевра Эверин с девяти лет занималась восстановлением очень редкой культуры вишни. Теперь каждую осень мы делаем лучшее варенье в герцогстве! – весело говорил отец. – Она умна, можете мне не верить, ведь каждый отец считает своего ребенка

лучшим. Но я хочу быть честным с вами, мой король. Дочь моя очень упряма, у нее суровый нрав и непобедимая упрямость! – Лицо герцогини побелело в ужасе, а в глазах читался вопрос: «Зачем же это говорить?» – О, знаете, что она дела в детстве? Убегала от нас с матерью и ночевала в сене в конюшне! – Я едва не покраснела от слов отца, мне было очень стыдно. Я тоже не думала, что такое нужно рассказывать королю, но Энтраст лишь кивал с легкой улыбкой. Как будто он очнулся ото сна. – Поэтому моя дочь всегда предпочитала охоту урокам этикета, но с готовностью ловила каждое слово учителей. Она сложна, ею довольно трудно управлять, но, думаю, с возрастом юная герцогиня может использовать эти качества во блага своего народа, мой король. У нее храброе сердце, которое мечтает о свободе. Но долг для нее превышает собственных желаний. Она благородна. Я ей горжусь, несмотря на видимые недостатки. – Отец замолчал, давая понять, что закончил.

Я заметила, что едва дышу и пытаюсь отыскать в тростнике и траве на полу что-то непонятное и мне самой. Волнение не просто охватило меня, оно полностью властвовало в моей душе. Отец и вправду был честен с королем, он рассказал ему все то, что видел во мне.

– Что ж, герцог, я доволен вашими словами! – Толпа возбужденно загудела. – Свое решение я сообщу позже, перед подачей десерта! Музыка! – объявил король, и менестрели поспешно начали играть. Звуки разлились по бурлящему за-

лу, и люди стали усаживаться за столы. Слуги как по волшебству начинали возникать возле них, подавая кушанья. Я застыла и не смела пошевелиться, ощущая на себе тяжелый взгляд короля. Отец потянул меня, понукая идти за собой, и я начала послушно передвигать ноги.

Отец вел меня, как маленького ребенка, незнающего куда идти. После он усадил меня за стол возле себя и матери и начал накладывать еду на свою тарелку. Наконец, оцепенение отпустило, и я смогла шевельнуться. Пальцы неуклюже взяли виноград, и я с наслаждением ощутила сладковатую прохладу ягодки во рту. Как-то сразу стало легче.

– Эв, ты в порядке? – спросил отец, впиваясь зубами в кусок сочного жареного мяса.

– Думаю, да, – я сказала это, чтобы успокоить его. – Но не считаю, что доживу до десерта, – уже себе под нос добавила я.

Напротив меня сидел молодой аристократ и с интересом наблюдал за тем, как я поглощала черный виноград. Взгляд его меня напрягал, я не привыкла, чтобы на меня так пристально смотрели, но парня это, по-видимому, абсолютно не смущало. Собравшись с духом, я дерзко вздернула подбородок и усмехнулась. Это действие возымело ожидаемый эффект. Я знала, что эта усмешка пугала даже здоровенных охотников, не то что какого-то избалованного мальчишку. Парень смущенно покраснел и с неистовством стал донимать свою соседку слева разговорами.

– Как думаешь, что ответит король? – услышала я тихий голос матери. Герцогиня была заметно взволнованна, впрочем, не больше, чем я.

– Не знаю, – пожал плечами отец, отвечая жене.

Его пренебрежение раздражило мать, и она, фыркнув, отвернулась к своему соседу справа, начиная флиртовать. О Боги, в который раз за этот бесконечный день подумала я.

Тело мое жаждало поскорее оказаться в постели и провалиться в беспробудный сон. Ноющие мышцы пробили стены моей защиты, и тупая боль обрушилась на сознание. Поморщившись, я начала ковырять ложкой ягодный пудинг и задумалась. Принц в замке, это я поняла из разговора старого лорда и леди. Но почему же тогда он не явился посмотреть на меня? Ну хорошо. Почему даже не позволил увидеть себя? Я разочарованно вздохнула.

Менестрели играли какую-то задорную песенку, и один из них вышел вперед. На мгновение музыка смолкла, но почти сразу полилась новая мелодия. Я узнала звуки арфы нашего менестреля, и, подняв голову, заметила его довольную улыбку. Старик явно наслаждался всеобщим вниманием. Онливан затянул задушевную любовную песню, и я кисло улыбнулась. Только его музыка могла так окончательно испортить мое настроение. Музыкант прекрасно знал, как я восхищалась его искусством, но как назло пел про любовь. Про то чувство, о котором думать я сейчас вовсе не хотела. Ведь здесь я нахожусь по зову крови. Крови.

Динео резко зазвенел во мне, и я начала озираться по сторонам. Еще никогда эта магия так отчетливо не звучала во мне – всегда мои способности были ничтожно малы. Но звон продолжался и расплывался по моему сознанию. Вертя головой, успеха я не добила, так и не поняв, что же вызвало такую вспышку нездорового интереса. Внезапно я уловила запах лошадей, огня и людей, почему-то от этого мне захотелось ощетиниться и зарычать, но я упорно пробиралась ближе к большому каменному зданию. Обернувшись, я убедилась, что волк следует за мной, хотя так же недоволен тем, что мы делаем.

Я с ужасом втянула в себя воздух. Волк. Он передал мне свои чувства, я знала, что он неподалеку от замка. Но что им здесь надо? В лесу они могли напасть на меня из-за голода, но дикие животные не зашли бы в город так глубоко без какой-то определенной цели. Но, то, что волк позволил мне посмотреть, где он, настораживало еще больше. С огромным усилием я заглушила звон тревожного Динео и откинулась на спинку стула. Легкая дрожь сотрясала пальцы, которые тут же выпустили ложку. Она упала на стол, разбрызгав остатки растаявшего пудинга.

– Эв, ты в порядке? – повторил отец.

Я коротко кивнула и перевела взгляд на помост. Король слабо улыбался и что-то говорил жене. Возле его трона стоял человек, наверное, его советник, и смиренно ждал. Наконец, король замолчал, и мужчина принялся горячо говорить. Эн-

траст с улыбкой кивал на его слова, а королева лишь презрительно морщилась, потом задала вопрос и стала ждать. Советник не нашелся с ответом и лишь развел руками. Королева резко перевела на меня свой взгляд, и я застыла. Старая женщина долго-долго смотрела в мои глаза – сделала то, чего так и не смог добиться король. Лайс улыбнулась и одобрительно мне кивнула, я смущенно улыбнулась в ответ и поспешила посмотреть в другую сторону. Еще несколько раз за вечер я ощущала на себе внимание королевы, но не подавала виду.

Время для меня тянулось мучительно медленно, и мне хотелось схватиться за голову и убежать вон из зала. Все донимали меня глупыми вопросами. Почти каждого интересовало, как я могу фехтовать и охотиться. Многие считали, что это недостойное занятие для леди – это мнение по большей части принадлежало женщинам. Мужчины же восхищенно меня хвалили и спрашивали, какие трофеи я принесла в дом. Мои ответы заставили их опустить глаза от стыда, так как я сказала, что не считаю их денег в кошельках. Постепенно разговоры начинали меня угнетать, лишь самообладание позволяло улыбаться. Хотя лицо превратилось уже в подобие маски, потому что мышцы отказывались растягиваться в улыбке.

Несколько раз меня приглашали на танец, но исключительно пожилые люди, так что мне приходилось подстраиваться под их старческий темп. Молодые же аристократы по-

чему-то избегали моей компании, я посчитала, что они решили, будто я недостаточно красива. Пошли разговоры насчет моего платья. Все хотели узнать, специально ли я надела его, чтобы сказать королю, что готова стать женой принца, или эта промашка объясняется моим невежеством. Я совершенно запуталась в их вопросах и лишь с мольбой глядела на отца, который чаще всего спасал меня от общества разбушевавшейся толпы. Вино и бренди лилось рекой, но никто не покидал Сверкающего зала. Все жаждали узнать решение короля относительно меня. Пару раз я натыкалась на мальчиков-пажей, и те с непонятным рвением начинали извиняться за свою неуклюжесть, хотя неуклюжей, на самом деле, была я. Все, что мне оставалось, так это выслушивать извинения с вежливой улыбкой. Мне так хотелось зарыться в гриву Шудо и выплакаться от отчаянья и страха, но вряд ли меня бы выпустили из зала в одиночестве, да и вообще, вряд ли выпустили бы.

Подойдя к огромному окну, я устремила свой взгляд на звезды. Темное полотно заманчиво мерцало маленькими точками. Оно было черно, что говорило о достаточно позднем часе. Я лишь тяжело вздохнула. Такой день, как День Свободного Взгляда вряд ли когда-нибудь кончался раньше рассвета.

Но один вопрос меня очень сильно волновал. Почему же принц не пришел в зал? Я решила, что мои опасения верны. Он некрасив, и король не желает показывать сына придвор-

ным. А может, только мне. Так что эти мысли тяжело лежали на душе, и я никак не могла добиться ощущения легкости и свободы, которые испытывала по дороге в Дейст.

Из окна открывался прекрасный вид на город – он, как и замок, не спал. Всюду горели огни, от домов поднимались ниточки дыма. Я не слышала, как шумит море – звон голов перебивал этот странный, непонятный звук. Чайки тоже не летали над морем, они спокойно спали в эту ночь, единственные не затронутые общим возбуждением. Тут разговор двух слуг привлек мое внимание, я не стала поворачиваться, боясь выдать свое внимание.

– Эй, Илли, где ты был? Тут нужна была каждая пара рук, а ты где-то прохладился! – со злобой в голосе бросил какой-то мужчина.

– Я слуга принца в первую очередь, Чиз, а потом уже помогаю вам на кухне, – спокойно ответил второй мужской голос.

– Принц не часто пользуется услугами, да и сейчас его нет в замке! – настаивал на своих обвинительных мотивах слуга.

– Он в замке, Чиз, и я помогал ему привести себя в порядок после поездки! Ты же знаешь, наш принц не очень любит подобные мероприятия, но он решил появиться здесь, поглядеть на невесту! – с гордостью за своего хозяина сообщил некий Илли.

– Принц вернулся? – пораженно спросил Чиз.

– Да, мышьяк твоя голова, я только что это сказал!

– Отчего я его не видел?

– Ты был все время на кухне, Чиз. Даже в конюшне фыркает его лошадь! – рассмеялся Илли. – А где же его будущая невеста?

– Король еще не принял решение, – возразил Чиз. – Я не знаю, где она, но ты легко ее отыщешь, Илли, она в красном платье.

– В красном? – настала очередь Илли удивляться.

– Да, да. Она явилась в платье такого же цвета, как и у королевы. Конечно, это произвело фурор.

– Либо она умна, либо очень глупа, – философски заметил слуга принца.

– Скорее, умна, ведь королева и словом не обмолвилась.

– Как думаешь, как решит король? – спросил Илли, затаив дыхание.

– Не знаю, – в голосе Чиза действительно звучали сомнения. – Но она должна понравиться принцу.

– Почему?

– Она бо....

– Эверин! – громогласный призыв отца не дал мне услышать, какая я и почему должна понравиться принцу Силенсу.

– Да, папа. – Мой взор упал на его шелковый платок.

– Скоро король объявит о своем решении. Ты готова, девочка? – мягко спросил отец. Казалось бы, он совершенно позабыл о боли, кою причинил мне совсем недавно. – И я хо-

тел попросить прощения у тебя, юная герцогиня! – искренне произнес отец. Я недоверчиво посмотрела на него, но он лишь с ласковым выражением улыбался.

– Я прощаю тебя, – едва выдавила из себя эту фразу и поняла, что солгала. Я вовсе его не простила, просто отсрочила обиду.

– Я так рад! – В голосе послышалось облегчение. – Я не хотел тебя обидеть! Просто я и сам был настолько взволнован, что винил всех и вся в своих...

– Папа, отец! – прервала я его. – Я понимаю.

Он благодарно взял меня за руку и повел обратно к столу, за которым мы сидели.

Вид еды вызывал во мне тошноту, а прелестные запахи заставляли лишь неприятно морщить нос. Из разговора Илли и Чиза я узнала, что принц в замке, и он посетит сегодняшней вечер. Волнение мое увеличилось в несколько раз. Жаркая, душная комната, наполненная большим количеством людей, не способствовала успокоению, поэтому оставалось просто ждать конца этого безобразия.

Король заметно повеселел, хотя едва притронулся к кубку с вином перед собой. Но щеки почему-то порозовели, глаза заблестели, а улыбка так и не покидала старого лица. Мне даже почудилось, что он помолодел. Королева рядом с ним тихо и неподвижно сидела, глядя в огонь очага. Словно ее не интересовало все то, что происходило вокруг. Я могла ее понять. Женщина была стара и уже устала от шума и веселья,

стоящего в Сверкающем зале – я и сама порядком утомилась.

Менестрель уверенным шагом направился к помосту и легко поднялся по ступеням. Танцующие пары медленно останавливались, люди прекращали разговоры, музыка постепенно стихала, а волнение и напряжение все заметнее сгушчалось в воздухе. Король пальцем поманил герцога к себе, и он, схватив мою руку, потащил меня к помосту. Вновь вокруг нас образовался полукруг людей, а я была в центре всеобщего внимания. Невольно я уставилась в пол и так и не решалась поднять головы. Какой-то благоговейный ужас охватывал меня, когда я стояла поодаль короля. Словно его мудрость касалась моего тела и разума, поэтому я чувствовала себя безмерно глупой. Словно его величественность окутывала и меня, и все вокруг восхищенно глядели на юную герцогиню Фунтай. Дыхание мое было ровным, но хриплым, и этот хрип слышала лишь я. Менестрель выпрямился и объявил. Голос у него дрожал:

– Король Энтраст Справедливый принял свое решение! – Раз уж у менестреля дрожал голос от волнения, что говорить обо мне?

– Ваша дочь, герцог, несомненный пример для подражания. Вы описали ее достаточно подробно, не пытаясь скрыть недостатков. Как вы это делали, в прочем, когда ваша старшая дочь стояла в этом зале передо мной. – Горестный вздох вырвался из груди монарха. – Но это в прошлом. Теперь перед моими глазами совсем еще юная Секевра Эверин Фун-

тай. И я поражен ею, как и моя королева.

– Да, мой король, – вмешалась Лайс, – вы правы. Я восхищена этой девочкой. Но хотела бы задать ей вопрос. Отчего ты надела рубиновое платье?

В голове панически застучало.

– Я отвечу честно, моя королева, – присела в реверансе. – Я надела это платье, потому что посчитала, что оно подчеркнет красоту моих глаз. А я не считаю себя красивой, оттого решила, что, может быть, произведу более приятное впечатление, хотя привыкла полагаться не на внешность, а на свои способности. – Королева довольно улыбнулась и кивнула моему ответу. Люди в толпе переглядывались меж собой, а я невольно посмотрела на свое отражение. И на мгновение мир вокруг меня застыл.

Из зеркала на меня смотрела слегка напуганная девушка. Прямые волосы цвета прошлогодней смолы спускались ниже плеч, едва не доходя до пояса. Они привычно обрамляли аккуратное лицо. Пушистые ресницы трепетали, а янтарные светлые глаза выдавали страх. Полноватые розовые губы были слегка поджаты, а округлый подбородок мягко поднимался к выраженным скулам. Лицо было стройным, красивой формы, приятного ровного оттенка. Невысокий лоб оканчивался правильными полукругами слегка изогнутых бровей того же цвета, что и волосы. Они плавно переходили в переносицу и небольшой курносый носик. Белоснежная шея и обнаженные плечи и руки красиво контрастировали с ру-

биновым платьем. Косточки ключицы выдавали ее стройность. Красивая, полная грудь не делала эту девушку пошлой, она лишь обращала внимание на ее стройную талию. Пышные юбки скрывали хорошо знакомые ей сильные ноги. Она была высокого роста, но не выше короля. Она могла бы назвать себя красивой, если бы только захотела, но что-то ей не позволяло это сделать.

Этой девушкой была я. Хотя я и не осознавала поначалу, что смотрю на себя. В этом зале в окружении этих людей и в этом платье я выглядела совсем иначе. Я с трудом оторвала взгляд от отражения, но не решилась вновь посмотреть на королевскую чету, и опустила его в пол.

– Твой ответ порадовал и меня, юная леди, – сказал король и вывел меня из задумчивости. – Кому-то он может показаться глупым, но не мне.

Аристократы оживленно зашептались между собой, менеджеры ловили каждое слово короля, а я лишь тяжело вдыхала и выдыхала воздух.

– Я благодарен вам за столь теплые слова, мой король, – вместо меня ответил герцог, когда молчание слегка затянулось. – И как отец польщен вашей похвалой.

Король рассмеялся, и отец непонимающе взглянул на него.

– О, герцог, это не похвала, а чистая правда! Вы воспитали отличную дочь! – Зал взорвался шквалом аплодисментов. Мой Динео резко зазвенел, предупреждая о чем-то, но я

лишь отмахнулась от зудящего чувства, которое возникло где-то у дверей в зал.

– Король прав!

– Истина!

– Энтраст Справедливый! – кричали аристократы. Лорды, герцоги, графы и прочие. Среди них я впервые заметила Флуцбергов. Шорлен, девушка моего возраста, предназначенная для принца после отказа короля от меня, с нескрываемой ненавистью смотрела в нашу с отцом сторону.

– Почти никто не помнит, откуда взялась традиция Королевства Дейстроу брать в жены для принца девушку из семейства Фунтай! – торжественно тихо начал король. В зале слышалось лишь дыхание и тихий треск факелов. – Но испокон веку мы следуем этой традиции, как и семья Фунтай. Все мы прекрасно знаем, что герцог Содлон перестанет быть таковым, как только понадобится нужда в новой невесте для принца, дабы не допустить смешения родственных кровей. – Я сглотнула, испугавшись за отца, но потом вспомнила, что когда-то давно он уже слышал эту вступительную речь. Но Дикси так и не стала женой принца. – И я благодарен нашим предкам за такой закон. Ведь эта семья исправно предоставляет лучших девушек из всего Королевства. Даже моя жена когда-то была Фунтай. – Он сделал короткую паузу, сделал глоток воды, чтобы смочить горло и продолжил. – Теперь я делаю тот выбор, каковой сделал когда-то для меня мой отец. – Мне казалось, что я вот-вот упаду в обморок. –

И передо мной ясный выбор. Секевра Эверин Фунтай может стать «отвергнутой» или женой моего сына Силенса. – О Боги, пусть свершится первый вариант! – Итак, я сделал свой выбор!

Сверкающий зал погрузился в полнейшую тишину. Почудилось, что даже дыхание у всех замерло. Я слышала лишь собственные хрипящие вздохи.

– Отныне юная герцогиня Секевра Эверин Фунтай будет считаться...

– Невестой принца Силенса Скопдея Могучего из династии Предназначенных! – прервал короля звучный, густой, как свежий мед, мужской голос.

Я подняла свой взор и увидела принца.

II Королева

«Сегодня пыталась пообщаться со своими слугами, а потом и с придворными. Что ж, слушали они только моего короля, но говорил он моими словами.

Дорогая кузина, я так молюсь за свой народ и мечтаю, что когда-нибудь он будет жить в мире и покое. Я подарила Королевству наследника, но не могу завоевать их любовь. Пусть мои поступки, в таком случае, вершат другие, но они будут управляемы мной...

Я пойду на все ради благополучия Дейстроу...»

Из письма королевы Лайс Необыкновенной своей кузине Сторкер

По Сверкающему залу прокатилась волна восторга и возбуждения. Принц прервал речь короля, и неизвестно совпали ли их решения. Но Энтраст улыбался и не спешил опровергнуть слова своего сына, из чего все сделали вывод, что это и хотел произнести монарх.

Я же не могла отвести взгляд от Силенса. Он тоже смотрел на меня. Все мои опасения рухнули прахом, и внутри возникло необъяснимое разочарование, и вместе с ним безудержная радость. Я смотрела на него снизу вверх. Но при этом убедилась, что принц высок. Широкие плечи выдавали в нем воина, а бугры мышц перекатывались под обычной

шелковой рубахой цвета слоновой кости. Он стоял, широко расставив длинные и мускулистые ноги. Все тело принца являло собой мощь и силу в своем первобытном представлении. Но он не был похож на гору мяса и костей, в этом мужчине присутствовала своя толика грации, да и талия усиливала это ощущение. Темные волосы, завязанные в воинский хвост, кончиками едва спускались ниже плеч. Несколько коротких прядей упали на загорелый высокий, широкий лоб. Его пересекал серебряный обруч с одним-единственным некрупным рубином в центре. Этот обруч указывал на то, что он наследный принц. Красивые темные серебристо-серые глаза смотрели ясно и пронзительно. Радужка более светлая к черному зрачку оканчивалась темным ободком. Почти черные кустистые брови резким росчерком усиливали впечатление грозности и мощи. Неширокий прямой нос и будто срезанный подбородок делали его схожим с королем Энтрастом. Острые скулы резко переходили к щекам, при этом делая его лицо еще более привлекательным. Бледно-розовые губы изогнулись в приятной улыбке и на щеках появились аккуратные ямочки. Кожа была ближе к бронзовому цвету. Под нижней губой примостилась едва заметная ямочка. Принц облачился в шелковую рубаху и кожаные штаны с широким ремнем на бляхе. Обычные сапоги на подвязках довершали его образ. Он даже камзол не одел! Прикрепленные к поясу, висели красивые, но простые ножны. Из них торчала рукоять меча. Его небрежность выдавала

в нем скорее не принца, а воина.

Но не только безусловной красотой принца я была так изумлена. Передо мной стоял тот самый солдат, которому я так резко ответила в городе. Да, сейчас на нем была чистая одежда, но все же это именно он хотел мне помочь. Самый сильный стыд в моей жизни охватил меня, и я покраснела. Мне было плевать на то, как ужасно я стала выглядеть сейчас. Я боялась его гнева, хотя принц смотрел в мои глаза с вежливой улыбкой. И никак не могла остановить свой взгляд на нем. Постоянно металась, пытаюсь скрыть свой стыд. Наконец, наши взгляды встретились. Мне показалось, что я тону в ртутном море.

– Помолвка состоится через три дня! – объявил король Энтраст. Тут только я услышала решение о моей судьбе. Я стану женою принца.

Всем надеждам было суждено вырыть себе могилу в этом самом зале. Душа внутри меня содрогнулась и протяжно закричала в пустоту моего собственного сознания. В голове троекратно усилилась пульсирующая боль, разливаясь от висков по лбу. Мне стало страшно. До последнего момента я надеялась, что король назовет меня «отвергнутой», до последней секунды я верила в это, пока принц не прервал своего отца. Мне захотелось заплакать, но слезы высохли на чисто, и я никак не могла выдавить из себя хотя бы одну. Я не стану свободной. «Не стану свободной», – звучало в моей голове. Теперь судьба моя неразрывно связана с Силен-

сом, с человеком, коего я даже не люблю. Хотелось завыть от скорби, переполнявшей сердце, и я вдруг поняла, что эти чувства принадлежат не мне. Волк во второй раз за вечер поделился со мной своими мыслями. В нем я нашла отголосок своего горького разочарования. У меня совершенно не было сил удивляться этому, поэтому я лишь сокрушенно примирилась со своей новой судьбой. Подняв голову, я присела перед королем в реверансе и улыбнулась.

– Отец! Несомненно, ты сделал прекрасный выбор! – Звучки, поднимающиеся из груди принца, были прекрасны, тягучи и великолепны. Ему в пору стать менестрелем. Какая глупая мысль.

– О, Силенс, – добро усмехнулся король. – Ты сам сделал этот выбор, я ведь не договорил! – и он туманно развел тощими руками.

– Может и так, – как-то слишком загадочно улыбнувшись, сказал принц и в очередной раз посмотрел на меня.

На сей раз я не растерялась и прямо встретила его взгляд. Принц пронизывал своими глазами, в которых опасным морем плескалась сила, но меня она покорить не смогла. Принц ухмыльнулся и кивнул мне. Я присела в реверансе в ответ. Даже в состоянии легкого шока от решения монарха, я была способна сохранять разум, что радовало.

Силенс спустился с помоста, но аристократы вполне спокойно отнеслись к этому и не прекратили разговоров между собой. Некоторые приветствовали его кивком или улыб-

кой, а принц не проявлял никакого неодобрения подобным действиям. Он, похожий на нож, который режет талое масло, плавно шел сквозь гурьбу людей так легко и просто. Если бы не серебряный обруч на его голове и та легкая величественность в каждом его движении, я вряд ли бы признала в нем человека королевской крови. Мне стало страшно, когда я поняла, что принц приближается ко мне. Стыд и страх смешались во мне, не давая соображать, так что я не предприняла никаких попыток избежать разговора со своим нареченным.

– Юная леди, – пробасил он и вежливо поклонился. В глазах плясали искорки. В свете свечей они были больше похожи на голубые, чем на темно-серые, но все равно продолжали производить на меня магическое влияние.

– Мой принц, – галантно ответила я, подавая ему правую руку. Принц не погнушался, вновь наклонился и едва коснулся поцелуем кончиков моих пальцев.

– Сегодня прекрасный вечер? – поинтересовался он, продолжая подчеркнуто официальный тон нашей беседы.

– Соглашусь с вами, мой принц...

– Прошу вас, называйте меня Силенс, – он перебил меня без малейших угрызений совести. Его предложение меня смутило.

– Что вы, мой принц, я не могу, – предательская краска растеклась по щекам, и я еще больше занервничала под взором принца.

– Вы так мило краснеете, моя леди! – случайно повторил

принц слова моей служанки.

– Вы так считаете? – слова дались мне с трудом. Я заговорила лишь тогда, когда поняла, что могу это делать.

– Я похож на лгуна?

Простой вопрос в обычной беседе заставил меня задуматься. Принц похож на лгуна? Я помнила его четкий и ясный голос, когда он произнес, что я считаюсь его невестой. О Боги! Он сам сделал сей выбор, решение отца вовсе не влияло на то, что хотел сам наследный принц. Только теперь я это уразумела. Силенс сам захотел, чтобы я стала его женой. Неужели он разглядел в скромной девушке в рубиновом платье что-то особенное?

– Знаете, я разглядел в дерзкой женщине на коне с черным языком нечто неповторимое, – будто вторя моим мыслям, проговорил он.

– В женщине? – удивленно спросила я. Мне резко перехотелось делать вид, что та была сильно похожая на меня дама. Что толку лгать моему принцу?

– О да, юная леди! – Я совсем не заметила, что во время разговора принц отвел нас в сторону от людей, и что мы теперь стояли возле окна. Того самого, где я подслушала разговор слуг.– Мое любимое место во всем Сверкающем зале, – неожиданно заметил молодой мужчина.– Почему вы так удивляетесь, услышав слово «женщина»? – продолжил принц прерванный его репликой разговор. – В седле на вашем вороном жеребце вы выглядели так воинственно и сме-

ло, хотя находились в легкой растерянности. А как вы властно заставили коня слушаться! Я был просто поражен. Этот тот самый конь, которого вы воспитали? – резко сменив тему, задал вопрос Силенс.

– Да, мой принц, но откуда вы знаете?

– О, слухи об этом уже гуляют по замку! Истинная леди ухаживала за жеребенком! Вы завоюете сердца людей еще до того, как станете королевой, Эверин. – Мое имя в его устах прозвучало как-то странно и непривычно. Я даже пропустила мимо ушей его слова о народе.

– Ох, не думаю милорд, – я холодно рассмеялась.

– Отчего же? – он был явно удивлен.

– Сомневаюсь, что столь юная и непривлекательная принцесса сможет...

– Постойте, постойте! – напущено взмолился принц. – Не привлекательная?

– Ну да.

– Вы уверены, что речь сейчас идет о вас? – его вопрос остался без ответа, Силенс просто не дал мне возможности его озвучить. – Вы одна из прекраснейших дам, что когда-либо появлялась в стенах этого замка на моей памяти. Даже прелестная Дикси Фунтай выглядела бы на вашем фоне достаточно бледно.

Я подумала, что он спятил. Может, в боях ему не раз давали мечом по голове? Здравомыслящий человек вряд ли бы такое сказал. Пфф, я красивее моей сестры? Абсурд.

– Я не считаю себя красивой!

– И очень даже зря, – тихим голосом принц привлек мое внимание. Он как-то необычно смотрел в мое лицо, точно пытаясь отыскать в нем то, что никто не видел прежде до него. Взгляд казался тяжелым, но пронизывал до самых костей, а глубокие темно-серые глаза беспощадно рвали на клочки мою душу. Динео оглушительно взорвался в моей голове. Я лишь успела заметить озабоченное лицо принца и провалилась в темное небытие.

Очнувшись, я резко ощутила во рту сковывающую сухость, язык едва пошевелился, но немедленно оставил свои бесплодные попытки. В голове отчаянно стучали молотки, словно в городской кузнице, с каждой секундой увеличивая болезненный темп. Тело стало каким-то непослушным и ватным, я даже пошевелиться не могла. Свинцовые веки с превеликим трудом поднялись, и яркий свет мгновенно ослепил меня. Часто-часто моргая, я смогла наконец глубоко вздохнуть и застонать, требуя низменным инстинктом глоток воды. Глаза я тут же закрыла, так как свет был невыносим, но почувствовала, как кто-то подносит чашку к моим пересохшим губам. Живительная влага полилась мне в рот, и мне значительно полегчало. Огромными и жадными глотками я быстро осушила чашку и резко выдохнула. Собравшись с силами, попыталась открыть глаза в безуспешной второй попытке.

Чьи-то сильные руки обнимали меня за талию и прижимали к такому же сильному телу. От человека пахло землей и далеким отголоском дыма. А еще от него веяло чувством безопасности, так что я безропотно приникнула к спасительному теплу. Слух явился ко мне без предупреждения, и шквал голосов едва во второй раз не заставил потерять сознание. Повсюду слышались беспокойные реплики, кто-то отправлял за лекарем, хотя безрезультатно – тот напился в стельку в самом начале вечера. Отец что-то спрашивал у кого-то, а приятный медовый голос сообщил ему, что я пришла в себя, но до сих пор не могу освоиться. Смятенные слова матери жужжали над самым ухом и очень меня раздражали, хотелось отмахнуться от нее, как от надоедливой пчелы.

– Она просто потеряла сознание! – более отчетливо услышала я ответ принца на какой-то вопрос. Теперь я действительно открыла глаза, а не пыталась себя убедить в том, что я это сделала.

Принц держал меня в своих объятиях и взволнованно вглядывался в лицо. Еще десятки глаз были устремлены на меня, в том числе отцовские и материнские. Слегка покраснев, я уверенно отстранилась от Силенса и приняла его руку, когда он помог мне встать с пола. Спину пронзила нежданная боль. Мышцы заныли, напоминая, что пора бы отдохнуть, ведь сколько времени я провела без сна?

– Как вы? – спросил принц, и в голосе его не было ни кап-

ли притворства.

– Я... просто сильно устала, мой принц, милорд, простите, что...

– Вы просите прощения за то, что упали в обморок? – удивился он. Моя привычка находить любым своим поступкам разумное объяснение дала осечку в этот вечер.

Отец спас мое положение.

– Она и вправду устала, мой принц. Прошлой ночью юной герцогине так и не удалось уснуть. – Тон его звучал вежливо, но в нем проскакивали нотки несдержанности. Отец явно намекал на то, что пора бы меня отпустить в покои для отдыха.

Глаза принца округлились от волнения, но он сумел взять свои эмоции под контроль. Откуда такая забота?

– Что ж, я думаю моей невесте можно удалиться с вечера. – Придворные согласно закивали. И как естественно звучали в его устах слова «моя невеста».

– Спасибо, мой принц.

Он кивнул, но вызвался проводить меня до покоев, тем самым не позволяя отцу покинуть вечер и последовать за мной. Шагая за пажом по коридору, принц постоянно бросал на меня полные загадочности взгляды. Я с вежливостью приняла его руку и опиралась на нее всю дорогу, хотя явно в этом не нуждалась. Физически я устала, но не настолько, что не смогла бы двигаться без посторонней помощи. Обморок был вызван вспышкой Динео. Вспышкой такой сильной,

какой я никогда не испытывала в своей жизни. К сожалению, я совсем не умела управлять или контролировать свои слабые способности. Паж довел нас до дверей комнаты, и Силенс отпустил его коротким кивком.

– Моя леди, что это было? – Его вопрос показался мне кадкой ледяной воды, вылитой мне на голову. Я посчитала, что он принял объяснение моего отца.

– Что вы имеете в виду, мой принц? – Лицо мое стало сама невинность.

Наследник престола сердито поджал губы и приблизился ко мне, чуть ли не нарушив правила хорошего тона.

– Вы прекрасно знаете, о чем я говорю! – И что я могла ему ответить? Я слышала, что династия Предназначенных обладает какой-то магией, но не думала, что ею может оказаться Динео.

– Мой принц, я тоже не совсем поняла, что произошло. – Что ж, ну хоть часть правды. Совесть почему-то противно заскреблась над моим благородством.

– Вы лжете мне, Эверин? – прямой вопрос смутил мен.

– Нет. Я действительно не поняла, что это было.

– Но что-то было, ведь так? – допытывался Силенс.

– Наверно, – туманно ответила я и положила пальцы на дверную ручку, давая понять, что действительно хочу лечь в постель.

– Что ж, не буду вас далее задерживать, моя леди. – Он задумчиво улыбнулся. Ртутные глаза ожили от этого искрен-

него движения. – Спокойной ночи, моя принцесса.

И он пошел прочь по коридору, возвращаясь в Сверкающий зал. Я осталась стоять на месте не в силах переварить его последние два слова. То, что это говорил именно он, придавало им еще большее значение. Я вздрогнула, осознав, что попала под влияние его дипломатического обаяния, о котором говорил отец, и поспешно открыла дверь отведенной мне комнаты.

Уэн сонно поднялась с кресла возле очага, в котором ожидала меня с того самого момента, как утомившись покинула вечер.

– С кем вы говорили, моя леди? – спросила она. – Если мне позволено знать. – Поспешное добавление смягчило дерзкий вопрос.

– С принцем.

– С принцем? – шокированным голосом переспросила Уэн.

– Ну да, разве я не ясно выразилась? – поморщившись, я бросила на нее усталый взгляд.

– Вам помочь, моя леди? – Я только кивнула и позволила служанке снять с меня заметно потяжелевшее за вечер платье. Я ополоснулась в прохладной воде, с наслаждением укуталась в теплое полотенце. Уэн кое-как удалось заставить меня надеть ночную рубашку.

Мягкий батист приятно обхватил мое тело, и я в полной мере ощутила свою усталость. Забравшись под шерстяное

одеяло, я зарылась в мягкой и пушистой перине, с упоением вдыхая запах чистой постели. Огонь из очага грел мои ноги, и я мгновенно разомлела, но не забыла отдать приказ:

– Можешь идти, Уэн. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, моя леди, – ответила служанка и едва слышно притворила за собой дверь в тот момент, когда я погружалась в спасительный сон.

За дверью неслышно появился стражник, оставленный на ночь для моей охраны. И лишь трещащие поленья в очаге прерывали тишину и мерный ритм моего сонного дыхания в комнате.

Во сне меня охватило жгучее беспокойство, поднимающееся от самых глубин моего сердца. Я тяжело дышала от быстрого бега, поглядывая назад и проверяя, поспевают ли за мной он. Твердая земля, оттаявшая от весеннего солнца, приятно пружинила под лапами. Бег становился все более быстрым, дыхание начало болезненно обжигать ноздри, но я должна до рассвета успеть сообщить, что ее не отвергли. Это будет тяжело, впереди еще долгая дорога, а его раненная лапа не позволяет бежать быстро. Я остановилась и раскрыла пасть, втягивая запахи ночного леса – где-то в вереске дрожал кролик, но сейчас было не до охоты. Необходимо успеть.

Успеть, успеть, успеть...

Я распахнула глаза и услышала свое частое тяжелое

дыхание. Ночная рубашка вся пропиталась холодным потом и неприятно липла к спине. Голова слегка кружилась от быстрого бега, но я понимала, что это лишь ощущения волка, который бесцеремонно вторгся в мое сознание. Будто мы одно целое, и он не видит ничего предосудительного в своих поступках. Горло охватило неприятным жжением, будто я действительно бежала по холмам всю ночь к неизвестной для меня самой цели. Пришлось встать и напиться воды.

Открыв ставни, я обнаружила, что занимался рассвет, и застыла в безмолвном восхищении – из моего окна открывался головокружительный вид. Огненно-красное солнце медленно поднималось из-за вершины скалы, своим цветом поражая меня – обычно я наблюдала таким закат. Его пронизывающие все на своем пути лучи подсвечивали пушистые облака, окрашивая их в темно-золотистый цвет. Словно само первобытное пламя разлилось по небу, окутывая всю поверхность земли. Остроконечная башня темным сторожем контрастировала всему фону, являясь некой границей между темной, пока неосвещенной землей и полыхающим огнем небом. Чем выше солнце поднималось, тем темнее становились облака, окрашиваясь в угольный цвет. При этом они не становились тяжелыми, а так же легко уходили в небесный простор. С каждой минутой свет сменялся и становился сияющим и желтым, последние кроваво-красные росчерки тухли в складках облаков. Розовая дымка на гра-

нице неба и земли еще несколько минут мерцала в лучах великолепного святилища природы. На голубом полотне стали виднеться росчерки птичьих крыльев. Крики чаек доносились, будто через вату, не способные заглушить шум морского прибоя.

Свежий и прохладный весенний воздух приятно касался щек и волос, но в мокрой рубашке я быстро озябла и с неохотой закрыла ставни. Подкинув пару поленьев в очаг, я повесила над огнем чайник с водой и торопливо позвала Уэн в свои покои. Девушка сонно потирала глаза, но внимательно слушала указания и поминутно кивала. Вскоре мальчишки-пажи натаскали в ванну ведрами воды, последние были с горячей жидкостью, пока я куталась в теплое одеяло. После этого, отослав Уэн за одеждой, я отмылась от липкого пота, налив в ванну розового масла, и яростно натирала волосы мыльным корнем, сохранившие запах принца Силенса.

Налив себе чая, я добавила туда листья земляники и горькие ягодки калины. Интересный вкус горячей волной согрел все мое тело, и я с хорошим настроением, выбирала себе наряд из одежды, разложенной Уэн на кровати.

– Может, это зеленое платье? – Уэн сделала это предположение достаточно робко.

– Нет! – я отрицательно покачала головой. – Достаточно с меня платьев!

– Но...

– Нет, – повторила я еще раз, и мой выбор пал на чер-

ную тунику, серые обтягивающие штаны и короткие сапожки. Удовлетворенно застегивая тоненький коричневый ремешок в тон обуви, я испытала на себе недовольство служанки.

– Ну что? – спросила я, сдавшись.

– Ваша матушка не будет мною довольна! – заявила она почти обиженно.

– Но кто твоя госпожа?

– Вы миледи...

– Тогда разговор окончен, – я подвела итог достаточно строго. Уэн раскраснелась от досады, но все-таки ей хватило ума больше ничего не говорить. Я ненавидела советы по поводу того, как мне нужно одеваться, это почти всегда выводило меня из состояния душевного равновесия.

Хмурый слуга сообщил мне, что принц пригласил меня на прогулку верхом после завтрака, пожелав встречи еще до полудня. Я передала ему свое согласие, а сама безгласно застонала. Мне вовсе не хотелось проводить с Силенсом время вместе, а тем более наедине, он вновь может возобновить свои попытки допроса, этого еще не хватало после тревожной ночи. Но теперь я официально считаюсь его невестой, послезавтра состоится помолвка, наверняка, принц просто хочет узнать поближе свою нареченную, в чем отказать было практически невозможно. А что если Силенс посчитает себя оскорбленным, и тогда моя семья будет изгнана из Дейста с позором и клеймом на всю жизнь? Нет, решительно сказала я себе, теперь мне никуда не деться от его внимания и жела-

ния познакомиться, такое решение принял сам король, против которого я бы никогда не смогла пойти. Хотя, действительную клятву верности я дам династии Предназначенных только во время церемонии помолвки, ну раз уж они избрали меня невестой своего сына, то я мысленно должна была принести себя в жертву.

– Миледи? – вопросительный взгляд сообщил мне, что Уэн вот уже несколько минут нетерпеливо топает ногой возле двери.

– Да, Уэн, идем.

Голос показался мне каким-то холодным и пустым, будто его лишили всяческих эмоций и интонаций. Я запретила себе думать о том, что причина в приглашении Силенса, хотя мое самолюбие считало это наиболее возможным. С тяжелым сердцем, я в смятении последовала за своей служанкой в Зал Обедов. Неспешным шагом я явно раздражала ее, но заставить идти себя быстрее у меня не получалось. С каждой минутой, усиливалось осознание того, что после завтрака я окажусь в компании принца.

В зале царила оживленная обстановка, окрашенная запахами блюд для завтрака. Слуги ловко разносили подносы и тарелки, но в каждом движении я наблюдала скованность – едва ли они успели поспать после того, как приводили в порядок Сверкающий зал, ведь в раннее утро им было надобно готовить завтрак для господ. Послушно следуя за Уэн, я подошла к небольшому столу, за которым ели мои родите-

ли. Присев, служанка удалилась, недоуменно оборачиваясь в мою сторону. Я медленно огляделась.

Зал Обедов был несколько меньшим размером, нежели Сверкающий Зал. Здесь все дышало простотой и уютом. Сцены мирной жизни на гобеленах успокаивали, а удобные стулья с высокими пуховыми подушками так и манили к себе. В зале стояло несколько добротных столов, и каждый гость выбирал себе компанию по своему усмотрению. Яркий солнечный свет освещал комнату, но в самых ее темных уголках горели свечи в изысканных канделябрах. На столе я заметила тарелки с кашами, фруктами и хлебом, намазанным маслом. Выбрав себе небольшой кусочек сыра, я рассеяно жевала, поглядывая по сторонам. Силенса, к моему облегчению, нигде не было видно. Мать сурово шикнула на меня, и ей почти удалось уговорить меня на кашу, но мое положение в очередной раз спас отец, добродушно пошутив над ее полнотой. Гнев герцогини пал на мужа.

– Извините, но я вынуждена удалиться, – родители резко прекратили словесную перепалку и стали ждать объяснений. – Принц Силенс пригласил меня на прогулку.

Мать радостно заулыбалась, а отец кивнул, давая понять, что он не против, хотя, в принципе, и возражать-то не мог. С горьким ощущением одиночества я побрела к выходу из замка, стараясь не заплутать в его бесконечных лабиринтах. В Дейсте было полно народу, и все приветливо мне улыбались, чуть ли не называя принцессой. Порядком раздра-

женная я вышла на свежий воздух. На улице мне всегда становилось легче, вот и сегодняшнее утро не стало исключением. Легкой, пружинящей походкой я направилась к конюшням, где грумы поспешили оседлать мою лошадь, но я их вовремя остановила.

Шудо радостно заржал, завидев мое приближение, и спокойно позволил себя взнуздать. Поглаживая его по шелковистому боку, я потянула поводья и вышла из конюшни. В сердцах я молилась, чтобы принц не пришел на встречу, но как было велико мое разочарование, когда я заметила его внушительную фигуру в другом конце двора. Его наряд почти ничем не отличался от вечернего одеяния, только шелк рубахи сменился хлопком. Да принц надел простую куртку. Я тоже успела захватить свою из отведенных мне покоев, когда торопилась к конюшням. Силенс повернулся в мою сторону и лучезарно улыбнулся, показывая милые ямочки на щеках. Пфф, на таком мужественном лице, казалось бы, ничто не может быть милым. Силенс обошелся приветливым кивком и вскочил на свою серую лошадку. Кобылка начала переступать с ноги на ногу. То была сильная, мощная лошадь, но не тяжеловесная, так как в ней присутствовала толика грации. Мой Шудо ревниво заржал и раздраженно дернул поводья. Смерив его недовольным взглядом, я легко опустилась в седло и коленями показала коню направление движения. Он нехотя следовал за лошадкой, чувствуя себя оскорбленным, но не смевший противиться моей воли на глазах

у остальных людей.

Мы с принцем не обменялись и словом, просто молча выехали за пределы замка и направились к холмам, покрытым жесткой прошлогодней травой. Только когда Дейст оказался за спиной, принц придержал лошадку и поравнялся со мной, ведь я намеренно не давала Шудо сорваться в бешеный галоп – вряд ли потом удастся его остановить.

– Как ее зовут? – я начала разговор первой, буквально кожей ощутив его непонятное торжество.

– Грэйст, – мужчина ободряюще похлопал кобылку по холке, она отозвалась легким ржанием. – А этого красавца?

– Я назвала его Шудо. – Жеребец тряхнул головой, услышав свое имя.

– Жаль, моя лошадка уже была названа, да и не я воспитывал ее, – с неподдельным сожалением ответил Силенс.

– Наверняка, у вас забот было побольше, чем моих, – успокаивающий тон явно подействовал на наследника трона.

Принц фыркнул, но улыбка представилась мне доброй.

– Уж не думаю, что вы были меньше заняты. Обладать столькими умениями в столь юном возрасте – настоящая заслуга. – Мелодичный голос принца постепенно прогонял все мои тревоги. Как же было хорошо, что нас не окружала толпа придворных льстецов.

– Вы преувеличиваете мои способности, я всего лишь умею то, что должна. – Я намеренно выбрала официальный

и холодный тон, заметив, как изменился в лице принц, по-морщившись, будто от пощечины.

Он замолчал, губы превратились в тонкую линию, а брови сошлись на переносице. От этого человека повеяло запахом силы и превосходства, мне хотелось бежать, очертя голову.

– Что ж вы себя так недооцениваете, юная леди? – спросил он наконец. Силенс, по-моему, понял, что злиться на меня не имеет смысла – я не виновата в том, что не хочу стать его женой.

– Я не понимаю, о чем вы, – я безвольно пожала плечами. – Я знаю себе цену, но проблема в том, что мои способности, которыми я горжусь, абсолютно не пригодятся мне, как принцессе. – Вывод казался настолько очевидным, что я начала беспокоиться относительно ума моего будущего мужа.

– Например, какие?

– О! Ну зачем же леди ездить верхом? Или уметь чистить конюшни? Или обращаться с соколами и псами? – я хмыкнула. – Не вижу никакой связи с прилежным вязанием у камина.

Принц неожиданно для меня расхохотался, смех был заразителен, и я едва не улыбнулась, но почему-то сдержалась, намеренно выбрав хладнокровный путь общения.

– Ваши доводы, конечно, несколько верны, но...

– Но что? – смело перебила я.

– Да, манерам вам нужно еще подучиться, – добродушно

пожурил он. – Но такие качества и способности очень выгодны принцессе. Вы сможете легко завоевать любовь простых людей, я вам это уже говорил. Моей матери, к сожалению, этого не удалось, – печальная улыбка тронула его губы. – А вам это действительно по плечу, Эверин.

– Если вы так считаете, мой принц.

– Называйте меня Силенс.

Я резко ударила пятками бока Шудо, и жеребец сорвался в галоп. Радость переполняла его до краев, он сполна радовался долгожданной свободе. Мы летели по ветру, будто птицы, соединяясь в единое целое не только друг с другом, но и с этим переменчивым явлением полета. Вихри кружились вокруг длинной гривы Шудо, трепетали возле меня, нежно ласкаясь и дерзко щипая за щеки. Я ощутила неизведанное ранее единение с ветром, который пронесся по моим горячим венам, еще сильнее разгоняя кровь, подгоняя меня, раскрывая все внутренние резервы и тайные возможности, выявил все мои глубинные уголки души, с вдохновением любуясь ими. Детское воодушевление накрыло меня с головой, и я звонко рассмеялась, выпуская поводья из рук. Шудо потерял чувство равновесия и понесся во весь опор, трепеща от скорости, не замечая под копытами ни земли, ни камней, ни веток. Эйфория почти мгновенно сменилась страхом – жеребец несся в сторону скалистой местности, где с легкостью мог запнуться об какой-то камень и покатиться кубарем вниз по склону. Безумный ужас за моего коня овладел

каждой клеточкой напряженного до предела тела. Глаза застилала пелена слез, вызванная сильными порывами ветра. На минуту, мне почудилось, что это конец. Моя мечта исполнится, пусть и печально – я умру свободной от каких-либо обязательств перед короной.

Серая тень внезапно промелькнула слева, кобылка принца неслась во весь опор, на исходе своих сил, но мужчина лишь сильнее ее подгонял, стремясь поравняться с моим одурманенным скоростью жеребцом. Наконец, когда Грэйст покрылась мылом, он крепко ухватил поводья Шудо, понукая его сбавить темп, но конь упрямо скакал вперед. Тогда принц сжал бока своей кобылы и с силой натянул узду, которая больно впиалась в губы Шудо, и жеребец волей-неволей был вынужден остановиться. Бока обеих лошадей тяжело вздымались и блестели на солнце от пота, на губах кобылки белела пена, и Грэйст жалобно ржала. Я перевела потрясенный, но заторможенный взгляд на Силенса. Он выражал собой полнейшую невозмутимость, лишь грудь тяжело поднималась и опускалась, будто он бежал рядом с лошадыю. Когда он поглядел на меня, то в глазах его я увидела ужас смешанный с тревогой.

– Леди, вы в порядке? – вымолвил принц, запыхаясь. В глазах постепенно улеглось беспокойство, но до сих пор ртутные омуты метали молнии от гнева.

– Я в порядке, а вы? И ваша лошадка? – Я действительно беспокоилась о Грэйст – вес ее седока был больше, чем мой.

Сказать, что я тревожилась о принце, значит, ничего не сказать.

– Ничего, – ласковым шепотом ответил он, похлопывая кобылу по холке. Грэйст уже практически пришла в себя, но до сих пор пугливо мотала головой. – Что с ним? – Силенс не выпускал поводьев из своей руки, отчего мы с ним соприкасались ногами.

– Он... я... я отпустила поводья, вот он и понес, – честное признание далось мне легко. – Просто в моем герцогстве одни равнины, там нет камней, и Шудо спокойно мчится по ним, а я не опасаясь за его жизнь. Но сейчас я ошиблась, позабывшись, что нахожусь в Дейсте.

– Не опасаетесь за его жизнь? – Я удивленно кивнула. – А как же ваша собственная безопасность?

– Ах, это. Ну, понимаете ли, мой принц...

– Силенс!

– ...я не особо боюсь за себя, – не обратив внимания на его протест, продолжила я свое объяснение.

– Вы слишком самоотверженная леди, – с волнением проборкотал принц, смотря куда-то мимо меня.

– Мы вернемся в замок? – Он кивнул, и я развернула Шудо, с трудом вырвав из руки принца лошадиные поводья. Пришлось, к сожалению, прикоснуться к пальцам, но я, крепко сжав зубы, решила не задумываться об этом. Силенс вздрогнул от моего прикосновения.

Выдохшаяся Грэйст медленно брела возле бока Шудо, хо-

тя мне отчаянно хотелось перейти на быстрый шаг, но сердце мое сжалось от сострадания к умному животному. Принц молчал, что вполне меня устраивало, но мы далеко заехали от замка, так что обратный путь будет долгим.

– Пойдите! – он во второй раз схватил моего жеребца под уздцы. – Сейчас вы мне объясните, что произошло вчера в Сверкающем зале. – Голос его был преисполнен решимости.

– Но я уже сказала, мой принц, – растерявшись с ответом, промямлила я.

– Нет! – властно возразил Силенс. – Вы меня обманываете!

– Что вы, мой принц...

– Не лгите, Эверин! Ночью я ощутил отголосок того, что произошло в зале! И вы прекрасно знаете, что это было!

Его грозный и повелительный тон загнал мою душу в угол, потому что истинный страх возник во мне, когда я слышала эти дрожащие звуки. Наверное, еще ничто во мне так не боялось человека, но принц и вправду внушал первобытный ужас, который растекался по всему телу. Я начала мелко дрожать, проклиная себя за этот недостаток, щеки покраснелись, а пальцы судорожно цеплялись за черную гриву. Я боялась говорить, потому что знала, что голос будет нескрываемо дрожать, а мне не хотелось показывать этому грозному мужчине свою очевидную слабость. Неожиданно принц отпрянул от меня, так как навис надо мной, словно гора, но уз-

ды Шудо отчего-то не выпустил.

– Я вас напугал! – догадка пришла в его голову слишком медленно. – Простите, Эверин, но я должен знать! – последние слова были агрессивно окрашены, отчего я еще больше отстранилась от него.

– Я... ох, ну как вам сказать! – мольба послышалась в моем собственном голосе, но я с удовлетворением отметила, что говорила ровно.

– Как есть!

– А если... если вы меня осудите? – Ведь я совершенно не знала, как в Дейсте относятся к Динео. Я сама-то случайным образом обнаружила, что обладаю малой толикой этих способностей, да и в свитках об этой магии говорилось крайне редко и мало.

– Вы уже названы моей нареченной, ничего не изменится от ваших слов. Ведь вы все равно подвели официальную и холодную черту в отношениях между нами, – сухо ответил он. Лицо принца странно осунулось, и он стал выглядеть на несколько лет старше. – Ваши слова ничего не изменят, – он повторил это утвердительно.

В голове у меня помутилось. Он так прямо сказал о том, что я тщательно старалась скрыть от чужого внимания. И еще я увидела нечто необычное – Силенсу стало больно от моих намерений, чего я категорически не ожидала. Он хотел услышать правду. Что же, раз он узнал про то, что я никогда не стану ему близка, как женщина или друг, пусть

узнает и про остальное.

– Понимаете, мой принц, я обладаю небольшими способностями к магии. – Силенс никак не отреагировал на мои слова. – Они так ничтожно малы, что я вовсе не умею их контролировать, тем более понимать, что они со мной делают. Я сказала вам правду – я действительно не знаю, что произошло вчера. Единственное, что можно добавить, так это то, что я описала бы... ммм... – Я не знала говорить ли ему прямо, но решилась. – Некая вспышка магии Динео.

– Динео? Вы обладаете им? – удивление сквозило в его словах.

– Совсем незначительно, – призналась я. – Я даже не имею понятия, как им пользоваться.

– Но эта магия проявляется лишь у «отвергнутых»! – воскликнул Силенс Скопдей.

Я потупилась. Конечно, мужчина был абсолютно прав, но как объяснить, что это, то единственное, о чем я мечтала?

– Я не знаю, как получилось, что его зачатки появились и у меня, но я такова, какова есть, мой принц.

– О, Эверин, вы просто не понимаете! – голос принца дрожал, как показалось, от бессилия. – Я сделал неправильный выбор! Я должен был жениться не на вас!

Несмотря на то, что я не испытывала чувств к нему, сердце мое защемило, лицо помрачнело, и я отшатнулась, как от удара.

– Я не хотел причинить вам боль! – слишком поздно

вспомнил принц о моем самолюбии.

– Вы ее и не причиняли, принц. И да, вы были правы, я подвела эту черту между нами. – Слова, произнесенные холодным голосом, с каменным выражением лица, возымели эффект.

– Простите... – сдавленно произнес Скопдей.

– Не надо. Я уже вас простила, – и, вырвав поводья, поспешила в замок, не дожидаясь принца.

Я постоянно слышала за спиной тяжелые шаги его лошади, но так ни разу не обернулась. Обида, нанесенная им, жарким огнем горела прямо в сердце. Он задел меня за живое, обличив мои страхи и опасения – я негодна в жены принцу, но это, то единственное, что смягчит горечь родителей. Что я теперь могла назвать своим долгом? Ничего. Ведь принц официально признался в моей негодности.

Дождавшись его у ворот в замок, я не сказала ему ни слова, лишь сделала вид, что все прекрасно, натянув дежурную улыбку на лицо. Принц же не старался скрыть своих чувств, чем несколько меня раздражал. Мрачный, как осенняя туча, он безвольно покачивался в седле свой кобылы, устремив пустой серебристый взгляд в землю. Он так расстроен, потому что обидел меня, или потому что я обладаю Динео? Ответ на этот вопрос, как и он сам, оказался не высказанным. Мне совершенно не хотелось говорить с принцем, тем более задавать вопросы. Уязвленная гордость ядовитой змеей обвилась вокруг оскорбленного сердца.

– Как прогулка? – Я вздрогнула от знакомого голоса. Дикси!

– О, милая! – воскликнула я, соскочив с жеребца, кинулась на шею сестре. Да, я никому не доверяла, но она стала мне наставником, советчиком и критиком. Я точно знала, что всегда могу на нее положиться.

– Эв, ты как всегда! – ворчливо ответила она на мои объятия, но еще несколько секунд сама не разнимала рук.

– Дикс, откуда ты тут?

– А ты и не рада? – спросила она, как будто обиженно.

– Рада, рада, очень рада! – троекратно заверила я ее, схватив ее нежные руки. Старшая сестра тепло улыбалась и постоянно скользила по мне взглядом.

– Ты такая красивая! – Похвала сестры заставила покраснеть. – Я не видела тебя всего три месяца, а ты за это время превратилась в цветущую женщину, Эв!

– Дикс, перестань! – хихикая, дружелюбно оттолкнула я сестру, совсем не замечая, как пристально за нами наблюдает принц.

– О, это ты перестань хорошеть, иначе молодые люди будут валяться у твоих ног! – добрая шутка вызвала во мне приступ злости.

– А смысл? Я теперь невеста принца, а послезавтра у нас помолвка, – сдавленный голос заставил сестру встряхнуться.

– Ты не счастлива?

– О чем речь, Дикс? То мечта наших родителей, не моя! –

Я случайно оглянулась и успела заметить перекошенное лицо принца. Только какие чувства на нем отражались, я понять так и не успела. Он поспешно скрылся в конюшне, куда уже увели моего Шудо.

Дикси серьезно посмотрела на меня, но убедилась, что я не лгу, а говорю искренне и с болью.

– Ты не понравилась принцу? – с ужасом предположила молодая женщина.

– Он сказал, что должен был жениться на другой! – с горечью выплюнула я и быстрой походкой отправилась в замок. Дикси поспешила за мной, но нагнала лишь в комнате. Я отпустила Уэн, та даже слова не успела сказать моей сестре, и опустила в кресло у камина.

Дикси задумчиво оглядывала комнату, чему-то таинственно улыбаясь. Наверняка, вспоминала свои первые дни в замке. То было счастливое время для нее – она быстро нашла общий язык с Ялдоном. На тот момент Дикси исполнилось двадцать лет, ему же двадцать три. Жизненный опыт обоих помог найти общий язык и интересы. Наверное, в связи с возрастом мне так сложно примириться с замужеством. Хотя, к двадцати Дикси считалась старой девой, но замуж выйти не имела права, пока король либо откажется от ее кандидатуры, либо примет ее.

– Так почему же он так сказал? – она не выдержала молчания первой.

– Потому что я обладаю Динео. – Сестра покачала голо-

вой.

– Способности так и не пропали? – Думаю, Дикси единственная из всех знала, что во мне есть отголоски магии.

– Нет, и он заставил о них рассказать. – Почему-то на душе у меня кошки скребли, а голова гудела от переживаний. – Знаешь, Дикс, наверное, мы даже друзьями с ним не сможем стать.

– Это еще почему? – как будто у глупого ребенка спросила она.

– Между нами будет стоять его слова и моя неохота свадьбы, – просто сказала я. Придумывать какие-либо сложные доводы у меня просто не было сил.

– Это плохо, Эв, принц не такой уж плохой человек.

– Ты-то откуда знаешь? – довольно резко спросила я.

– Ну, я узнала его еще десятилетним мальчиком, да и потом два года назад, если ты забыла, провела в его лагере несколько месяцев, помогая больным.

У меня из головы совершенно выпало это воспоминание, неожиданный интерес зажегся в моем сознании, и, стянув сапожки, я удобней устроилась в кресле и кивком указала Дикси на кровать.

– Расскажи мне все, что знаешь о нем, – просто попросила я. Сестра согласилась и села на мягкую перину, подобрав под себя ноги.

– Когда я впервые приехала в Дейст, Ленс юным сорванцом бегал по замку. Жизнерадостный мальчишка, так силь-

но непохожий на своего брата внешне, что иногда возникало ощущение, что они были зачаты от разных отцов. Но младший сын унаследовал от отца подбородок и нос, а старший глаза и улыбку. – Я не стала обращать внимание на то, что сестра слегка перешла с темы своего повествования. – Пораженная его братом, я случайно сблизилась с маленьким Силенсом, который с детской искренностью принял мое общение. Он мог часами вдохновенно рассказывать о подвигах Ялдона. Красивые серые глаза сияли от восторга. Хотя многие считают серый взгляд пустым, но такого за Ленсом я никогда не наблюдала. Такие выразительные глаза говорили о том, что вырастая, мальчик станет привлекательным мужчиной. Тощий и долговязый он выглядел слегка комично, но всегда с достоинством держал себя. Хотя мальчика постоянно воспитывали вторым – он никогда бы не подумал, что станет королем вместо своего брата. Да, видела бы ты его с торчащими в разные стороны короткими волосами, то явно бы смягчилась в отношениях с ним. Ленс искренен с детства, и он не утратил это замечательное качество. – Сестра задумчиво замолчала, потом смочив губы чаем, чашку с которым я вложила в ее руки, продолжила. – Потом погиб Ялдон. Силенс воспринял это очень близко. Он как-то резко повзрослел – пропала с лица мальчишеская беспечность и вечные искорки из глаз. Он намерился стать лучшим воином, чтобы брат с небес гордился им.

Я заметила за собой, что иногда улыбалась во время ее

рассказа.

– Силенс стал тренироваться с мечом и топором одновременно. Потом в свои занятия он включил стрельбу из лука, но, конечно, лучше всего овладел искусством боевого топора. Мальчишка стремительно рос и раздавался в плечах. Мускулы с каждым днем крепили, уверенность преумножалась, а умения шлифовались. Настал день, когда принцу исполнилось шестнадцать, и он пошел в королевскую армию, которая до сих пор участвовала в пограничных схватках. Ты знаешь, что и теперь ситуация не совсем стабильная. Так вот Силенс был преисполнен решимости отомстить за смерть брата, но в скором времени стал искусным бойцом и любимцем своего отряда. Не пользуясь титулом, принц к семнадцати годам стал неким главнокомандующим, исполняя обязанности отца. Но это я знаю уже со слов других. Два года назад я пошла целительницей в его отряд, ты сама знаешь, и столкнулась с принцем, который, несмотря на обстоятельства, с теплотой меня принял. – Взгляд Дикси потеплел, и она туманно улыбнулась. – В черноволосом мужчине я едва узнала тощего мальчишку со двора Дейста, во взгляде появилась мудрость и сдержанность, он совсем забыл, что такое веселье и отдых. Когда происходили сражения, принц стоял в первых рядах и с яростью рубил своих врагов на куски, с каждым взмахом завоевывая уважение солдат армии. После боя Ленс вместе со мной помогал раненым, переносил их в палатки и всячески заботился, не гнушаясь титула прин-

ца. Ежели он сам умудрялся получить рану, то дожидался, пока я окажу помощь остальным, лишь после этого позволяя ухаживать за собой. Не один шрам остался на его теле после моего врачевания, но Силенс стоически терпел боль, и мог на следующее утро кинуться в атаку, совсем не жалея себя. – Незримое восхищение поднималось из моей груди при ее тихих словах. – Силенс одержал победу, и мы отправились в Дейст. Здесь я увидела его тоже совершенно другим, нежели в военной палатке с перевязками на теле. Принц держал себя достойно, исполняя обязанности стремительно стареющего отца, проявил себя отличным дипломатом, заключая соглашения с нашими соседями. Но в глазах принца я никогда не видела и следа прежней веселости, счастья или чего-нибудь простого и приятного, будто смерть Ялдона выжгла в нем всяческие чувства. Он может показаться холодным, но это не так – в груди его пылает яростный огонь. Принц, если я хорошо помню наши дружеские разговоры у костра, никогда не влюблялся, да, наверное, и не хотел. Все, в чем он нуждался, это быть постоянно чем-то занятым, что с легкостью ему удавалось – король всегда был рад переложить свои обязанности на него, ведь дряхлеющий ум показывал уже не то, что хотелось. Я видела Ленса мальчишкой и взрослым мужчиной, и могу с уверенностью сказать тебе, сестра, что он достоин любви, твоей так тем более. Как бы пламенно ты не хотела получить свободу, теперь твоя обязанность в другом. Так зачем лишать себя чего-то? Я люби-

ла Ялдона, но у него просто не хватило времени влюбиться в меня, так вышло, ты понимаешь. Но что мешает вам с принцем стать ближе?

– Динео, – только и всего сказала я.

Сестра раздраженно закатила глаза.

– Это не оправдание, Эверин, и ты сама прекрасно это знаешь, – ответила сестра достаточно прямо.

Глядя в огонь, медленно растворяясь в нем, я тщательно обдумывала, услышанное от Дикси, и все чаще менялась в своих выводах и ощущениях. Я чем-то обидела принца, это понимание пришло почти мгновенно, после того, как Дикси упомянула о его мрачности – со мной Силенс смеялся и явно наслаждался этим. Но долгом ли только продиктован его выбор? Хотел ли он действительно сблизиться со мной, заметив во мне нечто родственное собственной душе? Ведь я, как и он, испытывала чувство одиночества вкупе с долгом, и они безраздельно шествовали по моей жизни с самого раннего детства. Я бы не смогла представить себе жизнь, в которой не было бы Дикси, так же как и он безутешно тосковал по Ялдону. Отчего я не захотела понимать его? От собственной упрямости ли, от невежества или эгоизма? Теперь все это тревожило меня, выводя из состояния привычного умиротворения и знания своих поступков.

– Я не знаю, Дикс, как он теперь будет ко мне относиться, – прошептала я спустя долгое время. Сестра все так же задумчиво вертела в руках пустую чашку.

– А не надо думать, Эв, просто действуй! Зачем размышлять о том, чего пока еще не произошло? Все равно, что планировать поминутно свою жизнь в пятьдесят лет, или быть точно уверенной в том, что завтра пойдет дождь, а в десятом часу прокричит кукушка. Все события в твоих руках, и ты можешь ими управлять, стоит только появиться желанию. Быть счастливой не так уж сложно – просто дари свое счастье остальным. – Сестра сделала паузу, чтобы я смогла осмыслить ее речь. – А принц этого достоин, поверь мне, поверь.

Я рассеяно кивнула, все еще пребывая в смутном киселе размышлений. Не услышав, как Дикси попрощалась, я медленно перебралась в постель, и лишь закуталась в одеяло, не пожелав раздеваться. Теплая шерсть как-то по-особенному успокоила разгоряченные нервы, и я провалилась в полубредовый сон.

Я вылизывала серебристую шерсть, но ее резкое вторжение заставило вскинуть голову, и я настороженно взгляделась в темноту, нет, запаха я не чувствовала, человеческого точно. Он тяжело дышал рядом, с лентой увлажняя языком медленно заживающую рану от острых людских капканов. В лесу послышался шорох, и мышцы мои мгновенно напряглись, но это оказалась глупая мышь, бесцельно рывшаяся в своей норке посреди ночи. Лунный свет серебрил меня, чем сильно злил, ведь я могла стать заметной даже под деревьями,

а вокруг рыскали охотники с собаками. К счастью, на ночь они отправились спать, ленивые безмозглые животные.

В подушечках неприятно загудело, будто лапы захотели сорваться в быстрый путь, но я мысленно приказала себя лежать и отдыхать. Они сказали, что в дороге обратно можно не торопиться – вожак не даст ей пострадать, она обойдется без охраны, но я все равно испытывала бессмысленную тревогу, опасаясь за ее тщедушное и бесполезное человеческое тело. Он тихо и низко зарычал, ощутив ее присутствие, явно не понимая, что скоро она начнет вторгаться и в него, но пока для волка это оставалось нежелательной загадкой.

Спи спокойной, глупый человек, и не лезь ко мне...

Я открыла глаза и судорожно втянула воздух с громким хрипом. В очаге дрова превратились в медленно тлеющие красные уголки, а за окном царствовала темная ночь. Шевелиться вовсе не хотелось, чего делать я и не стала, осторожно замерев в запутанных складках одеяла и простыней, которые сохраняли мое телесное тепло. Голова сконфуженно работала, осознавая полученные мысли от волка. Он утверждал, что это я вторгаюсь в его мысли, что было для меня категорически не понятным – я, напротив, ничего не понимала в этих странных снах и мыслях. Выходит, это и есть Динео или это что-то нечто более сложное и опасное? Лежа на спине, я бездумно уставилась на погруженный в тень потолок, совсем растеряв остатки хрупкого сна, который дался

мне с помощью магии. Опасение, что принц вновь ощутит нечто необычное, твердо поселилось в моей душе, но исправить, к сожалению, я ничего не могла, ох, если бы это было в моей власти или, хотя бы, силах.

Проспав остаток дня и половину ночи, я вовсе не мечтала об отдыхе, поэтому бесцельно блуждала взглядом по потолку до рассвета. Тогда Уэн, постучавшись, вошла и сообщила, что мне пора на примерку платья для помолвки, которая, к моему ужасу, должна состояться завтра. Как же стремительно мчится время! Казалось, не имей оно названий, то уплывало бы из рук гораздо медленнее, чем дела обстояли сейчас. С отвращением сняв вчерашнюю одежду, я бездумно натянула протянутое служанкой платье, и, продолжая нести свой необычный молчаливый обет, как-то до странности привычно пошла за служанкой по замку. И как только Уэн удалось запомнить путь, по которому нам нужно было двигаться? Но девушка уверенно шла по каменному полу, изредка оборачиваясь в мою сторону и убеждаясь, что я, пусть с неохотой, но следую за ней нетвердой походкой.

Комната швеи встретила меня запахами тканей, красок и легким отдаленным напоминанием о завтраке, который я намеренно пропустила – несмотря на рассказ сестры, я отчего-то не хотела встречаться с принцем. Пока что. Портниха что-то запричитала на птичьем языке звеняще-писклявым голоском, чем почти сразу же заполучила мое неодобрение, но я с готовностью позволила себя раздеть.

– Как вам спалось, герцогиня Фунтай? – беспрестанно тыкая меня иголкой, певуче спросила она. Большие лошадиные глаза смотрели на свою работу с детской наивностью и отчуждением.

– Прекрасно, – почти не соврала я. Мне было откровенно плевать, что об этом подумает портниха.

– Мисс Мэйк, вам нужна помощь? – Уэн спросила это, заметив, как я поминутно морщусь от тыкающейся иголки портнихи, которая в силу своего возраста вечно промахивалась мимо ткани.

– Ой, что ты, деточка, я отлично справлюсь сама! – заверила ее пожилая портниха. Седые волосы необычно искрились в лучах вставшего солнца, а лицо разглаживалось от задумчивости и чувства восхищения от достойной работы. – Завтра ваше платье будет готово, я вас уверяю.

– Уэн зайдет за ним.

– А как же последняя примерка? – ошалело моргая, она непонятливо поглядела на меня.

– Ничего, я думаю, ваше мастерство сможет завершить работу и без моего личного присутствия, – сделав сдержанный комплимент, я немного успокоилась.

– Ну, если вы так настаиваете, миледи, – покорно согласилась седая женщина.

Я слишком спешно покинула комнату портнихи, не успев толком поблагодарить ее за проделанную работу над платьем. Причем первая примерка проходила без моего малей-

шего участия – мисс Мэйк на глаз определила мой размер.

Сославшись на головную боль, я решила прогуляться до пирса, который с первого дня приезда манил меня своим терпким соленым запахом. Отказавшись от какого-либо сопровождения, облачившись в одежду охотницы и прицепив на пояс свой легкий меч, я уверенным средним шагом направилась в сторону города. Знакомые улицы проплывали перед глазами, когда я, вынырнув из собственных мыслей, оглядывалась по сторонам. Вот та гостиница, возле которой я грубо ответила принцу, вот та трава, которую щипал Шудо. Но мой путь пролегал через все эти улицы.

Пирс оказался местом совершенно необычным для меня, привыкшей к равнинам и мелким рекам. Спускаясь от скалы, он тянулся к глубоким заводям, где к нему причаливали корабли. Деревянный настил под ногами глухо поскрипывал, успокаивая своими мерными звуками. Шелест волн заполнил сознание, выгоняя всяческие размышления и даже боль. Терпкий запах соли наполнил ноздри, сперва вызвав лишь желание чихать, а потом я привыкла к его глубокому запаху, и скоро вовсе не обращала на него внимания. Чайки у самой пристани ныряли в воду, заставляя меня улыбаться и подолгу глядеть на обтекаемые белые тела и вслушиваться в пронзительные крики. Медленный шаг привел меня к докам, в которых стояли корабли Королевства. Многие судна выглядели будто только что сошедшие со стапелей, блестя округлыми боками в лучах солнца. Резко пахло свежей крас-

кой, а отструганное дерево даже не успело потемнеть от соленой воды моря. С кораблей доносились отрывистые крики членов команды, иногда злобные ругательства и безудержный хохот. Несмотря на активную жизнь на бортах, по причалу никто не ходил – товар был сгружен еще ранним утром, теперь судна готовились к отплытию в обратный путь. Любуясь красиво изукрашенным носом «Быстроного оленя», я ловила каждый звук вокруг себя, впитывая насыщенную жизнь морского причала. Покинув доки, я спрыгнула на песок береговой линии и бесцельно зашагала по земле, поглядывая в сторону накатывающихся волн.

Пока грудь моя наполнялась соленым влажным воздухом, голова прочищалась от ненужных мыслей. Я стойко решила найти общий язык с Силенсом. Рассказ Дикси действительно убедил меня в том, что он не такой уж плохой человек и явно не виноват в том, что в его Королевстве существуют определенные традиции, контролировать которые принц пока что не в силах, да и вряд ли ему когда-нибудь удастся уничтожить многовековые устои. Но сейчас не хотелось об этом рассуждать, я просто пыталась придумать способ, какой приведет меня к извинениям. Ох, принести их все-таки придется, даже не беря в расчет мое самолюбие. Единственное решение показалось мне наиболее верным и достойным – я поговорю с ним после завтрашней помолвки, которая официально свяжет нас до свадьбы. Чувство вины неприятно повисло надо мной, как я ни старалась его прогнать.

Резко во мне эхом отозвались волчьи чувства. Неприятный запах соли ударил в ноздри, от него слезились глаза, песок царапал подушечки раненой лапы, но волк должен был уверенно плестись за ним. Невиданной силы раздражение взорвалось в нем, когда он ощутил мое присутствие. Стремительно развернувшись, в некотором отдалении от себя я заметила две серебристо-черных фигуры, кои крадучись пробирались по песку между чахлах и редких кустов. Волк вскинул голову, поймав мой взгляд. Желтые глаза заставили задрожать, и я слишком поспешно взобралась по песку оврага, подальше от песчаного пляжа. Быстрым шагом я стремительно удалялась от того места, где заметила волков. Они одновременно пугали меня и восхищали своим упорством, с которым следовали за мной.

Длинные ноги быстро принесли меня в замок, за воротами я испытала настоящее облегчение – здесь хищники физически не смогут добраться до меня, чего о сознании сказать было сложно. Вдруг с ясностью пришло понимание, что на Дейст опускался вечер, и, решив не менять свой наряд, я прошла прямо в Зал Обедов.

Зайдя в комнату, я ясно ощутила свой сосущий голод и накинулась на еду с огромным энтузиазмом, не замечая на себе внимательный и восхищенный взгляд принца. После того, как я насытилась, наконец, дискомфорт сообщил о наблюдающем человеке. Подняв голову, я увидела Силенса. Мужчина сидел на стуле, откинувшись на спинку и сло-

жив руки крест-накрест на груди. Он не был ни весел, ни грустен, просто сурово сосредоточен и внимателен к каждому моему движению. Ленс с интересом наблюдал за моими действиями и реакцией, но, напомнив себе о желании восстановить отношения, я не отвела взгляд, приветствовав его слабой и быстрой улыбкой. Приятное недоумение появилось на его лице, это сильно меня порадовало.

Встав, я потянулась, все еще сопровождаемая его заинтересованностью. Людей в Зале было немного, поэтому еще раз взглянув на него будто украдкой, я направилась в свою комнату. Перед помолвкой нужно крепко выспаться, а начало примирительным отношениям положено мимолетной смущенной улыбкой.

Раннее утро встретило меня стоящей возле зеркала в новом платье, принесенном от портнихи Мэйк, которое мягкими складками спускалось к полу. Темно-синяя ткань приятно радовала глаз, а открытая шея и спина подчеркивали женственность и изящность линий моего стройного тела. Бархатные перчатки до локтей удачно завершали весь незамысловатый, но элегантный туалет. Я так и не дала себя уговорить на высокую прическу, привычно распустив волосы по плечам. Я стояла, вглядываясь в собственные глаза, и не верила наступившему дню, он предвещал мне множество новых впечатлений.

В пальцах зажат серебряный кулон, присланный принцем

вчера поздним вечером. Выполненный в изящном стиле, он изображал голову волка с единственным вставленным желтым камнем вместо глаза. Тонкого плетения цепочка была прoderнута в небольшую петельку между ушей головы хищника. Украшение выше всяких похвал! Но почему именно волк? Тревога в груди с ночи не давала мне не только покоя, но и сосредоточенности.

Уэн обеспокоенно мерила мою комнату шагами. Она, взволнованная не меньше, чем я, вся покраснелась и что-то невнятно шептала себе под нос.

– Что такое, Уэн? – спросила я, не выдержав.

– Ничего, миледи. Я... – она замялась.

– Уэн? – произнесла я еще раз, когда служанка молчала слишком долго.

– Миледи, паж, принесший вчера подарок от принца, передал мне от своего хозяина несколько слов. – Побледнела Уэн пятнами.

– Почему ты не сказала раньше? – я не хотела, чтобы вопрос прозвучал грозно.

– Я... миледи, простите! Я забыла! – неприкрытая мольба сочилась меж ее словами. – Увидев этого волка, я совершенно позабыла о словах, но сейчас вспомнила.

– Уэн, – я едва не засмеялась. Молодая служанка иногда поражала своей невинностью и желанием делать для меня все безупречно. – Так говори сейчас.

– Хорошо. – Она глубоко вздохнула. – Паж сказал: «Свер-

кающий секрет не станет преградой на пути к вашему сердцу».

Уэн замолчала. Служанка явно не поняла послания, которое содержалось в этом простом предложении. Силенс дал мне понять, что он осознал свою ошибку, обвинив меня в негодности. И теперь даже мой Динео не повлияет на развитие наших отношений. Я неожиданно испытала облегчение, ведь теперь я видела Силенса совсем в ином свете.

– Ох, милая, спасибо...

– Но я не понимаю, миледи!

– Тебе и не нужно, – таинственный ответ еще больше заинтересовал ее, но зашедшая вихрем Дикси не дала ей возможности обрушить на меня шквал вопросов. Этим занялась сестра.

Дикси на миг застыла, придирчиво рассматривая мое платье, но после довольно кивнула и посмотрела мне в лицо.

– Тебе невероятно идет это платье! – честных слов вполне достаточно.

– Спасибо, Дикс.

– Волнуешься? Или не желаешь?

– Скорее, первое, чем второе, – пожав плечами, я не задумалась над ответом. Дикси просияла.

– Дорогая Эв! – воскликнула она. – А что это? – Вопросительный взгляд предназначался кулону.

Холодное серебро скользнуло меж пальцев, и я подала голову волка Дикси.

– Прелестное украшение!

– Да, мне тоже очень нравится...

– Но?

– Но вызывает настороженность, потому что вот уже несколько ночей во сне я вижу волков. Желтоглазых. А по дороге в Дейст видела парочку, когда сильно оторвалась от кортежа. – Глаза Дикси округлились.

– Странно, но от кого он?

– От принца.

– Вы начали общаться? – мягко предположила она. Как хотелось сказать, что это правда, но пока положено было лишь начало.

– Он сказал, что мой Динео не станет между нами, вот и все. Пока, я думаю.

– Вот видишь, Эв, а ты сомневалась! – Руки мои тряслись, и я торопливо спрятала их за спиной.

Дикси подошла ко мне сзади, убрала волосы с шеи и застегнула крошечный замочек. Я даже не успела возразить.

– Ему будет приятно, – надавила Дикси, и я сдалась.

Поглядев в зеркало, я отчетливо заметила сверкающую голову волка между косточками ключицы. Она сияла в лучах солнца, а желтый глаз наливался золотым блеском.

– Прекрасное украшение, прекрасное! – в очередной раз повторила Дикси.

– Не преувеличивай, сестрица, – я хотела усмехнуться, но вышло что-то из рук вон фальшивое, а как неправильно

звучал мой голос.

Зеленые отцовские глаза Дикси добродушно меня оглядывали. Я считала сестру очень красивой – красота была не только очевидная внешняя, но и скрытая внутренняя. Поэтому иногда возникало впечатление, будто лицо Дикс сияет изнутри, по крайней мере я замечала это презамечательное свойство. Сейчас сестра надела неброское платье цвета ранней листвы, выгодно оттеняющее ее глаза и белоснежную улыбку.

– Не волнуйся так, Секевра Эверин, все будет хорошо. – Пфф, такая официально привычная фраза не придавала ни капли уверенности в себе, но деться было некуда – сестра решительно взяла меня за руку и потащила вон из комнаты, вниз по ступенькам к задним дверям замка.

Двери выходили в сад, где едва-едва на ветках проглядывала первая зелень, а земля покрылась жесткой, короткой травой. Солнце в этот день заметно пригревало все вокруг, становясь пышущим жаром на лице и ладонях. В саду стоял дух ранних весенних цветов, чахло колыхающихся на легком ветерке в тени фруктовых деревьев. Извилистая дорожка, обложенная по краям камнями, углублялась куда-то в заросли вишневых деревьев, которые, несмотря на раннюю весну, уже распространяли знакомый терпкий запах коры. Но Дикс уверенно тащила меня за собой, не обращая внимания на красивые статуи, расставленные в особом порядке. Глаза мои успели мельком заметить скамейки, бле-

стящие свежим деревом, разносившие по саду запах струганной древесины. Чем ближе мы приближались к тому месту, куда так целенаправленно шла моя сестра, тем сад становился более очеловеченным – на голых ветках развесили гирлянды из цветов, растущих в зимнем саду замка, трепетали разноцветные шелковые ленты, привязанные к сучкам, слышались голоса и далекие напевы менестрелей, собравшихся засвидетельствовать нашу с принцем помолвку. Наконец, когда я увидела наскоро сделанный помост, возвышающийся над головами все прибавляющихся людей, до моего сознания дошло, что здесь состоится церемония.

Лорды и графы смеялись над невинными шутками леди, пока слуги разносили прошлогодние фрукты на подносах, слегка сморщившиеся яблоки и подсохшие вишни. Трели птиц не возвращали мне привычной собранности, а запах столь близкой природы отнюдь не влиял на улучшение настроения. Где-то неподалеку в кустах притаился волк, выжидательно смотрящий на копошащихся людей, морща нос от неприятных запахов алкоголя. Королевской четы я нигде не нашла, так что предпочла одиночество бессмысленным чванствам гостей. При этом я заметила, что приглашены были только значительные герцоги и графы – более мелкая аристократия не получила такого проявления монаршего уважения. Я намеренно не подошла к своим родителям, даже не посмотрев, наблюдали ли они меня, просто взволнованно мерила шагами землю перед помостом. Он, сколочен-

ный из свежих сосновых досок, устланный коврами, принесенными из замка, представлял для меня источник волнений и переживаний. Слегка косые ступеньки вели наверх, но они поднимались от центра помоста и были широки, из чего я сделала вывод, что по ним поднимется принц, и я вместе с ним.

Когда беспокойное ожидание достигло апогея, а гости вкусили достаточно вина и бурбона, на дорожке появился король, гордо шедший возле своей прихрамывающей жены. Лайс выглядела не лучшим образом, быть может, болезнь настигла ее в обманчиво теплое время весны? Но я не успела обдумать это, заметив идущего с прямой спиной принца. Как я и предполагала, Мэйк сотворила для него костюм в тон моему платью. Длинные полы темно-синего камзола спускались ниже пояса к черным штанам из какой-то мягкой ткани, приятно обхватывающей его сильные ноги. Сапоги, начищенные до ослепительно блеска, поднимались до колена резким росчерком, а на широком поясе я так и не отыскала ножон – принц явился на помолвку без оружия. Под камзолом серебрился воротник гладкой рубахи, отогнутый к бронзовой шее мужчины. Пуговицы мерцали, похожие на драгоценные камни, при каждом его свободном и непринужденном движении. Синий сапфир пылал в центре серебряного обруча. Дрожь пробежала по моему телу, когда взгляд Силенса коснулся меня, выдававший неподдельное восхищение моей скромной красотой. Потом принц посмотрел на резную го-

лову волка, и довольная улыбка коснулась его бледно-розовых губ.

В торжественной тишине король и его королева взошли на помост, и старый мужчина повернулся лицом к своему народу, гордо выпрямившись и улыбаясь. Силенс остановился у ступенек, взглядом приглашая меня. Я не стала ждать слов Энтраста и поспешила на зов принца. Жар его тела будто касался моей кожи даже сквозь слои одежды, меня это смутило, но я прямо держалась, ожидая речи моего короля.

– Герцоги Королевства Дейстроу! – разговоры мгновенно смолкли, и некоторые закивали в ответ королю. – Сегодня мы собрались здесь на помолвку моего единственно сына Силенса, – в голосе Энтраста дрожала горечь о смерти Ялдона. – Древний обычай обязывает нас совершать этот союз на просыпающейся земле, среди деревьев и птиц! – Он махнул рукой в сторону близкого, натужно шумевшего леса. – То есть мудрая традиция – закладывать плодородие в основу брака юного принца и его принцессы. – Слова короля зажгли во мне фантастический огонь. Я замерла. – Я помню день, когда сам почти так же смотрел на своего отца снизу вверх, Силенс! – громовые звуки из груди короля разливались по всему саду. Наверное, даже слуги в замке застыли, прислушиваясь. – Так же моя леди стояла по правую руку от меня, но другие мысли были в моей голове. Я не задумывался о прошедшей войне, через которую прошел ты, не знал, что такое обязанности короля до смерти отца. К со-

жалению, твой дед ограничивал меня во власти. – При упоминании о своей молодости Энтраст ни капли не изменился в лице. – Ты еще не стал королем, но уже познал тяготы этого бремени. Я не боюсь давать тебе жену, сын.

– Будь твоя воля, отец, – нецеремониально ответил Силенс. В словах сквозило уважение и благодарность.

– Моя, – отозвался король, – моя, – глуше повторил он. Помолчав с минуту, он вновь поднял голову и продолжил. – В жены я даю тебе дочь из дома Фунтай. Девушку с огнем в глазах и кротостью в помыслах. Обладать таким даром будет сложно, сын мой, но твой разум позволит тебе укротить зверя, водящегося в ее мятежной душе. – Характеристика короля меня взволновала и затронула до самого «Я», потому что он чуть ли не угадал моих тщательно охраняемых мыслей.

Я кожей ощущала на себе десятки глаз, словно вихрем проносились чужие мысли в моей голове, ведь я невольно открылась сама, позволяя черпать из себя плещущую энергию. Принц ровно дышал подле меня, но беспокойство волнами исходило от него и передавалось мне. Волк в кустах встал и наострил уши, ловя любой звук. Все люди странно застыли и ждали слов какого-то пахнущего старостью человека.

– В час Долгого Сияния Солнца в саду Плачущей принцессы я призываю богов Света и Тени стать свидетелями помолвки двух юных сердец! – древние слова с легкостью слетели с губ короля. – Лайт и Дарк, да прибудет ваша сила!

– Сила! – эхом отозвались герцоги Королевства Дейстроу.

«Сила», – одними губами повторил Силенс, с сияющими глазами смотря на отца, являвшего собой давно позабытую мощь.

– Веди свою нечерию, сын! – отступил король от официальной речи.

Силенс с готовностью сжал мои пальцы своей рукой, которая оказалась покрытой мозолями, и патетично повел меня вверх по ступенькам. Поднимаясь, я разлилась мыслями по всей округе. Ощутила вкус моря, прохладу ветра, шум деревьев, крики птиц, ржание лошадей и бьющую ключом жизнь. Все питало меня, все с готовностью отзывалось на мою робкую и несмелую просьбу. Серебряная шерсть засверкала на солнце, волк подобрался, готовый к прыжку. Второй оскалился в приступе злобы, но люди вокруг вряд ли замечали незначительные для них звуки. Прохлада коснулась моих полыхавших жаром щек, когда ноги несмело ступили на помост. Разглаженное в тихой радости лицо короля показалось мне совсем молодым, даже седина словно отливала пеплом. В глазах мужчины светилась мудрость и гордость, когда он смотрел на сына. Силенс почти не дышал, разделяя со мной сладкое волнение и предвкушение чего-то особенного и необычного. Незримо для себя, я разобщила с ним свое сознание, доверчиво открывшись чувствам принца, пробуя на вкус его тревогу, робость и странное, хрупкое счастье где-то в самых глубинах разума. Горячая рука Си-

ленса стала проводником к нашему единению на помолвке.

– Принц Силенс Скопдей Могучий! – даже ветер, казалось, перестал шалить вокруг нас.– Ты подтверждаешь свои намеренья взять в жены юную Секевру Эверин Фунтай в жены?

– Да, отец.

– Дабы боги засвидетельствовали помолвку между вами, соедините сознания, – приказал король, хотя надобности в этом уже не было – я влилась в принца, как свежая вода, а он этого даже не заметил.

На миг я стала принцем, он стал мной. Горячая тяжесть тела, нудящая боль от шрамов, тревоги, стесняющие грудь, встретили меня в нем. Потом наваждение исчезло, и я вновь стала легкой девушкой на помосте. Король подошел к нам, поднял мою левую руку и правую принца, показывая их солнцу. Потом обвязал мягкой черной тканью, отдавая дань богу Тени. Силенс опустился на колени, и я торопливо последовала его примеру. Энтраст едва коснулся моего лба двумя сложенными – указательным и средним – пальцами, обмоченными в вине из последних ягод прошлого урожая. Прохладная жидкость потекла по лицу, оставляя осязаемый след. На губах появилась сладковатая горечь, а в сердце надежда на то, что все не так уж ужасно, как мне представлялось. Прикосновение руки принца не вызывало дискомфорта, и я по приказу короля переплела пальцы с пальцами принца под черной тканью.

– Теперь вы официально, со свидетельством богов, считаетесь невестой и женихом! – начал заключительную часть речи Энтраст Справедливый, с высоты своего роста смотря на нас, стоящих на коленях. – Да прибудет с вами воля богов!

Наконец, сад наполнился криками торжествующих герцогов, заглушающих друг друга и птичьи трели. Король улыбался, а Лайс с любовью глядела на своего сына, чувство одиночества полыхнуло во мне ярким огнем.

– Теперь твой принц покажет тебе, нечерия, твое будущее Королевство Дейстроу, – обратился ко мне Энтраст, назвав древним именем предназначенной невесты принца.

– Да, мой король! – краем глаза я отметила, что двое конюших ведут в поводу белоснежную мускулистую лошадь.

– Да, мой король! – отозвался принц на невысказанный приказ отца и помог мне подняться с колен.

Мы спускались с помоста, так и не развязав ткань, соединяющую наши руки. Пальцы до сих пор лежали под ней переплетенными, но принц лишь крепче сжимал хватку. Конюшие в безмолвии отдали поводья белой лошади принцу, и он первым вскочил в седло, держа руку ниже крупа, так, чтобы ткань продолжала связывать нас. Предупрежденная Дикси, я надела под платье синие леггинсы, так что, неумело задрав юбки одной рукой, поставила ногу в стремя и с легкостью перенесла свой вес на спину лошади. Она даже не шелохнулась от двух седоков, послушно стоя без приказа. Силенс увлек мою руку, понукая прижаться всем телом к его

спине, и положил перевязанную левую длань к себе на живот, так чтобы и мне было удобно. Взяв поводья другой, он коленями приказал лошади двигаться, и мы стремительно выехали из сада.

Когда Дейст остался позади, Силенс придержал лошадь, и она перешла на ровный шаг. Дыхание ее даже не участилось, хотя она несла удвоенный вес. Я слегка удивилась.

– Она для этого и была выращена, – будто читая мои мысли, ответил принц. – С юности ее учили выносить двух седоков. Крупинка росла для этой церемонии.

– Крупинка, – тихо отозвалась я, невольно уткнувшись в его спину. Жар мужского тела приятно согревал, но мне вовсе не хотелось такой очевидной близости к Силенсу.

Лошадь, понукаемая принцем, принесла нас на вершину скалы. Путь выдался нелегким на подъеме, но все прошло без происшествий. Мы несколько раз останавливались, чтобы напоить Крупинку, но пока не проронили и звука. Теперь же, сидя на лошади на вершине скалы, я инстинктивно прижалась к Силенсу, испугавшись открывшемуся виду. Буйное море бесновалось далеко внизу.

Южнее от скалы плескалось бескрайнее море, темная вода бушевала от ветра, пенилась и поднималась, лизала скалы и мелкие острова. Оно срывалось в бесконечность, поглощая лучи медленно опускающегося солнца. Севернее расстилались холмистые земли герцогства Хилленгрин, переходящие в горные пики земель Маунта. Снежные шапки окра-

сились в красный цвет, но величественно обозревали свои владения. Я заметила знакомые земли герцогства Фунтай и Дейст, замок последнего виднелся возле хорошо отсюда обозреваемой пристани. Обернувшись, я могла увидеть равнинные земли Йелоусанда, усеянные озерами и пустынями, за которыми, по известным мне данным, на границе с Красной страной лежало герцогство Вондэр. Рядом с ним, тоже в пограничных отношениях с другим, воинственно настроенным государством Ейс, находились просторы влажного Рийвэра.

– Как прекрасно! – сдавленно от восторга сказала я принцу. Я не видела его лица, но почувствовала искреннюю улыбку.

– Да, моя принцесса, и все это будет вашим. – Тихие слова принца отрезвили.

Боги стали свидетелями нашей помолвки, я принадлежала принцу по древним обычаям. Да, это была еще не свадьба, при которой мне присвоят третье имя, каким у Силенса являлось «Могучий», но теперь ни что бы ни помешало ему воспользоваться данной королем и богами властью надо мной. Предательская дрожь выдала мои чувства, глаза разочарованно наблюдали за опускающимся солнцем, зажегшим закатное небо.

– Вы замерзли? – принц удивился.

– Нет, нет, – слишком торопливо ответила я. Принц напрягся, я ощутила его каменные мышцы непослушным те-

ЛОМ.

– Тогда чего вы испугались?

– Что лошадь не найдет дороги в темноте! – неуклюжая ложь выдала мое смятение.

– Эверин, что вы? – выдохнул Силенс. Казалось, я его оскорбила, но вот чем, не понимала. – Вы опять пользуетесь этой магией! – ну вот загадка перестала быть непонятной.

Только после этих слов я поняла, что волк присутствует во мне и наблюдает за всем человеческими глазами. Узнав, что Силенсу известно о его вторжении, он поспешно удалился, причинив мне некоторую боль и усилив одиночество. Я поняла, когда позвала его в себя.

– Я, нет, я...

– Я чувствовал! – возразил он. – А теперь это ушло...

Он неудобно повернулся в седле, но заглянул мне в лицо, пальцы все еще были сплетены, так что я физически ощутила его недоумение.

– Я сказал вам, что ваша магия не встанет между нами, но вы не оставляете! – обиду он не скрывал.

У меня задрожал подбородок, предупреждающий о походящих слезах, но я лишь крепко сжала зубы и через некоторое время ответила:

– Я ее и не признавала, мой принц. Она владеет мной, а не наоборот. Я даже не чувствую того, что доступно вам. Я не знаю, когда она есть, а когда нет! – голос в конце сорвался. – Да поймите же наконец! – я перешла на крик. – Что

в моих мыслях не было вас предавать или причинять вам боль, просто вышло так, что я вас не люблю. Да и когда? – в отчаянии спросила я, лицо принца вытянулось от недоумения. – Я знаю вас три дня, четвертые сутки лишь на исходе от нашего знакомства! И что вы хотите? Мою любовь и покорную преданность? – Не сдержавшись, я разрыдалась. О, как давно я не плакала.

Смятение, тревога, страх и смущение волнами исходили от принца, он нервно сглотнул. Не в силах сдерживать свои эмоции, я беззвучно плакала, не зная куда деть свое покрасневшее влажное лицо. Не найдя более удачного выхода, я уткнулась лбом в спинку камзола принца, который вздрогнул от неожиданности. Слезы лились ручьем, пропитывая соленой влагой ткань хорошего качества, но Силенс и ухом не повел, сидя неподвижно в седле Крупинки, которая начала нервничать от долгой неподвижности. Солнце практически закатилось, едва заметно освещая расстелившееся море, но через некоторое время и вовсе потухло, предоставляя нам скудный свет только-только загорающихся звезд.

Силенс повел лошадь вниз по склону, а я все беззвучно плакала в его камзол, ставший мокрым хуже, чем от проливного дождя. Кожа принца покрылась мурашками от прохладной ткани, но он стойчески переносил все неудобства, даже не пытаясь мешать мне плакать. Я была благодарна принцу за то, что он не произносил лишних слов, крепче и крепче сжимая мои пальцы под черной тканью, тем самым поддер-

живая меня. Как я ни старалась, но моя усталость и обиды все не иссякали. Слезы должны были давно кончиться, а я все плакала, вдыхая приятный аромат принца. Дрожь беспощадно била тело, я продрогла в ночном холоде, но сама стала виновницей своего положения. Не надо было давать волю чувствам. Принц хотел бы снять свой камзол, но не имел права развязать черную ткань, так что просто вынудил меня крепче прижаться к своей спине.

Слезы высохли, но глаза болезненно щипало, лицо опухло, а голова закружилась от резко нахлынувшей боли. Принц милосердно не стал въезжать в главные ворота, где все нас ждали, а тихо повел лошадь вдоль каменной стены, ища там достаточный проход. Спрыгнув на землю, он без спроса подхватил меня на руки и поставил на ноги. Наши руки лишь крепче вцепились друг в друга. Силенс молча протиснул меня в узкую щель, следом поспевая за мной. Принц беззвучно ступал по оживающей земле, чего я сделать, как ни пыталась, так и не смогла. Он умело обходил людные места, и совсем скоро мы вошли замок через незнакомую мне дверь. Силенс вел меня по коридорам, вталкивая в темные ниши, если слышал шаги, угрюмо смотрел вперед, но ничего не говорил.

Принц увлек меня в какую-то темную, совершенно неосвещенную комнату. Ставни, надежно запертые, вовсе не пропускали лунный свет, но запах здесь стоял жилой, все еще витало тепло от камина, но стояла пугающая тишина. Ленс, а за ним и я по пятам, подошел к окну, распахнул его,

запуская в комнату прохладный воздух вечерней ночи. Потом все так же уверенно прошел к очагу, одной рукой наложил дров и разжег огонь. Древесина весело затрещала, а Силенс с лучиной кружил по комнате, зажигая свечи. Я, неуклюже спотыкаясь, след в след шла за ним. Левая рука заняла от неудобного положения, тупой болью отзываясь в плече. Но наследник трона продолжал свои незамысловатые действия. Взял кувшин и налил воды в небольшой таз на сундуке, а я сумела, наконец, оглядеться.

Покои Силенса выглядели на военный лад. Гобелен на стене висел только один – в изголовье кровати, тщательно заправленной темно-красным покрывалом. Камин освещал большую часть комнаты, но в темных уголках прятались лишь тени и призраки моих страхов. Добротный дубовый сундук блестел своей покрытой лаком поверхностью в отблесках пламени, на нем стоял таз, кувшин и несколько свечей. У камина рассыпались дрова, а чуть подальше от них я заметила разбросанные вещи – принц в спешке собирался на помолвку. Устоявшийся дух Силенса стал для меня привычным, и наше соприкосновение уже не казалось мне необычным, но когда он резко провел рукой по моей спине, заставляя нагнуться, я едва не закричала в протесте. Более собранный принц ладонью омыл ледяной водой припухшее от слез лицо, и легко провел пальцами за ушами, предварительно убрав мешающие волосы за спину. Оттолкнув меня бедром, Ленс сам умылся той же водой, и выпрямился, при-

глаживая растрепанный воинский хвост.

Я на миг залюбовалась им. Небрежно расстегнутый камзол открывал серебристую шелковую рубаху, распахнутую у горла. Я успела заметить зарубцевавшийся шрам под виском, который раньше скрывали волосы. Смугловатая кожа в свете очага казалось золотой, а серые глаза превратились в черные, но все также рвали меня на части.

– Как вы?

– Простите...

– Не надо, Эверин, не надо, – покачал головой Силенс. На губах дрогнула грустная улыбка. – Я понял все, что вы хотели мне сказать. И это я хочу попросить у вас прощения.

– Не надо. Я уже вас простила, – второй раз я говорила принцу эти слова, а он все мне не верил.

– Хах, – усмехнулся принц и перевел глаза на черную ткань. – Нам снимать ее нельзя, но что ж, придется перешагнуть через традиции. – Он положил левую руку на узел.

– Нет! – резкий окрик заставил его замереть. – Не надо!

– Но... мне надо спуститься и сказать, что мы вернулись. – Он пожал плечами.

– Я пойду с вами. – Гордо вздернув подбородок, я выпрямилась. Не хотелось видеть красные от слез глаза и распухший нос, но я должна выполнить свой долг, а, значит, созерцание собственного несовершенства не поможет мне на это решиться.

– Уверены? – Принц откровенно насмеялся.

– Да.

Он лишь кивнул и пошел к двери, увлекши меня за собой. Я, как маленький ребенок, шаткой походкой поспевала за его широкими шагами. Силенс уверенно спускался в Сверкающий зал, теперь уже не скрываясь от слуг и прочих чужих глаз, которые удивленно останавливались на нас.

Зал взорвался криками, когда мы с принцем переступили порог, король поспешно встал, негромко крикнув от напряжения. Казалось, только королева никак не отреагировала на наше появления, продолжая тупо смотреть в пол помоста, на котором стояло ее кресло.

Принц легкой походкой взлетел по ступеням, едва не лишив меня равновесия, и, почтительно преклонив голову, застыл перед отцом. Энтраст радостно улыбался, щеки порозовели от выпитого алкоголя, глаза блестели, огоньки сечей плясали в них.

– Нечерия! Принц! – провозгласил он. – Вы взглянули на свои будущие владения, а теперь можете разделить с нами празднество вашей помолвки! – Король под восторженные восклицания развязал черный узел ткани, крепко связывавшей нас. Я не отняла руки, и принц продолжал ее сжимать.

– Теперь ты скажешь, когда состоится наша свадьба? – Сердце оглушительными ударами сопровождало слова Силенса. Король нахмурился от недовольства, которое, впрочем, вскоре улеглось.

– Свадьба принца Силенса Могучего и нечерии Секевры

Эверин пройдет в день Первого Ветра! – по всеуслышанию объявил Энтраст. Я задрожала. Так скоро!

Волк пронзительно завыл за стеной замка, наверное, только я и принц, не одурманенные алкоголем и радостью, услышали этот печальный, пронизывающий до костей звук. Поклонившись, Силенс спустился с помоста, держа меня за руку. Мы отошли к большому окну, и я оперлась о прохладную поверхность зеркала, успокаивая расшалившиеся нервы и чувства. Принц сочувственно смотрел на меня с высоты своего роста, но ничего не говорил. Горячие пальцы с неохотой покинули мою руку. Из моей груди едва не вырвался вздох сожаления и протеста.

– Сегодня был сложный день, не так ли? – спросил он риторически, но я все равно кивнула. – Я многое узнал.

– И я.

– Да, – согласился принц. – Скажите, Эверин, как вы...

– Я ведь говорила! – обиженно прервала я.

– Нет-нет, постойте! – взмолился принц, заметив, что я хочу уйти. – Вы не так меня поняли, – после некоторого молчания добавил он.

– Но как вас еще понимать? Вас тревожит лишь мой Динео!

– Вы надели его, – неожиданно сказал Силенс. Я удивленно опустила взгляд. Голова волка серебрилась между ключиц.

– А не должна была?

– Ну что вы, – тихо ответил он. Казалось, это сильнее всего за весь долгий день поразило принца. Пфф, подумаешь кулон, надетый едва ли не насильно моей сестрой. Я хотела в этом признаться принцу, но почему-то быстро передумала.

– Так что вы хотели спросить? – я вывела его из размышлений.

Принц непонимающе посмотрел на меня, несколько секунд молчал, а потом вышел из своего странного оцепенения.

– Как вы вошли в мое сознание? Вы ведь не можете обладать еще и Королевской магией!

– Что? – У меня едва рот не открылся от удивления, потому что я сделала это – проникла в принца – совершенно неосознанно, повинувшись велению собственной магии. – Я могла применить Динео.

– Он на это не способен, – категорически возразил принц.

– Откуда вам известно? – отозвалась я достаточно резко.

– Но...

Он замолчал, лишь смотрел на меня. Я ощущала, как что-то в нем поднимается, отражаясь на лице, и отвернулась. Мне отчего-то не хотелось этого видеть. Силенс печально вздохнул.

– Вас проводить до покоев?

– Не стоит, – покачала я головой. – Вам надобно остаться подле отца, я думаю, – добавила я уже мягче. Принц просиял, как мальчишка.

– Хорошо. Знаете, Эверин, я хотел бы сказать, что я...

Его голос был прерван испуганными криками, и принц мгновенно встрепенулся и твердо двинулся в сторону помоста. Там творилось что-то неладное. Я, обессиленная и опущенная, последовала за ним, чуть ли не хватаясь пальцами за полы его синего камзола.

Охмелевшие люди стопились вокруг помоста, не давая даже возможности протиснуться ближе – между ними и мышь бы не проскользнула. Потерпев несколько неудачных попыток отодвинуть гостей в сторону широким плечом, принц повысил голос, и гости расступились, повинувшись властному приказу своего будущего монарха. Я вцепилась в его локоть и во все глаза глядела вперед.

Королеве стало плохо, она безвольно повисла на руках своего мужа. Заметив то же, что и я, Силенс рванулся наверх по ступеням, невольно оттолкнув меня назад. Чуть не свалившись, я твердо решила подняться за ним. В то время как невидимая картина предстала перед моими глазами, принц уже подхватил свою мать и, оторвав ее от пола, понес из Сверкающего замка. Старая женщина тяжело и хрипло дышала, слабо цепляясь пальцами за рубашку сына. Силенс что-то ласково ей шептал, а напряженный король следовал за сыном – он был ниже сына и тощим, так что я не сразу его заприметила.

Когда наследник трона проходил мимо меня, я обмерла, взглянув на лицо Лайс. Старое морщинистое лицо жел-

товатого оттенка ужасно осунулось, выдавая признаки скоростижной болезни. Опухшие веки прикрывали розовые от лопнувших сосудов белки глаз. Губы слабо шевелились в попытках что-то произнести, но медовый голос принца легко перекрывал эти невнятные звуки. Мне показалось, что королева заметно похудела за эти дни, что я ее не видела – ничего удивительного, что в руках принца она выглядела будто плохо сработанная марионетка. Ноги болтались, как тряпичные, подбородок дрожал, по нему стекала тягучая бесцветная слюна. Руки, оставив попытки держаться за рубашку принца, вяло покачивались от широких шагов Силенса. Глаза скользили вниз по оттеклим суставам и синюшным пальцам, точно бы королева страдала от сурового зимнего холода. Серые волосы грязным жиром блестели в свете Сверкающего зала – у нее явно не было сил ухаживать за собой, как и другим позволять это делать. Неприятный запах немой, потной кожи подтвердил мои опасения, хотя еще утром женщина выглядела и пахла не так плохо. Я поняла, что болезнь цепко схватила ее в свои объятия. Лицо принца было темно, но он с легкостью вынес королеву из зала и начал подниматься к ее покоям. Я следовала за его широкой спиной, подгоняемая сзади лекарем, поспешно вызванным Энтрастом.

В покоях королевы пахло застоялой болезнью и старостью, нос инстинктивно морщился, защищаясь от неприятного, режущего ноздри запаха. Увидев грязные, пожелтевшие простыни от облегчений королевы, испуганный принц

дрогнувшим голосом приказал немедленно переменить постель матери. Слуги, дрожащие от ужаса, который внушал грозный принц, спешно выполняли его приказания.

– Как такое могло произойти? – громогласно допытывался он от отца. Король рассеяно пожимал плечами и качал головой.

Выгнав всех слуг, кроме лекаря, принц бережно опустил свою мать на свежую перину, и промокнул ей лоб влажной тканью. Лайс слабо зашевелилась, но опухших век поднять не смогла. Дребезжащий хрип вырвался из ее отощавшей груди, и она подняла руки, туго обтянутые пергаментной кожей, покрывающейся странными пятнами.

– Я не знаю, что с ней, – беспомощно развел руками лекарь и с проклятьями был выгнан Силенсом из покоев королевы.

Женщина тяжело дышала, а принц торопливо обмывал ее потное лицо. Тряпка в его руках осталась безобразно грязной, а лимонная кожа приобрела нормальный для ее возраста цвет, желтизна исчезла. Принц еще раз грязно выругался и попросил меня принести чашку чая. Я поспешно повернулась к камину, обнаружив чайник покрытый слоем пыли, а чашки усеянными мелкими трещинами. Отправив слугу за свежей водой и травами, я быстро отмывала чайник от грязи и пыли. Он поспешно избавлялся от нее, меняясь в своем цвете от серо-желтого к цвету слоновой кости, совсем как кожа королевы. Оправленный мною паж вернулся

очень быстро, так что я поставила чайник, отмерила горстку трав на чашку и вернулась к кровати.

Выглядела Лайс не лучше, но зато дышала ровнее, хотя прерывалась на судорожные хрипы. Бледный Силенс сжимал в своей ладони ее тощие пальцы и что-то шептал, но женщина не отвечала.

– Отец, как ты мог такое допустить? – обвинительно начал принц.

– Сын, мальчик мой, я ничего не знал – она перестала допускать слуг в свои покои еще месяц назад, но я не придал этому значения. – Глаза принца расширились, он едва сдержал свой гнев. Закипевший чайник заставил меня отвлечься, но я прекрасно слышала их разговор.

– А ее внешность? Запах? Состояние? Не подсказали, что что-то не так? – Грозовые нотки гремели в принце. Не только в голосе.

– Я думал, это старость! – неумело оправдывался король, непривыкший это делать. – Я сам начинал себя так чувствовать, вот и решил...

– Решил! – прошипел принц. Его мать жалобно застонала, он наклонился над ней, но та ничего не смогла ответить. Я подала принцу чашку с чаем.

Лайс судорожно глотала чай, конвульсивно вздрагивая время от времени. Мое сердце сжималось от жалости к ней, но я боялась и рта открыть, так как этого от меня не просили.

– И теперь мы не знаем, что с ней! – горестно воскликнул

принц. – И вынуждены наблюдать за ее страданиями!

– Сынок...

– Оставь! – прервал его принц. – Лучше объясни мне, куда ты смотрел? На молодых продажных девиц, что ты все прочил мне с совершеннолетия? – оскорбление даже не было смягчено голосом.

– Да как ты смеешь так говорить со своим королем! – взорвался Энтраст, воинственно распрямляясь.

– Королем? – горько усмехнулся принц. – Разве прежний Энтраст допустил бы, чтобы его королева потеряла свою жизнь в ее грязных и больных руинах? – принц обвел рукой комнату Лайс. Король сжал губы и угрюмо посмотрел на сына.

– Нет! – признал он.

Принц ничего не ответил, продолжая поить мать остывшим чаем, в глазах блестели слезы, которые Силенс тщательно скрывал даже от самого себя. Сердце в моей груди болезненно зашевелилось, понукая сделать хоть что-то полезное.

– Как? Как? – все повторял наследник трона, сжимая и сжимая пальцы матери. Женщина никак не реагировала на его действия, слабо дыша и выкатывая глаза. Сквозь веки было видно, как она напрягает глазные яблоки, но все тщетно – открыть глаза толком не удавалось. Она лишь тихо стонала старческим голосом. Принца трясло.

– Это все не просто так! – ядовито воскликнул король. – Это ты! – он указал исхудалым пальцем на сына. – ТЫ!

– Что я? – устало спросил Силенс, словно лишившись всех остатков сил. Помолвка обернулась трагическим вечером.

– Ты сделал так, чтобы твоя мать заболела!

– Что ты несешь! С какой стати? – гнев рокотал в горле молодого мужчины.

– Чтобы твоя жена стала единственной королевой замка!

Звонкая пощечина разнеслась по комнате громовым раскатом, ноздри принца расширились от ярости, глаза сверкали, зубы были стиснуты, а кулаки прижаты к бокам. Покачавшийся от удара король, потряс головой, как мокрая собака, только что вышедшая из реки, и потер ушибленную щеку.

– Я совсем обезумел... – проямлил он. Монарх совершенно не производил впечатления сильного правителя.

– Да! – разъяренно согласился Силенс. – Да! – еще раз для убедительности прозвучало короткое слово. – С тех самых пор, как умер Ялдон! Ты не только сам медленно истлеваешь в живом теле, так и других тащишь за собой в бессмысленную могилу! Сколько можно по нему горевать? Мне тоже не хватает брата, но мне хватает кое-чего другого – он бы не умер, если бы не хотел принести пользу своему королевству! А ты только бездействуешь и убиваешь своих любимых! – гневным шепотом начал свою тираду принц. – Хватит, отец! Очнись от этого горестного сна. Ялдон мертв! – Король отшатнулся от сына, как от прокаженного. – Мертв! И никогда не будет живым! – Подсыпал соли в рану сын. – Может, ты поймешь, что нужен и мне? И своему королев-

ству? Проснись, проснись, отец, проснись для жизни! – умолял Силенс.

Глаза пылали, грудь вздымалась, а голос звучал твердо и убедительно. На кровати зашевелилась королева и что-то нечленораздельно прошептала. Сын поспешно склонился над матерью, ловя каждое ее слабое слово. Кивнув мне, он сел и стал ждать, пока я наполню опустевшую чашку остывшим чаем. Он благодарно, почти мимолетно, коснулся моей руки и начал вновь поить мать. Королева увереннее глотала чай, и лицо ее медленно разглаживалось.

– Ты прав, Ленс, – полушепотом сказал король. Сын оглянулся на отца. – Мне пора перестать горевать по Ялдону. – Слезы сверкнули в напряженных глазах. – Я знаю это, но сделать ничего не могу, – сокрушенно признался Энтраст.

– Я больше не могу тебе доверять, – принц бросил резкую фразу и отвернулся к Лайс.

Я стояла посреди комнаты и не знала, куда себя деть. Слушать разговор отца и сына было неудобно, но и уйти я не могла, принц нуждался в моей безмолвной поддержке. Мне до боли страшно наблюдать за страданиями королевы, но ничего толкового предложить не могу. Кровь панически застучала в ушах, мысли оживленно начали искать пути к успеху. Каждое новое раздумье представлялось мне хуже предыдущего, но я с настойчивостью пыталась найти хоть какое-то полезное явление для своей королевы.

Сознание неожиданно ринулось к волку, как к спаситель-

ному кораблю кидается изнеможенный человек, несколько часов пробывший в открытом море. Из последних сил я тянулась к нему и с облегчением поняла, что он отзывчиво отвечает мне и пускает свой волчий рассудок в мою голову.

Нос недовольно поморщился от омерзительного запаха, захотелось зарычать – здесь витала смерть. Люди не умеют себя вылизывать, слабо подумала я, но отмахнулась, так как она настойчиво требовала какой-то помощи. Внимательно взглядевшись в лежащую женщину, поняла, что это она так плохо пахнет. Она мертвая? Нет, глаза говорят, что грудь еще вздымается. Вожак сжимает ее руки. Он делает ей больно.

– Силенс! – первый раз обратилась я к принцу по имени. Он потрясено посмотрел на меня. – Не сжимай ее пальцы – ей больно! – Принц мгновенно убрал свои руки за спину, словно опасаясь, что те без спроса вновь продолжат свое занятие. Я была удостоена еще одного изумленного взгляда, когда женщина проямлила что-то благодарное.

Она была недовольна моей помощью и требовала еще. Я поняла, что женщина умирала не от этой боли и приоткрыла рот, чтобы втянуть воздуха. Запах смерти поднимался от живота сморщенного человека, такой запах бывает у разлагающихся трупов. Я поморщилась. Женщина не ухаживала за собой, она ела не свежую пищу. Внутри нее гниль. Она ужаснулась и поспешно, но с благодарностью, вытолкнула меня из себя.

– Королева больна внутри! – прошептала я Силенсу, не зная, как прямо сказать то, что сообщило мне сознание волка.

– Что вы имеете в виду? – Я была благодарна всем богам, что он не спросил, откуда я это знаю.

– Я не знаю, как сказать. – Ощувив молящий взгляд принца, я сдалась. – Она... у нее... гниют внутренности. – Слова дались не просто с трудом, а с ужасным и невыносимым усилием.

Принц побледнел и часто задышал от волнения. Он больше не смотрел на меня – его вниманием овладела мать. Лайс успокоилась, грудь ее мерно вздымалась и опускалась, но слышались отчетливые хрипы. Как это связано с внутренними заболеваниями, я не знала.

– Чем я могу тебе помочь? – спросил он у королевы, не надеясь получить ответ.

Волк торжествующе проник в меня. Я вздрогнула, но не выгнала его из себя, потянувшись, укрепила связь. Он понукал меня взять королеву за руку. Не обращая внимания на недоуменный вопрос принца, зачем я это делаю, я легко сжала пальцы королевы. Волк взял меня под свой беспредельный контроль.

Я шкурой ощущала смерть этой женщины, но не могла отказать вожаку в помощи, он изнывал от горя, наблюдая за страданиями невежественной суки. Наверное, он был ее щенком. Когда она коснулась пальцами иссохшей кожи, я

ринулась вперед в умирающее тело. С трудом я смогла пробить высокие стены сознания старой женщины, она отчаянно сопротивлялась моим действиям, моей помощи, но вскоре затихла. Тело не просто пронизывала ужасная боль, оно буквально состояло из нее. Женщина давно мучилась этой болью, но никому не сказала об этом из своей стаи. Чувство сожаления давило на ее слабые виски, но она не могла уже ничего не исправить. Я чувствовала в ней горечь оттого, что она лишилась своих друзей, когда болезнь подступила к ней. Отослала из своей комнаты, чтобы те не ощущали запах гнили. Я знала, что сука обливалась пахучими жидкостями, чтоб другие не почувствовали этого и не заподозрили ее в слабости. Все ее чувства передались мне – она делилась своими воспоминаниями. Живот горел в адском огне, и постоянно хотелось пить. Жажда не просто сковывала горло, внутри нее будто все ссыхалось от недостатка воды. Глухая сука. Нужно было поесть целебных трав, тогда этого можно было избежать, но сейчас, как бы ни хотел этого вожак, исправить что-то невозможно. Старая женщина это понимала не хуже меня, поэтому с отчаяньем пыталась что-то прорычать щенку, но вожак не понимал ее невнятного скуления. Я раздраженно подтолкнула ее, но сука не отреагировала, но почувствовала мое стремление. Спустя некоторое время, она открылась мне, и я смогла дать ей немного сил. Женщина с силой молодой волчицы втянула воздух в грудь и решительно открыла отяжелевшие веки.

Я вернулась в не «отвергнутую», но тут же была выпровождена ею. Зарычала я уже в своем теле.

– Что ты сделала с ней? – оглушительно громко и яростно закричал принц. Для него все происходящее произошло за несколько секунд. Я своими глазами видела, как королева бьется в судорогах, пока волк помогал ей, ломал ее стены.

– Сынок, – достаточно уверенно сказала королева, и он потерял ко мне интерес. – Твоя невеста помогла.

Силенс посмотрел на меня со смесью благодарности и еще не остывшего гнева.

– Дала мне силы на этот последний разговор...

– Не последний! – по-детски запротестовал принц.

Королева некоторое время молчала, собираясь с данными моим телом, но сознанием волка, силы.

– Поверь мне, и поверь своей невесте – она сказала правду, я гнию изнутри, – призналась королева, не скрывая глубокой боли в своих словах. Сын дернулся вперед, но мягко положил свои пальцы на руку матери.

– Не говори так, – опять обиженно ответил принц на безрадостные признания королевы. – Можно что-нибудь сделать, я уверен. – Лайс печально улыбнулась.

Дыхание королевы стало прерывистым, ее муж хмурился и поглядывал на меня, но ничего не говорил. Я, вспомнив чувства королевы, быстро налила чая и поднесла к ее губам. Она признательно посмотрела на меня.

– Ты уже так много для меня сделала, – прошептала жен-

щина.

– Но я ничего не делала, – возражение вырвалось само-вольно.

– Нет, Эверин, нет, ты позволила мне быть спокойной. – Она прервалась, восстанавливая быстро тающие силы. – Спокойной насчет моего сына, – заключила она.

Я помрачнела, ведь мне вовсе не казалось, что я стану хорошей женой для ее сына, но переубедить больную женщину не хватило духа. Тем более Силенс любовно глядел на мать, что разрушать его надежды вовсе не возникало желания.

– Король, – прошептала Лайс, он наклонился к ней. – Твое правление вышло долгим, победным и проигрышным. Смерть старшего сына сломила твой дух, и ты пал вместе с ним. Ох, Энтраст, ты совсем позабыл, что Ленс остался у нас, что он станет достойным королем. Ты тихо лелеял свою боль, считая, что только у тебя есть такие невыносимые страдания. – Она говорила прерывисто и медленно. – Теперь же ты должен понять, Энтраст, что он достоин стать королем.

– Мама! – прервал принц.

– Ох, Ленс, мальчик мой, не горюй так! – попыталась его успокоить Лайс. Вряд ли ей это удалось. Двадцатилетний сын смотрел на престарелую мать и не скрывал своего горя. Как же только он родился, подумалось мне, ведь уже тогда королева была немолода.

– Не надо говорить о смерти и безысходности, всегда есть выход! – упрямо произнес Силенс. Он не хотел примиряться с горькой правдой.

Королева слабо рассмеялась, но вряд ли этот скрипучий звук можно было назвать смехом при других обстоятельствах. Король непреклонно молчал, даже не ответив жене на ее слова, словно свои собственные у него кончились.

– Так говорил Ялдон, – печально выдохнула Лайс и погладила пальцем руку младшего сына. – Ты станешь не худшим королем, чем он...

– Разве это важно? – раздражение явилось противодействием подступающему горю.

– Конечно, важно, глупый, – как к малому ребенку, обратилась она к сыну. – Но я уверена, все будет прекрасно. – Королева остановилась и отдышалась. – Спасибо за эту уверенность твоей будущей королеве.

– Она даже еще не принцесса! – Протест короля прозвучал как-то абсурдно в этой интимной обстановке признаний.

– Молчал бы ты, Энтраст! – резко одернула его Лайс. Никто не ожидал такой силы в ее голосе. – Ты сам это прекрасно знаешь, ты ведь не зря хотел ее выбрать, хотя волхвы советовали отвергнуть.

– Что-что? – Силенс недоуменно вертел головой, поворачиваясь то к отцу, то к матери. – Какие волхвы?

– Советники, помогающие выбрать невесту, – на выдохе пояснила Лайс. – Они настаивали на отказе Эверин, но уве-

ряли, что из Шорлен выйдет из рук вон плохая королева. Она разорит казну, сведет тебя в могилу раньше времени и развалит Королевство. Ее сила тщеславия слишком велика, а избалованность ненужное качество для королевы.

– Да, – подтвердил ее слабые слова Энтраст. – Но также они сказали, что не видят будущего Королевства Дейстроу в иных вариантах. Они редко его видят, – добавил он.

– И вы выбрали ее? – подытожил принц.

– Ты выбрал, Ленс, – тихо ответила мать. – Ты не знал нашего решения, ты нарушил традицию, но сделал правильный выбор.

Я дрожала от их слов, но чувствовала себя чужой в этой душной и тесной комнате. Хотелось бежать по земле, ощущая сильные лапы, ветер в шерсти и...

– Волхвы предсказали отцу Энтраста, что я рожу двух наследников. Больше они не видели ничего в будущем Дейстроу, их видения не стабильны и не всегда верны.

– Но... почему я о них ничего не знаю?

– Узнаешь, со временем, – заверил его отец.

Ощувив некий призыв от королевы, я вновь поднесла чашку к ее губам. Та жадно пила несколько минут.

– Но почему вы не обратились к лекарю? – робко спросила я. Принц вздрогнул от моего искаженного болью и страхом голоса. Я до сих пор частично разделяла страдания королевы, чтобы той было легче переносить разговор.

– Я не видела в этом смысла. Отравы шла изнутри, сделать

что-то было просто невозможно.

«Ошибаетесь!» – хотела сказать я, но сдержалась, пожалев чувства принца. Королева поняла, что я знаю правду. Она не хотела себе помогать.

– Если бы я был в замке...

– Нет, Ленс, не смей винить себя! – грубо прервала его мать. – На то воля богов!

– Боги, – фыркнул принц.

– Да, мальчик мой, именно боги. – Не заметив усмешки в его словах, произнесла королева сдавленным голосом. Кожа ее бледнела, становилась практически серой, ближе к землистому оттенку.

– Иногда нужно делать все самим! – упрямо возразил Силенс.

– В этом ты не похож на брата, – тихо прошептала Лайс. Она становилась к Ялдону ближе, так она считала.

– Я на него не похож.

– Похож.

– Да, – вмешался король. Я так и не поняла, кого он поддерживал.

Поленья трещали в очаге, почти умиротворенная картина могла нарисоваться в этот вечер, но скверный дух болезни портил все окружающее. Королева в молчании лежала на кровати, глядя на своего единственного сына, который дрожал вместе с ней. Я тоже разделяла это чувство, точнее, острую боль в районе живота, которая разливалась по всему

телу. Я знала, это лишь отголоски, королева испытывает еще большие мучения, но ни слова не произносит.

– Сегодня был хороший день, – внезапно для всех снова заговорила королева. – Я видела, как сын начал свое соединение с достойной женщиной. – Хрипота становилась все более отчетливой. – Совсем еще юной, но с огнем в душе, с пониманием в разуме и зачатками любви в сердце. – Я не стала опровергать ее последние слова насчет чувств к ее сыну. Что толку расстраивать королеву? – Я видела своего сына взрослым мужчиной, смотрящим пронзительным взглядом далеко в будущее. С мудростью, решительностью внутри и страстью в глазах. – Сын жалобно запротестовал, но был остановлен слабым жестом руки. – Черная ткань на ваших руках...

Оглушительный треск полена заставил всех вздрогнуть. Момент заработал свою печальную торжественность.

– В день нашей помолвки Энтраст снял ее, как только мы отъехали достаточно далеко от замка – ему было неудобно, – скорбно призналась королева в давнем грехе своего мужа. – Нарушив традицию, он поломал наш брак. – Король заскрежетал зубами. – Я долго вымаливала сыновей у Богов, я знала, их должно быть двое, и после тяжелого рождения Ялдона продолжала свои молитвы. – Королева дышала все прерывистей. – Наши предки не зря придумали свои традиции.

Мы с Силенсом переглянулись. Наш узел развязал сам король – мы не открывали рук для солнца целый день.

– Вы...

– Да, мама, нашу ткань снял только отец. – Королева довольно улыбнулась, даже тень радости промелькнула на ее осунувшемся лице.

– Я горжусь тобой, Силенс...

Гул горящих поленьев становился для меня все громче, а дыхание королевы все тяжелее. Все сильнее отголоски боли разливались от нее по моему телу, все чаще она начинала задыхаться. Сердце мое отчаянно искало выхода для боли, но лишь билось о преграду груди.

– Я видела... видела ее во сне... верхом... верхом на... – невнятно говорила королева, но мы ловили лишь кусочки ее фраз. – Ветер...

– Что? – ласково спросил сын, ближе придвигаясь к матери. Лайс собрала остатки своих усилий.

– Со временем ты поймешь, Ленс, не сейчас, – умиротворенно произнесла королева.

Энтраст возбужденно ходил вокруг кровати, явно раздражая принца, но Силенс был поглощен матерью.

– Конечно, как скажешь, – принц согласился достаточно покорно, ему не хотелось тревожить любимую мать.

– Знаешь, Энтраст, я всегда любила тебя... – Король встрепенулся и пораженно посмотрел на свою жену. Шок в глазах не являлся поддельным. Теперь стало ясно, почему он был почти равнодушен к изменениям, которые происходили с ней.

– И тебя, Ленс, маленький сорванец, – сквозь жалкую

улыбку, сделала она еще одно признание. Алмазные слезы блеснули в серых глазах принца.

Я не могла поверить в то, что сейчас происходит, напряженно хмурия лоб, я вглядывалась в черты лица старой женщины. Глупая сука – так сказал волк. Нет, мудрая королева.

– Эверин, пусть твоя страсть не погаснет, – едва слышно выдохнула Лайс.

Угли зашипели от попавшей на них воды из чайника. Комната словно покачнулась от нескольких догоревших и резко погаснувших свечей. Дыхание королевы стало громким, хриплым и медленным.

Болезненное дыхание королевы резко прервалось. Грудь не вздымалась. Жизнь в ее теле прекратилась.

III Тень

«Смерть принца Ялдона Жертвенного стала ударом для короля Энтраста. Но его жена не была сломлена горем и помогла младшему сыну осваиваться в новом звании наследника трона.

Вместе с пренебрежением короля к оставшемуся в живых сыну по Королевству стали ходить слухи.

Всем было известно, что король Энтраст женился по воле отца, но он был разителью против этого, отличаясь от своих предшественников – юным он влюбился в другую женщину. Но его отец настоял на своем решении, и наследный принц получил в жены Лайс Необыкновенную. Любви между ними не возникло, так считали все, и отчего-то винили в этом девушку, которая робко привыкала к обычаям замка Дейст. Поэтому многие утверждали, что Ялдон был рожден от той самой женщины, которую полюбил Энтраст еще в молодости. Его склонность к Королевской магии навсегда пресекла эти слухи, но нелюбовь к Силенсу, который уж точно родился от королевы Лайс, наталкивала на такие мысли. Народ роптал, а король все истлевал в своей печали».

История Королевства Дейстроу, писец Клэвэр

Лицо Лайс приятно разгладилось, вернув себе несколько

ко лет от молодости, кожа приобрела ровный, бледно-синий цвет, но не выглядела уже такой болезненной. Ресницы умиротворенно лежали на исхудалых щеках, еще теплые руки лежали на животе, куда она положила их в предсмертных мучениях, а сальные седые волосы потеряли всякий блеск. В комнате повисла горестная тишина, сочившаяся тяжелой болью.

Король с пустыми глазами стоял посреди комнаты, едва освещаемой огнем, а Силенс застыл, будто статуя из сада, со скорбью глядя на мать. Я понимала их боль, чувствовала ее отдаленное эхо, но не так долго знала и не так сильно любила королеву, чтобы с полнотой разделить бескрайнее горе. Принц с усилием поднял голову и встал с кровати, ему стало тяжело прикоснуться к ее стремительно коченевшему телу. Я прижалась к его груди, в надежде хоть как-то утешить, и Силенс ответил мне на это желание благодарным вздохом. Слегка приобняв меня одной рукой, он лицом ткнулся в мою макушку, зарывшись им в густые волосы. Беззвучные слезы сотрясли могучее тело принца, я безропотно приняла его скорбь и постаралась облегчить страдания, крепче прижалась к нему, обхватывая мускулистое тело руками. Я чувствовала влагу на своих волосах, но позволяла поделиться болью со мной, понимая, что больше никто не сможет помочь ему. Принц быстро взял себя в руки, мягко отстранившись от меня, застыл с каменным лицом. Я осторожно вытерла пальцами его слезы и одобрительно погладила по ще-

ке. Силенс немного оживился и обернулся к отцу. На лице не осталось и следа от пролитых слез.

– Я сделаю все сам. – Король кивнул, а принц мягко подтолкнул меня к дверям. Я повиновалась.

Я понимала, что принц хочет в одиночестве подготовить тело своей матери к погребению. Я вышла из покоев умершей королевы вслед за королем, слыша, как льется горячая вода из чайника в небольшой таз. Принц начал отдавать первые почести своей матери.

Энтраст размашистыми шагами достиг лестничного пролета и скрылся из виду. Я не знала, что мне делать, обернувшись, увидела занимающийся рассвет в распахнутом окне, и ощутила навалившуюся усталость на тело, но решительно отказала себе идти в комнату. Оглядевшись, заметила стул, пристроенный в одной из ниш, из которой можно было рассматривать висящий напротив гобелен. С трудом дотаскив стульчик до покоев Лайс, потому что силы меня почти покинули – я отдала большую их часть королеве – я приставила его к стене. Устроившись напротив небольших темных дверей, я тяжело опустилась на жесткий стул и стала терпеливо ждать появления принца.

Глаза едва не слипались от усталости и пережитого, но я упрямо сидела и ждала его. За пределами замка зажегся новый день, в Дейсте забурлила жизнь, окрашенная горькой скорбью. По коридору не прошел ни один слуга, все давали возможность Силенсу отдать дань уважения своей мате-

ри. В тяжелом ожидании я начала бродить туда-сюда по коридору, не чувствуя ног, с каждым новым шагом я иссякала все больше. Дверь открылась слишком тихо, я, опустившая взгляд в пол, не заметила вышедшего из комнаты принца. Удивленный возглас заставил сфокусировать внимание на нем. Если бы не фаталистическая меланхолия, я бы участливо задала какой-нибудь вопрос.

– Эверин, что ты... вы здесь делаете? – запнувшись и справившись с удивлением, выдавил из себя принц. Несмотря на горе внешне, кроме бледного лица и печальных глаз, он никак не изменился. Я отчетливо помнила, как он стал выглядеть старше после моих слов во время прогулки. Этот факт меня заинтересовал.

– Я не хотела оставлять вас совершенно одного, – честно ответила я. Врать было не нужно и даже абсурдно.

Признательность, сиявшая в его опустошенных смертью матери глазах, являлась лучшей наградой за все переживания этой страшной ночи. Он даже не сказал «спасибо» – это стало бы просто-напросто лишним. Силенс распрямылся, остатки слабости стерлись с его лица, в движениях пропала скованность, и он решительно направился в сторону лестницы. Я почему-то последовала за ним, упершись взором в синий камзол.

Принц быстро спустился на первый этаж и прошел на кухню, где отдал приказание о поминальном обеде. Я впервые была в этом помещении и тайком оглядывалась, пока Си-

ленс что-то объяснял бледной поварихе. Средние размеры квадратной комнаты создавали обманчивое впечатление маленького помещения, наполненного разнообразными запахами готовящихся блюд. Над большим очагом висел свиной окорок, обливающийся жиром, подпекающийся от жара углей, время от времени его поворачивал какой-то мальчишка. Возле стола стояли слуги, ловко резавшие овощи для обеда, а их соседи разламывали горячий, еще дымящийся хлеб. Желудок свело судорогой, и это напомнило мне, что я ни крошки не съела в течение суток. Рот наполнился слюной, а горячий окорок, с которого срезали куски мяса заходившие как к себе домой солдаты, показался неожиданно привлекательным кушаньем.

– Эверин, – тихо позвал принц, и я с сожалением поплелась за ним, не особенно понимая, зачем это делаю.

После всяческих хлопот в замке, Силенс вышел на улицу, где тут же приказал грумам и стражникам сложить погребальный костер для королевы. Глубокой печали на лицах людей я не замечала, так что можно было понять, что Лайс не особенно любили в Дейсте. Может, в других герцогствах, куда с рассветом были отосланы гонцы, ее будут оплакивать? Надежда слабо билась у меня в голове. Странно.

Я знала, что волки бродят вдоль замковой стены и уже обнаружили провал, через который прошлой ночью мы с принцем попали в Дейст, но хищники не решались зайти на земли, где так отчетливо несло человеческим присутствием. Так

что пока они держались достаточно далеко от камней замка, но их постоянное нахождение вблизи со мной отчего-то пугало, хотя я охотно прибегла к волчьей помощи в критической ситуации. Я запыхалась, поспевая за принцем, и почти ничего не видела перед собой, поэтому врезалась в его спину, когда он резко остановился.

– Вы в порядке? – Вопрос прозвучал участливо.

– Да, просто вы так...

– Нет, я не про это, – прервал Силенс. – Ваша душа?

– Душа? – эхом повторила я.

– Ну...

Принц замялся. Он явно хотел сказать мне что-то важное, но никак не решался. Потом, видимо, сделав выбор, Силенс отмахнулся.

– Ваша помощь оценена мною. – «Помощь – это просто ходить за вами?» – Но я хотел бы, чтобы вы отдохнули перед церемонией прощания с... королевой, – принц запнулся.

– Как пожелаете, мой принц.

– Силенс. – Хмурый взгляд на мгновение ожил красками. – Силенс из ваших уст звучит привычнее.

Он кивнул каким-то своим мыслям и ушел дальше по коридору, а обнаружила себя возле дверей в мои покои. Наспех сняв потрепанное и мятое платье, я повалилась на кровать в приступе сильной усталости. Со стоном закрыв веки, я мгновенно провалилась в беспокойный сон. Уэн что-то говорила, но голова просто отказывалась работать.

Пробуждение выдалось болезненным. Я категорически не хотела открывать глаза, но чьи-то сильные пальцы настойчиво теребили меня за плечо. Со звуком протеста я попыталась глубже зарыться в одеяла, но человек, по-видимому, ужасный эгоист, рывком стащил меня с постели. Я хлопала ресницами как сонный месячный щенок, тело постепенно замерзало от холода, от которого едва ли защищала тонкая ночная рубашка. До сознания начал доходить смысл слов.

– Эверин! Проснитесь же наконец! – принц взмолился из последних сил. До меня дошло, что я стою перед ним практически без одежды, и я метнулась обратно в постель, спасаясь от его взгляда под одеялами. – Ну хватит!

– Нет! – протестующе завопила я, он застыл. – Я проснулась! – сообщила для надежности моя уязвленная гордость.

Принц смутился, осознав то, что я поняла за несколько секунд до него, но потом тут же стал серьезным.

– Я пришел разбудить вас, – сухо сообщил Силенс, я кивнула.

– Дайте мне несколько минут.

Принц выразил свое согласие взглядом и вышел из комнаты, плотно притворив за собой дверь, спасая от пронизывающего сквозняка. Соскользнув с кровати, я босиком прошла к комоду, в котором лежала моя одежда. Не задумываясь, я выбрала черные рубашку, штаны и короткую куртку с глубоким капюшоном, которым при желании можно скрыть лицо

до подбородка. Мой траурный наряд завершили глянцеви-
тые сапоги до колен. Завязывая стягивающие шнурки непо-
слушными пальцами, я старалась не думать о том, что сей-
час чувствовал Силенс. Торопливо пригладив блестящие во-
лосы щеткой, я вихрем вылетела из комнаты, наткнувшись
на принца. От неожиданности он сомкнул свои руки на мо-
ем горле, я испуганно взглянула на его лицо. Глаза мужчины
налились яростью, он крепко сжимал пальцы, воздух в горле
стал обжигающе горячим, но, слава богам, Силенс, опомнив-
шись, отшатнулся. Я, запыхаясь, жадно хватал воздух. Вены
вздулись у висков и наполнились противной болью.

– Я забылся! – извиняющим голосом воскликнул принц.

– Не надо просить прощения, – немного хрипя, ответила
я, справляясь с головокружением.

– Я...

– Силенс, – остановила я. Принц тяжело вздохнул, виновато понурил плечи и шаркающей походкой поплелся в сторону лестничного пролета. Поправив куртку, я застегнула ее до горла, чтобы никто не заметил красные следы от пальцев наследника, и поспешила за ним.

Улица встретила хмурым полднем, бросив в лицо порыв ледяного, не по весне, ветра. Люди столпились у дров, сложенных для погребального костра. Королева лежала немного поодаль на покрытом белоснежной скатертью столе, Энтраст, скорбно склонив голову, стоял подле нее. Подойдя ближе, я внимательно взгляделась в лицо Лайс и не узнала свою королеву.

Женщина заметно помолодела – смерть сделала ее привлекательнее, нежели она выглядела при жизни. Лицо, слишком тусклое для живого человека, сохранило на себе умиротворенное выражение. Бледные губы с синеватым оттенком тонкой линией вычерчивались над подбородком, светлые брови с некоторым укором улеглись над закрытыми, избавившимися от опухолей, веками. Морщины сгладились, стали какими-то смазанными, словно лишними на ее спокойном лице. Серые волосы бесцветные, но чистые, словно цыплячий пух, легко трепетали от ветра. Истощенные из-за болезни руки лежали на груди, единственные не скрытые бе-

лой тканью погребального савана. Королева стала такой маленькой, такой хрупкой, что создавалось впечатление, будто ее можно сломать пополам одним движением руки.

Силенс подошел к матери, поцеловал ее в лоб, горестно всхлипнул от сухих слез, и вместе с королем отнес тело матери на погребальный костер. В полном молчании совершалось это действие. Принцу подали зажженный факел, и он поднес его к веткам будущего костра для королевы Лайс.

– Королева Лайс не зря носила имя Необыкновенная, – глухо начал король. – Она была такой по своей сути. – Принц кивнул ему. – Она останется той, кем была для нас. Да почтят ее боги своим присутствием. – С последним словом короля принц прижал факел к веткам, и огонь начал быстро охватывать сухие дрова.

Погребальный костер запылал. Дрова трещали, тело королевы постепенно скрывалось в дыму и стене огня. Неприятный запах горящей плоти распространилась по двору замка, хлопья пепла летели в разные стороны, а ветер упрямо пытался затушить пламя. Принц, заведя руку за голову, своим кинжалом отсек от хвоста длину большого пальца и бросил волосы в костер. Энтраст принял холодный клинок у сына, и отрезал волосы у самого узла, оставшиеся в беспорядке полезли в лицо. Серые пряди мгновенно вспыхнули в костре. Каждый сам решал, какой траур ему нести.

Я понимала, отчего принц так мало остриг от своего воинского хвоста. Несмотря на похороны матери, после траура

состоится наша свадьба, где он должен будет предстать воином. А длинные волосы значили в ритуале его принадлежность к мужской состоятельности. Я покачала головой и подошла к нему. Взяв кинжал, я уверенно срезала волосы, такой же длиной, что и принц, и бросила в костер.

Запах горящих волос и паленого мяса удушающим кольцом обвивался вокруг шей людей, и те спешно покидали двор, удаляясь в замок на поминальный обед. Равнодушие в них меня убивало.

Глядя на пляшущий огонь, я растворялась в этой стихии, отпуская вдаль свой разрозненные и невнятные мысли. Смерть пришла к королеве задолго до погребального костра – она могла избежать его жара. Но почему-то Лайс отказалась себе помочь, предпочтя медленную и болезненную смерть своей жизни. Почему? Это не давало мне покоя. Неужели горькая печаль по первому сыну заставила королеву так поступить, но почему она тогда отчитывала мужа за подобные действия? Она гордилась Ленсом, значит, понимала, что тот станет не худшим монархом, нежели его старший брат. Видимо, причина была слишком глубокой, чтобы я, находившаяся в замке меньше пяти дней, смогла в ней разобраться. Но запах горящего тела и пепел, летящий в лицо, заставляли возвращаться к безответным вопросам. Совершенно ясно я поняла, что нечто подобное могло бы случиться и со мной – ежели бы король отверг меня. Но... все это показалось мне таким сложным, что я перестала копаться в тем-

ных размышлениях и отбросила их подальше.

Принц одиноко стоял возле неугасающего пламени, опустив голову и безвольно свесив руки. Я озабоченно поглядывала на его фигуру, и сердце жалостливо сжалось от мысли о том, чтобы оставить его тут скорбеть. Сделав два шага, я встала ближе к его руке, и так же, как он, безмолвно уставилась в пламя. Силенс тяжело дышал, с трудом перенося запах погребального костра, но даже не думал покинуть свой пост.

Солнце стремительно опускалось к горизонту. Силенс молча отдавал уважение праху своей матери, пока угли не превратили его в ничто. Только когда последняя красная точка безжизненно потухла, принц развернулся и наткнулся на мою маленькую фигуру. Выглядело так, будто он впервые меня видел, но на самом деле принц просто не ожидал, что кто-то кроме него будет стоять и ждать последних отблесков погребального костра, ведь на Дейст опустился темный, промозглый вечер. Весенний холод был не по погоде обжигающим, но полезно охлаждал страстно злые мысли.

– Эверин, вы опять?

– Что опять? – встрепенулась я, ощущая себя нахохлившейся курицей.

– Подпитывали меня силой, – сказал он достаточно прямо, но я его решительно не поняла, ощущая тлеющую магию в своих венах.

– Я не понимаю, о чем вы.

– Вас нужно учить, – только и сказал принц, и, подхватив

меня за руку, повел в Дейст.

– Не хочу туда, к этим кукольным людям, – как ребенок заплакала я. Силенс оцепенел, медленно-медленно переводя на меня вопросительный взгляд. – Они не любили ее, – пожаловалась я. – А Лайс так старалась, так сильно. Она...

– Откуда вы знаете? – замешательство мешалось в нем вместе с любопытством.

– Она поделилась со мной своими воспоминаниями, – без запинки ответила я правду, не ожидая от себя этого.

– Я не понял?

– Это Динео. Я поделилась своими силами с ней, но вместе с тем получила все то, что она в себе хранила. – Я покраснела от его восхищенно пораженного взгляда. – Я не хотела...

– Нет, Эверин, что вы! – горячо начал принц. – Хоть кто-то среди этих людей меня понимает.

– Да, понимаю, – повторила я его слова.

– Слов благодарности будет мало, Эверин! – Глаза принца торжественно блеснули, грудь поднялась от глубокого вздоха. – Я клянусь вам...

– Не надо! – умоляюще воскликнула я.

– ...в верности так, как может поклясться подданный перед своей королевой! – Силенс опустился на одно колено передо мной, охваченной оторопелым ужасом. Склонив голову, он властно потянул мою руку, и горячо поцеловал пальцы, после этого положив мою ладонь на свой затылок. Просидев в таком положении некоторое время, принц поднялся

и отряхнулся.

– Зачем? – я смогла выдать из себя только это слово.

– Вы...

– Нет!

Я отвернулась от него и почти бегом отправилась в замок. Тепло его стен приятно удивило, когда я зашла в каменные своды. Из Зала Обедов слышались приглушенные голоса, но идти туда не просто не хотелось, я подумала об этом с содроганием.

Спешным шагом я начала бродить по замку. Ноги привели меня в главную сторожевую башню замка, которая являлась его осью. Она имеет в своем основании квадрат, даже изнутри я заметила, какие толстые тут были стены. Крутая винтовая лестница неприветливо мерцала в слабом свете единственного факела, стражи не наблюдалось. Я мягко, почти беззвучно, поднималась по ступеням, постепенно погружаясь в неприятную темноту. Двигаясь на ощупь, ведя пальцами по шершавой поверхности стены, размышляла о том, в чем поклялся мне принц. Глупая улыбка расплылась на лице, я сурово себя отчитала и, наконец, уперлась лбом в прохладное дерево двери. Потянув за ручку, я с удовлетворением отметила, что петли легко поддались моему движению. Я зашла в небольшую комнату, освещенную лунным светом. Серебристые линии вырисовывались под ногами и на стенах, белые прожилки в камне, из коего был сделан замок, заманчиво переливались, и создавался необычайный эффект ма-

гического сияния. Разглядывая свои руки, ставшие полупрозрачными в этой комнате, я подошла к окну. Прекраснейший вид открывался из него, но по большей части обзор рассчитывался на то, чтобы предупредить о наступающем враге. Замок Дейст мерцал в ночной темноте, лишь в некоторых окнах второго этажа я видела свечи, но и те вскоре затухали. Только Обеденный зал кипел жизнью, где поминальный обед превратился в услаждение пустого брюха и пьяного ума. Я отвернулась от отвращения и неожиданно четко почувствовала присутствие волка. Опустив взор, я увидела его лежащим в проломе защитной стены. Шерсть приятно серебрилась, а желтые глаза внимательно смотрели на меня. Несмотря на высоту, он сумел меня обнаружить, хотя я едва различала его морду в тени от стены. Волк устало положил тяжелую голову на лапы, и я заметно успокоилась от этого движения. Он не навязывал своего общения.

С отяжелевшим сердцем я спускалась вниз, и на крайней ступеньке поскользнулась и неловко завалилась вперед, стукнувшись лбом о стену, и шаркнув скулой об пол. Злобно шипя и ругая на чем свет стоит безруких слуг, не следящих за вверенными им обязанностями, я неуклюже встала, цепляясь ободранными пальцами за стену. Неприятное жжение на лице и необычная теплота сообщили мне о том, что я ушиблась, что ж, не так уж страшно, хоть шею не свернула. Все еще досадуя за свою оплошность, я вышла из замка через задние двери и оказалась в погруженном в ночь саду.

Теперь он выглядел несколько иначе, но все равно вызвал во мне противоречивые чувства, так что я поспешила от него прочь к конюшням, в которых надеялась отыскать теплоту и успокоение у Шудо.

Идя мимо главного входа в замок, я заметила сидящего на нижней ступеньке человека, который пусто смотрел впереди себя. Силенс был погружен в свои мрачные мысли, а я, к своему раздражению, не сумела пройти мимо него. Подойдя ближе, убедилась, что он меня не заметил, только выйдя в свет одиноко горящей смеси в чаше, я заставила его вздрогнуть.

– Вы меня напугали, – он со свистом выдохнул. – Почему вы бродите ночью по двору?

– А вы сидите на ступеньке? – Принц пожал плечами. – Вот и я не знаю. – Я повернулась в сторону конюшни, опрометчиво позволив Силенсу увидеть мою ушибленную скулу.

– Вас кто-то ударил? – он стремительно поднялся.

– Нет, что вы, мой принц, – поспешила я его заверить, он недоверчиво косился на разбитую скулу. Подтянув меня ближе к свету, он придирчиво ощупал пальцами припухшую кожу, чем заставил ее вновь кровоточить, потом он поднял мои ободранные руки и покачал головой.

– Неужели вы с кем-то дрались? – Я тяжело вздохнула.

– Мой принц, я просто свалилась с лестницы, – стыдно было признаться, но, думаю, другое объяснение его бы не устроило.

– Как вы умудрились? Везде полно света! – подивился принц.

– Я ходила во Фридскую башню, там горел всего один факел, и до того было слишком далеко, чтобы его свет мог мне помочь увидеть скользкую ступеньку, – равнодушно пояснила я.

– Куда?

– Во Фридскую башню, – повторила я достаточно раздраженно.

– Давненько я там не бывал, – мечтательно сказал принц, вновь опускаясь на ступеньку. Он расстелил рядом с собой свою куртку и жестом предложил мне присесть, я не отказалась.

Принц смотрел на выжженную землю, которая осталась от погребального костра. Мужчина постепенно справлялся со своим горем, остатки скорби виднелись в уголках его губ и в некоторых жестах, но в целом Силенс всеми силами стремился выглядеть, как ни в чем не бывало – на него навалилось еще больше проблем, которые требовали внимания и заботы.

– Я часто бывал там ребенком, – я не ожидала, что он заговорит. – Раньше в верхней комнате стоял стол и несколько стульев. Мы с братом часто раскладывали на деревянной столешнице карты, и он объяснял мне расположение войск. Только Ялдон мог заставить меня учиться, – улыбка из дальних лет коснулась лица Силенса, он стал похож на мальчи-

ка. – Ялдон.

– Каким он был? – спросила я, осознавая, что принцу приятно вспоминать о своем детстве.

– Высокий, синеглазый с густой черной бородой. Он отпустил ее еще в двадцать один, тем самым скрывая свою молодость перед советниками чужих королевств и стран. Ялдон воспитал во мне воина, а я дал ему практику в воспитании детей, о которых он мечтал, – печально усмехнулся мужчина. – Я всегда верил, что буду стоять по правую руку от его трона, но никак не думал восседать на нем. – Принц потрянул головой. – Как видите, лишь мать в это верила после его смерти. Отец погрузился в вечную меланхолию.

Я замерзла и инстинктивно прижалась к принцу. Он был не против.

– Думаю, королева заслужила свой отдых, – сказала я очень мягко.

– Да, вы правы, моя принцесса.

– Я не принцесса...

Принц грустно рассмеялся, словно мои слова явились для него печальной шуткой, я лишь задумчиво посмотрела на его профиль. В очередной раз Силенс поразил меня своей красотой смешанной с мужественностью. Шрам на виске отчетливо темнел от падающих красных бликов огня из чаши. Подбородок покрылся жесткой короткой щетиной, а несколько прядей темных волос колыхались от ветерка.

– А как росли вы?

– Я... – недоуменное чувство разлилось по сознанию. – До шести лет я не особо контролирую свои воспоминания, приходят только мелкие картинки каких-то ярких праздников, а потом... Я начала учиться быть принцессой.

– С шести лет? – зрочки принца еще больше расширились.

– Да, мой принц, – утвердительный кивок, – грамота, манеры, музыка. Многое стало постигаться мной. Немного позже мне позволили обучаться второй судьбе – быть «отвергнутой». Это привлекало меня гораздо сильнее. Охота, лошади, свобода и природа.

– Вы любите охоту? – принц уточнил это чересчур любезно.

– Да, Силенс, – с трудом вывела я. – Но охоту не ради развлечения, а ради пищи. Животные прекрасные и умные создания, чтобы убивать их ради потехи. Нет, даже мех на моих одеждах был взят у тех или иных животных, которые и иным путем послужили моей семье.

– Для смазывания сбруи мог пойти жир...

– Или лекарю в палатке, – продолжила я его мысль.

– Это нас объединяет.

– Что? – Я не совсем понимала.

Ленс задумчиво шевелил губами и сплетал пальцы, прищипывая носком сапога по земле. Мне почудилось, что он забыл мне ответить, и уже хотела молчаливо уставиться в темноту, как он заговорил:

– Наша любовь к простым вещам, несмотря на положение

в обществе.

Я мысленно согласилась с принцем. Это действительно нас связывало, причем эта связь являлась естественной и приятной, ведь любить то, что не любят чаще всего другие, это так приятно. Дарить счастье окружающим просто так, не задумываясь, ответят ли нам тем же. Да, Силенс воевал, но делал это во благо своего народа, не рассчитывая на его благодарность.

– Вы похожи на дикобраза, – заявление принца заставило улыбнуться.

– Почему это? – ничуть не обижено поинтересовалась я.

– Не доверяете даже своим из «стаи» и никого не подпускаете ближе, чем длина ваших защитных иголок.

– Это так.

– Но почему, Эверин? – Серые глаза заглянули прямо в душу.

– Наверное, я боюсь, что мне сделают больно, поэтому оставаться в одиночестве, когда вокруг тебя беснуется толпа, довольно безопасно.

– Хах, вот уж не думал, что вас заботит собственная безопасность, миледи.

Я не ответила, и молчание послужило наилучшим ответом. Ночь набирала свою силу, и холод вокруг нас становился все более ощутимым, огонь в чаше погас, погружая нас в лунную темноту, но никто почему-то не спешил возвращаться в замок. Оттуда перестали доноситься звуки ожив-

ленного ужина, даже отблески огней из окон вскоре потухли. Замок уснул. Лишь недалекое пофыркивание лошадей свидетельствовало о жизни в Дейсте.

Волк решил пройти на территорию человека и брел к крыльцу, на котором сидели мы с принцем. Я видела его глазами высокие стены замка, дерево сараев и амбаров, вместе с ним морщилась в ответ на резкие незнакомые запахи. Наконец, я изумленно отметила, что вижу себя, прижимающейся к боку принца.

Она сидела возле вожака и жалась к его жалкому теплу человеческого тела, явно замерзшая. Смотря прямо на меня, поражалась, что видит при этом и себя. В моем горле довольно зарокотало, и я устало опустилась на землю, не чувствуя своих лап. Не сводя с нее взгляда, я положила голову и трянула ушами. Хотелось спать, но она меня звала, и я пришла.

– Там волк! – предостерегающе воскликнул принц, соскакивая. Я в панике приказала хищнику убираться отсюда, а сама поспешила отвлечь Силенса.

– Где? Наверное, вам показалось! – слишком быстро заявила я.

– И еще... вы пользовались своей магией сейчас, принцесса.

– Нечерия, – поправила я. – Еще не принцесса, – с трудом признание врывалось из груди.

– Это ваш волк?

– Что? Я похожа на дикую сумасшедшую? – насмешливо

спросила я. – Нет, я впервые его вижу, думаю.

– Значит, вы не уверены?

– Угу, – угрюмо подтвердила я слова Ленса, он выжидательно постукивал пальцами по камню перил. – Я видела его на пути в Дейст в кустах, но он не причинил мне вреда. Прошу, не объявляйте охоту!

– Я, как и вы, не приемлю бесполезное убийство.

– Спасибо...

– Не стоит, – отмахнулся он. – Но я еще раз напому вам, что нужно учиться. Вы обладаете какими-то способностями, жаль, не умеете их контролировать.

– А какой магией обладаете вы? – спросила я недолго думая.

– Я... – запнулся Ленс. – Королевской магией, – и странно пожал плечами. – Ее так и называют.

– И?

– Это достаточно сложно объяснить, моя принцесса. – Я поморщилась. – Мне доступны не многие возможности, я привык работать топором.

Я улыбнулась его откровенности. Эта ночь обещала быть сложной, и она таковой оказалась, не забыв принести в мою жизнь толику интереса.

– Расскажите. – Непростая просьба, но он согласился, вновь приглашая меня присесть. Даже угроза замерзнуть не остановила меня.

– Меня начал учить Ялдон, слишком рано, чем положено, но он уже не мог выносить моих ребяческих проделок с помощью Королевской магии. Это нечто управления предметами, а иногда и действиями человека. Я мог увлечься, и заставить служанку пересыпать соли в обед брата, или портниху слишком далеко завести ножницы, и она портила почти готовый костюм для какого-нибудь торжества. Я был слишком юн и не понимал, чем грозят подобные действия. Ведь это казалось таким веселым – заставлять совершать другого человека пакости, о которых ты втайне мечтаешь, но не смеешь претворить в жизнь. Не задумываясь о последствиях, я плел мелкие паутинки по всему замку, пока по глупости не решил воздействовать на Ялдона. Тот, конечно, ощутил прикосновение моей магии, как и приказ, но вместо того, чтобы

расплескать чернила по листку бумаги, на котором он писал письмо какому-то герцогу, брат отодрал меня за уши, а потом всыпал несколько раз розгой. – Принц усмехнулся. – Получил я тогда наказание не только от Ялдона, но и от отца, узнавшего, что это я портил некоторые обеды и одежду, и король приказал мне стать пажом на три месяца. Но тяжелая работа не пугала меня, мальчишку, полного энергией, тогда Ялдон осознал, что меня надобно учить, иначе Королевская магия потечет не в нужную сторону. Втайне от отца он проводил уроки во Фридской башне на рассвете, где я с воодушевлением слушал его мудрые слова. Множество из них мне были непонятны в силу возраста, но я, словно губка, впитывал знания и с удовольствием употреблял их на практике. Брат оставался доволен моими успехами, а магия в моем юном теле медленно, но верно развивалась. Теперь я мог фокусировать более широкий приказ, мог даже испугать человека. – Силенс улыбался во весь рот, слепо глядя в темноту кустов. – Но Ялдон строго-настрого запретил мне пользоваться способностями в его отсутствие и без приказа, и я, боящийся потерять наши предрассветные уроки, беспрекословно его слушался.

Приятный баритон принца окутывал меня со всех сторон, успокаивал и согревал, прогоняя тревоги и ужасы прошедших суток. Все вокруг стало ничтожным и неважным, лишь тихие воспоминания о прошедшем детстве...

– Ялдон не отличался сдержанностью, да и разница в три-

надцать лет между нами давала о себе знать. Он относился ко мне скорее как к сыну, нежели как к младшему брату, чем, конечно, льстил, – продолжал Силенс. – Но брат никак не мог смириться с тем, что моя магия стала постепенно превышать его способности, ведь дальше учить меня становилось опасно – он и сам-то не знал, к чему это может привести. Утренние уроки прекратились. – Отдаленный стон сожаления сотряс его тело. – Заставить Ялдона возобновить занятия не вышло, а, значит, я остался на уровне его способностей, хотя втайне научился скрывать от него свои магические действия.

– Брат вам завидовал? – спросила я недоверчиво.

– Нет, что вы! – мгновенно ответил принц. – Ялдон всего-навсего боялся за меня и за то, что может произойти, если мы продолжим эксперименты. Он не должен был рисковать ни собой, ни мной, чтобы удостоить мою магию практикой. Так что я обходился простыми поручениями, помогающими моему брату в его дипломатических миссиях. Также я первый узнал, что он умер – он предупредил меня. «Королевство в твоих руках, Ленс, маленький сорванец» – вот его последние слова. – Он печально замолчал. – Их я передал лишь матери, – подтвердил принц мои подозрения. – Отец остро воспринял его смерть, так и не сумел ее перенести, но я его не виню. На тот момент Ялдону было двадцать три – согласитесь, немаленький срок для того, чтобы полюбить сына, будущего наследника? Энтраст так и не поверил в то, что я

стану достойным приемником, поэтому бесстрашно отпускал меня на границы, куда с трудом отправлял старшего сына. – Слабая усмешка. – Нет, это меня не оскорбляло, я, напротив, с неистовством накидывался на порученные мне задания и вскоре завоевал любовь простых стражников и солдат, а это дорогого стоит, моя принцесса. К Ялдону, несмотря на его смерть в сражении, относились с опаской, понять которую я так и не смог, к сожалению.

– Вы воевали с шестнадцати? А что же теперь, мирное время?

– Пока, думаю, да, а заглядывать в будущее и видеть там беспрестанные войны с Красной страной я не хочу. Они слишком кровожадный и властолюбивый народ, не хотят мириться с тем, что мое королевство им не покоряется. Но мы одержали убедительную хоть и печальную победу, с тех пор они не суются на нашу землю со своими бандитскими рейдами. – Силенс задумчиво откинулся на верхнюю ступеньку. – У Красной страны нет взгляда в мир – они видят свое будущее лишь в войне, а это нехорошо для их соседей. Но правитель Красного народа не желает ничего другого, кроме как завоеваний. Даже если он и сделал нам передышку, то небольшую. Восстановив силы, они вновь попытаются отбить у нас Вондэр, а если их союзником выступит Ейс, с посягательством на Рийвэр, наше Королевство займет не самое завидное положение, – ум принца устремился в рассуждения о войне, я хмуро улыбнулась. В его словах слышался не толь-

ко глава армии, но и аккуратный дипломат, рассуждающий о возможностях мира.

– Но почему Красная страна?

– Они прозвали себя так за цвет земли, которая не по природе своей приобрела такой оттенок. Слишком долго там шли междоусобные войны, такие, что пролили немало крови – так много ее никогда не видел мир. Теперь там красная земля, до сих пор не сумевшая исторгнуть из себя кровь.

– Какой ужас! – воскликнула я, мой голос эхом прокатился по спящему двору.

– Ужас в том, что из них теперь получилось государство-завоеватель, – отрицательно покачал головой Силенс. – Это грозит всем опасностью, а Дейстроу, с его огромными самостоятельными частями – тем более.

– И в этом мне предстоит провести жизнь.

Он кивнул.

– Не возникает такого желания, – кисло призналась я.

– Я понимаю, что обрек вас на такую жизнь, и да простите вы меня за такой выбор, но слушаться своего сердца – так для меня непривычно.

– Сердца? Вы знали меня несколько секунд, о какой любви...

– А не о любви речь идет, – перебил Силенс. – Я увидел в вас королеву, да, еще только просыпающуюся, но королеву. – Я покраснела. – А она нужна этой стране, после того как я взойду на трон. Кто, как не вы, будет управлять государ-

ством, пока я стану сражаться на границах, отстаивая свою правоту на эту землю?

– Я...

– Понимаю, в это трудно поверить, но что ж, со временем вы поймете, моя принцесса, поймете, и тогда многое перестанет казаться вам настолько сложным.

Слова принца что-то затронули в моей душе, и я неосознанным порывом поверила ему, хотя категорически отказывалась это делать. Ему поверила не только часть меня, но и волк за замковой стеной, резко вскинувший голову, он сонным взглядом смотрел сквозь все постройки туда, где сидели мы с принцем. Предательское доверие хищника подтолкнуло и меня к тому же, хотя моя суть «дикобраза», как выразился Силенс, отчаянно сопротивлялась. Но принц говорил так убедительно, что просто не оставалось выхода, кроме как самой поверить в это и воплотить в жизнь.

Он ждал от меня преданности его королевству, и я с готовностью могла присягнуть в ней ему, как совсем недавно на коленях принц клялся мне в верности, как своей королеве. В том в очередной раз проявилась наша незримая связь, коя появилась в день помолвки – когда черная ткань на весь день связала руки двух чужих людей. То был непростой ритуал, я утвердительно кивнула давешним словам королевы – боги не просто так оставили его нам в наследство. Эта нехитрая уловка помогала найти общности у двух совершенно разных людей – девушки из знатной семьи и наследного принца.

Силенс любил простое и доступное, я любила тоже самое. Он рисковал собой ради своего народа, я смирилась со своей судьбой принцессы ради своих родителей. Не это ли в нас сходство? Самопожертвование и искренность? Не эти ли два чувства давали мне силы в одиноком обучении быть принцессой? Не они ли вдохновляли принца, когда тот размахивал топором и рубил на куски врагов, угрожающих его земле? Людям, которых он любил просто так за то, что те стали гражданами его Королевства? Связь показалась мне такой естественной и нужной, что я, наконец, смогла отбросить все свои сомнения. Что бы ни происходило, это должно произойти.

Волк внутри меня внезапно заметался, протестуя. Он рвал когтями землю, разбрасывая клочья в разные стороны, дикий рык утробно вырывался из его горла, а желтые глаза яростно сверкали в лунной темноте ночи. Волк прорывался в мое сознание, но не смог этого сделать – меня окружала высокая, надежная стена, закрывающая от его атак. Я почувствовала себя одинокой – пропало постоянное присутствие хищника, к которому я так незаметно привыкла. Но животное отказывалось оставлять свои попытки, бешено кидаясь на мою стену, не останавливаясь, а лишь еще неистовее принимаясь за свою работу.

Она грубо закрылась от меня, выстраивая защиту вокруг своего сознания глупыми мыслями о преданности короне. Сначала я поддержала ее, но когда почувствовала швы-

рок, то испугалась. Она не просто закрылась на время, она запечатала свой рассудок от моих вторжений, и как бы я не пыталась, порвать эту печать мне не удавалось. Жалостливый, полный боли вой разлился по долине, окутывая и замок, в котором пряталась «неотвергнутая». Я знала, что та вздрогнула и посмотрела вдаль, но не так, как умела это делать со мной, не открываясь окружающему миру.

Он прижался к моему тяжело вздымающемуся, вспотевшему боку, и ласково ткнулся мордой в плечо, успокаивая. Его действия были мне не нужны – я упустила свой шанс, проиграла битву за наши жизни, а он проявляет ко мне милосердие? Грубо оттолкнув волка, я сделала несколько шагов и бессильно повалилась на землю. Не обращая внимания на протестующий рык, глупый кобель подошел и лег рядом, делясь своим живым теплом. Мне же хотелось заоченеть от холода и умереть голодной смертью. Я проиграла. Отпустила ее. Позволила избавиться от себя. Они сделали ошибочный выбор – я не подошла для этой миссии. Волк жался ко мне, разделяя мою скупую, тупую, но поглощающую все на своем пути, боль. Тихий скулеж заставил меня раздраженно щелкнуть зубами перед влажным носом кобеля. Мне не нужна жалость! Я резво вскочила на усталые лапы. Мышцы запротестовали, загудели, заболели, но я упрямо протиснулась сквозь кустарник и потрусила вверх по склону, зная, что волк неотступно следует за мной. Может, это он должен был держать ее? Они выбрали нас обоих. Может, я

ошиблась, решив, что должна познакомить ее с нами сама? Нет. Я отбросила глупые сомнения. Он даже не выносил ее нахождения во мне, а если бы уж она попыталась проникнуть в него...

Запах кролика даже не привлек мое внимание, хотя желудок сжимался в комок от голода. Лапы несли меня вперед и вперед, ветер трепал шерсть на загривке, а горячее дыхание наполняло пространство вокруг моего носа. Останавливаться даже для охоты я не желала. Я знала, что нужно бежать медленнее – его лапа до сих пор еще плоха, но ярость не позволяла мне рассуждать трезво, и, поймав наш застарелый запах, я мчалась по склонам к ним. Они не будут благородны, они могут нас убить, но другого пути не видно. Нужно во всем признаться, тогда, может быть, милосердие постигнет нас. Нет, глупо на это надеяться, очень глупо. Волчьи инстинкты заставили меня остановиться. Он едва не врезался в мой хвост, тяжело дыша, мгновенно вывалил свой язык. Прохладный ветерок остудил и мою голову.

Что делать? Вернуться к ним с пустыми лапами обозначало бы верную смерть – они отыщут других, и те-то уж точно не потерпят неудачу, не обращая внимания на силу «неотвергнутой». Вернуться к ней и продолжать биться о защитные стены? Я повернула ушастую голову в сторону человеческого логова. Оно слабо выделялось на фоне темных скал. Нет уж, так я только быстрее и вернее убью нас. Но что же тогда делать?

Он нетерпеливо заскреб землю под своими лапами и заскулил. «Цыц!» – рыкнула я и отвернулась в противоположную сторону от логова «неотвергнутой». Там лежали холмы, ведущие к ним. Долгий путь по камню вновь сотрет подушечки лап в кровь, а там нас могут только хладнокровно убить. Я с сожалением поглядела на волка. Его глаза выражали беспокойство, но покорность. Он пойдет со мной куда угодно – на смерть, на мучения. Но не в одно из этих состояний приводить волка я не хотела, кобель и так двигался на пределе своих возможностей. С укором, отметила, что рана на его плече открылась и кровоточит, пачкая серебристую шерсть лап. Он даже не пожаловался, а помочь ему сейчас было сложно – нужные травы даже ростков еще не дали. Я раздраженно зарычала. Почему мы должны страдать из-за нее?

Мой взгляд обратился в сторону от моря, не по одному из выбираемых мною пути? Отправится к Иным? Примут ли они пару блуждающих волков, сбежавших от своего предназначения? Имелись на моей памяти подобные случаи? Но жалость к волку переборола все сомнения. Я решила отправится к Иным.

Волк ощутил мое решение и задрожал всем телом. Жалобно заскулив, он мотнул большой головой, и махнул хвостом в сторону морского побережья. Нет уж, друг мой, солью твою рану уже не излечишь, нам помогут только Иные. Повелительно зарычав, я толкнула его мордой в бок, ткнулась

носом в его влажный нос и побежала вниз.

Лапы пружинили по прогретой днем солнцем земле, которая сейчас прохладно отдавалась в подушечках. Я свернула с человеческой тропы, и мы помчались по первой весенней траве, все дальше и дальше удаляясь от логова, в котором пряталась моя неудача. Не позволяя себе думать об этом, я бежала и бежала, мечтая только том, чтобы Иные нас не отвергли. Тогда нас ждет не просто смерть, а вечный позор всему нашему роду. Мы отреклись от них, я не смогла перебороть «неотвергнутую», я предала свой долг и честь, но это был единственный верный путь в моей жизни.

Но все-таки сердце сжималось от горечи – мне не хватало ее. Она так привычно и легко вошла в мою жизнь, я легко примирилась с ее незримым присутствием, делилась с ней своими чувствами, оказывала помощь в ее начинаниях, а она отвергла меня. Боль несвойственна волкам, но даже те несколько дней и ночей, проведенных в компании «неотвергнутой», позволили мне перенять человеческие привычки, и в них присутствовало и сожаление. Я скорбела вместе с ней над смертью глупой суки, слушала вожака в его странных рассказах о чем-то непонятном. Разделила боль ее падения, даже охраняла сон, когда та устало закрывала глаза. Предательница! Нет... Это я не смогла удержать, укрепить нашу связь, не сумела удержать ее в своем рассудке. Поэтому она перешла в другую стаю, в которой нет места для меня и моего волка.

Он зарычал, поняв, что я опять думаю о ней, но я только отмахнулась, осознавая, что никогда не сумею себе этого простить. Меня учила мать, седая волчица отдала свою жизнь, чтобы я обрела эти сознательные возможности вторгаться в человека, но вот как все вышло. Ее жертва оказалась напрасной, бессмысленной и ненужной. Волк вновь сердито зарычал, обгоняя меня. Сверкнувшая ярость в глазах позволила смириться со свершившимся, и я стала волчицей. Не думающей волчицей, как человек, не страдающей, а только лишь мечтавшей о еде и отдыхе. Я радостно припустила, уловив сочный запах добычи. Зубы торжествующе вонзились в плоть, теплая кровь побежала по губам, желудок в восторженных судорогах заурчал в животе. И тут я поняла, что только после моего окончательного отрешения наша связь с «неотвергнутой» звонко лопнула. Ненужное тело кролика полетело вниз.

Я глубоко вздохнула, освобождаясь от влияния волка. Он бесповоротно разорвал нашу связь, ощущения было пренеприятным, но оставалось лишь стискивать зубы и терпеть. Все произошло слишком быстро, принц даже не заметил моего мысленного отсутствия.

– Я даже уверен в этом, – продолжал Силенс. Я с трудом вспомнила, о чем он говорил. Неужели волки могут так быстро двигаться? Нет, тут какой-то секрет, заключила я.

– Почему вы решили, что тот волк принадлежит мне? – совершенно неосознанно спросила я.

– Волк? Какой... ах это, – принц тоже позабыл о такой мелочи, как появление хищника в замке, хах. – Просто он так осмысленно на вас смотрел, а вы на него, между вами будто существовала связь, из чего я и сделал такие выводы.

– Странно, – пробормотала я.

– Что именно, моя принцесса?

– Прекратите, – заявила я упрямо.

Принц замолчал, но улыбка появилась на его лице. Ночь показалась мне бесконечной, последний контакт с волком и его разрыв измотали меня донельзя.

– Вы пользуетесь Динео и даже не замечаете этого. – Он явно говорил свои мысли вслух.

– Я им не пользуюсь, мои способности неустойчивы и слабы...

– Это так, но все же они есть, и отдаленно Динео напоминает мне Королевскую магию, иначе бы я не слышал, как вы его используете. – Брови принца шевелились от тревожащих его размышлений. – Постойте! Это пропало?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.